

АНГЛИНСКІЯ ПИСЬМА,
или
ИСТОРИЯ
КАВАЛЕРА
ГРАНДИССОНА.

Твореніе Г. РИЧАРДСОНА
сочинителя
ПАМЕЛЫ и КЛАРИССЫ.
Переведено съ французскаго
А. Кондратовичемъ.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmн@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издивеніемъ И. Ситина.
Во градѣ Святаго Петра
1793 года.
Цѣна безъ перепл. 90 коп.

Свидѣтельстввалъ и подписалъ Коллежскій Совѣтникъ и
отправляющій должность С. Петербургскаго Полицмейстера

АНДРЕЙ ЖАНДРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
Отъ Англинскаго Издателя.

Издатель сихъ писемъ не почитаетъ за нужное объявить публикѣ, какимъ образомъ достались ему оныя; но весьма радуется тому случаю, что по онымъ можетъ онъ окончить планъ, которой предпринялъ изъ угожденія ко вѣдѣмъ, и которой желалъ выполнить гораздо лучше, нежели могъ того надѣяться.

Первое собраніе писемъ изданное въ свѣтъ, подъ названіемъ Памелы, представляетъ красоту и превосходство добродѣтели въ простой и невинной душѣ, съ тѣми дарами, кои небо часто изливаетъ на добродѣтель, даже въ теченіе и сей краткой жизни. Молодая дѣвица, произшедшая отъ незначитной породы повѣствуетъ добродушнымъ своимъ родителямъ о тѣхъ искушеніяхъ, коимъ честность ея подвергалась со стороны такого господина, отъ коего долгъ требовалъ быть ея покровителемъ. Сія картина изображаетъ свойство распутнаго, въ коемъ заключается все то, что ни есть презрѣнія достойнѣйшаго. Однако хорошее воспитаніе полученное имъ отъ изящной своей матери, его сильная страсть къ добродѣтельной дѣвицѣ, и тотъ любви достойной примѣръ, которой она ему подавала съ непреодолимымъ терпѣніемъ когда учинилась его супругою, понуждаютъ его наконецъ приступить къ той добродѣтели, онъ до того времени ощущалъ единую токмо склонность.

Въ другомъ собраніи писемъ, которое издатель выдалъ въ свѣтъ подъ названіемъ Клариссы, явленіе совершенно почти съ первымъ разнообразное. Хотя оно представляетъ особу одного полу съ Памелою, но весьма знатной породы, и съ другими надеждами, которая видитъ себя повергнутою въ толь разныя злостіи и скорѣби, что лишается жизни преждевременною смертію; ужасное наставленіе для такихъ родителей, кои предпринимаютъ принуждать склонности молодой дочери въ самомъ важнѣйшемъ пунктѣ ея жизни, равно какъ и вѣдѣмъ молодымъ дѣвицамъ, которыя безразсудно полагаются даже на самыя величайшія обѣщанія распутнаго человѣка. Не взирая на то героиня, подкрѣпляемая силою закона, торжествуетъ надъ вѣдѣми искушеніями; и ея сердце, бывшее всегда изящно, непорочно, возвышаемое каждымъ несчастіемъ, восхищается приближаясь къ вѣчной жизни. Злость жестокаго ея развратника толико же кажется ужасна и не сильна, даже и въ тѣхъ омерзительныхъ успѣхахъ, коими онъ тщеславился; но чрезвычайно высокое и тщетное о себѣ мечтаніе искоренили въ немъ нѣкія грызенія совѣсти, коими однако всегда онъ былъ устрашаемъ. Онъ отвращаетъ свои взоры отъ свѣта; онъ ожесточается противъ убѣжденій; и отвергая съ упорностію всякіе совѣты и усиленныя прозбы, погибаетъ презрительнымъ образомъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ своей жизни, будучи обремененъ сожалѣніемъ, стыдомъ и ужасомъ, которой бесполезно

беретъ съ собою во гробъ. Должно ласкаться, что сіи письма могутъ принести нѣкую пользу молодымъ людямъ, дабы удержатъ ихъ отъ злоупотребленія разума, молодости, достоинства, богатства и всякихъ наружныхъ преимуществъ, кои часто обращаются во зло для обладающихъ оными, и коихъ слѣдствія не менѣе бывають обществу пагубны.

Обстоятельства благопріятствующія издателю доставили и третіе собраніе писемъ, кои привели его въ состояніе представить публикѣ свойство и дѣянія честнаго человѣка. Въ Кавалеръ Грандиссонъ усмотрятъ примѣръ изящной души, коей поступки въ различныхъ затруднительныхъ положеніяхъ были единообразны, поелику всѣ его дѣянія постоянно произтекають отъ единого правила. Въ немъ усмотрятъ человѣка приверженнаго къ закону и добродѣтели, человѣка твердаго, чувствительнаго, просвѣщеннаго, любезнаго и драгоцѣннаго вѣкъ, по благороднымъ своимъ поступкамъ и по правотѣ своего сердца, собою щастливаго и составляющаго другимъ благополучіе.

Изъ сего объясненія всякъ судить можетъ, что какъ въ семъ сочиненіи, такъ и въ двухъ предшествующихъ единое и главное намѣреніе издателя, состоитъ въ томъ, чтобъ представить публикѣ забавное чтеніе. Намеренія его весьма благородны. Но онъ надѣется, что разныя происшествія и Особы по необходимости введенныя въ толь великое множество писемъ, равномерно могутъ нравиться и научать, тѣмъ еще болѣе, что главные переписывающіеся Особы суть люди молодые весьма пылкаго свойства, присоединяющіе къ пріятствамъ разума, всю учтивость полученную отъ хорошаго воспитанія.

Свойство дружескихъ писемъ, коихъ большая часть писаны въ самую ту минуту, когда сердце колеблемо бываетъ страхомъ и надеждою, касательно неизвѣстныхъ случаевъ, должно послужить извиненіемъ, что собраніе сихъ писемъ столь велико. Безъ сомнѣнія можно бы было описать гораздо болѣе дѣяній и свойствъ въ меньшемъ собраніи оныхъ; но были ли бы они толико важны? Повѣсть о молодости главнаго дѣйствующаго лица, по частію заключается въ весьма маломъ количествѣ писемъ. Въ семъ сочиненіи не находится ни единой совершенной Эпизоды; и когда Кавалеръ Грандиссонъ появляется въ дѣйствіи, то нѣтъ ничего такого, чтобъ не было чрезвычайно трогательно къ объясненію главнаго намѣренія. Первыя письма равно не могутъ быть почтены бесполезными, когда разсмотрятъ, что они показываютъ читателю нѣкоторую часть тѣхъ особъ, коихъ Исторія весьма тѣсно соединена съ повѣстію Героя.

ИСТОРИЯ
Кавалера
ГРАНДИССОНА.

Письмо I.

Люція Сельби къ Генріеттѣ Биронѣ.

Въ замокъ Агиби-Канонсъ, 10 Генваря

Намѣреніе твое ѣхать съ госпожею *Ревсъ* въ Лондонъ весьма весьма много обеспокоило трехъ твоихъ любовниковъ. Будь увѣрена, что по крайней мѣрѣ о двухъ изъ нихъ ты нѣчто услышишь. Столь любви достойная дѣвица какова любезная моя *Генріетта*, должна ожидать, чтобъ отъ ней требовали отчета въ ея поступкахъ.

Г. Гревиль съ обыкновенною своею рѣшимостію хочетъ за тобою же ѣхать въ городъ, гдѣ, говоритъ онъ, будетъ примѣчать самонамалѣйшія движенія всѣхъ тѣхъ, кои къ тебѣ приближаться станутъ; и какъ скоро подадутъ ему причину къ какому либо сомнѣнію, то откроетъ онъ свои требованія и покажетъ, какой опасности должны подвергнуться спорящіеся съ нимъ въ твоёмъ сердцѣ. Однакожъ должно отдать ему справедливость; хотя онъ съ своими совмѣстниками и поступаетъ съ толикою гордостію; но говоритъ о тебѣ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ и удивляется твоимъ совершенствамъ. Ангель и божество суть тѣ имена, коими онъ тебя обыкновенно называетъ. Хотя же онъ и сопровождаетъ оныя шутивымъ видомъ, но ты въ немъ примѣчаешь; однако я увѣрена, что онъ искренно тебѣ удивляется. *Г. Феньвичъ* хотя и не такую рѣшимостью оказалъ свои намѣренія, но не преминулъ объявить, что онъ за тобой поѣдетъ, естли ты больше двухъ недѣль въ городѣ пробудешь. Кроткій *Ормъ* изражаетъ свои опасенія одними только вздохами. Онъ проситъ небо, чтобъ ты перемѣнила свои намѣренія. Хотя онъ не льститъ ни какою надеждою, какъ онъ говоритъ, однако чрезвычайно утѣшается тою мыслию, что онъ живетъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ ты, и что иногда наслаждается твоимъ лицезрѣніемъ. Онъ удивляется, что твоя бабушка, тетка и дядя могутъ жить безъ тебя. Господинъ и госпожа *Ревсъ*, присовокупляетъ онъ, весьма счастливы тою властію, которую мы имъ дали надъ нашею фамиліею. Словомъ, каждый изъ твоихъ обожателей страшится новыхъ препятствій при умноженіи своихъ совмѣстниковъ; но что имъ до того нужды, сказала бы я имъ, естли они знаютъ, что ты никого изъ трехъ сихъ совмѣстниковъ отличишь не хочешь?

Естли ты твердо намѣрена ѣхать, и ничего не отмѣнила при твоёмъ отъѣздѣ, то я желаю тебѣ счастливаго пути и многихъ удовольствій въ городѣ; но паче всего желаю, чтобъ ты оттуда возвратилась съ сердцемъ

свободнымъ. Сестра моя, коей здоровье съ часу на часъ умалается, не причтетъ мнѣ въ вину, что я ее оставляю для долга, коего не хочу упустить. Не думай сюда ѣхать, ты будешь очень печалиться, когда увидишь сію бѣдную дѣвушку въ теперешнемъ ея состояніи. Я знаю, сколь ты чувствительна къ слабостямъ твоихъ друзей, когда не имѣешь никакой надежды оныя излѣчить; а какъ вся твоя фамилія полагаетъ свое щастіе въ твоёмъ удовольствіи, то было бы жестоко подать тебѣ какую либо причину къ печали.

Г. Гревиль въ сіе самое время отъ насъ ушелъ. Онъ пришелъ къ намъ нечаянно во время обѣда; говорилъ только о тебѣ, и не преставалъ угрожать, (такъ какъ я сама въ себѣ называла его выраженія) твоему отъѣзду въ городъ. Послѣ обѣда онъ прочиталъ намъ письмо госпожи *Трамptonъ*, которое почти до одной тебя касается. Онъ прочелъ намъ также нѣкоторыя мѣста изъ списка съ его отвѣта въ томъ мнѣніи, что оный оставляю у себя. Онъ человекъ весьма тщеславной, какъ ты знаешь, и очень уважаетъ все то, что ни напишетъ. Я попросила у него сію бумагу. Онъ показывался опасаящимся, чтобъ она не попала въ тебѣ въ глаза; но я проникла сію хитрость. Однакожъ онъ приказавъ принести чернилицу съ перомъ, и вычеркнулъ нѣсколько строкъ съ такимъ стараніемъ, какъ ты увидишь, что не думалъ, дабы оныя можно было разобрать; но чернила, кои я ему подать велѣла, были блѣднѣе его и ты примѣтишь, что всѣ сіи предосторожности ни къ чему не послужили. Я обѣщала ему прислать обратно сіе письмо.

Черезъ подателя ожидаю я отъ тебя нѣсколькихъ строкъ, которыми меня увѣдомишь, не отмѣнила ли ты своего намѣренія. Прощай, любезная *Генріетта*; я прошу Бога, чтобъ покровительствовалъ и руководилъ бы тебя повсюду, куда бы ты по своему желанію ни поѣхала.

ПИСЬМО II.

(Заключающееся въ предъидущемъ.)

Г. Гревиль къ госпожѣ *Трамptonъ*

Нортгамptonъ, 6 Января.

Вы требуете отъ меня Сударыня, истиннаго изображенія знаменитой *Миссъ Биронъ*, составляющей украшеніе нашей области и желаете знать правда ли то, какъ вы извѣстились, чтобъ любовь включила меня въ число ея особенныхъ обожателей. Сіе отличіе, Сударыня, весьма справедливо; ибо поистиннѣ нѣтъ никого, которой бы видя ея не удивлялся ей. Вы любопытствуете, какъ говорите, узнать только ея наружной видъ, присовокупляя къ тому, что большая часть женщинъ стараются о сей красотѣ болѣе, нежели о душевной. Можетъ

быть, соглашусь я по крайней мѣрѣ въ томъ, что одна возбуждаетъ въ нихъ больше ревности нежели другая. Но кто бы могъ сдѣлать изображеніе *Миссъ Биронъ* и не остановиться на ея видѣ, когда всѣ ея черты оживотворяются такою душою которая въ нихъ показываетъ свое совершенство и придаетъ достоинство ея лицу, взорамъ и самомалѣйшимъ ея движеніямъ?

Никто столько не страстенъ къ красотѣ, какъ я. До самаго того времени, когда я узналъ *Миссъ Биронъ*, былъ я изъ числа тѣхъ, кои не смотрятъ на другія превосходства въ женщинѣ. Правду сказать, я считалъ всѣ способности разума въ семь полѣ за бесполезныя и какъ бы невмѣстныя. Вы знаете, Сударыня, какія вольности принималъ я по такому своему мнѣнію, и коль часто за это вы меня укоряли. Женщина разумная, ученая, казалось мнѣ, имѣла такія принужденныя свойства, кои противны были природѣ. Я желалъ, чтобъ женщины, такъ сказать, составлены были всѣ изъ любви, а болѣе ни изъ чего. Если хотѣлъ я, чтобъ они имѣли нѣсколько благоразумія, то единственно столько бы имъ далъ онаго, сколько нужно для отличенія разумнаго отъ дурака, и сіе сдѣлалъ бы я для собственной выгоды. Вы знаете, Сударыня, что я тщеславенъ; а какъ бы *Миссъ Биронъ* прелѣстна ни была, но я не думаю, чтобъ Человѣкъ любящій чувственныя вещи удивлялся болѣе ея душѣ, нежели виду. Какое торжество было бы для сатаны, помышлялъ я часто, разсуждая о ея совершенствахъ, естлибъ онъ могъ сдѣлать какого нибудь человѣка способнымъ учинить сего ангела женщиною! Простите мнѣ, Сударыня, сіе выраженіе; вспомните, что я имѣю худую привычку изъяснять свободно всѣ мои глупыя мысли.

Хорошее свойство показывается и въ самыхъ простыхъ чертахъ. какоежъ должно быть его дѣйствіе на пригожемъ лицѣ? Никакая женщина не имѣла столь хорошаго свойства, какъ *Миссъ Биронъ*. Это такое качество, которое приписывается всему вашему полу отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ, то есть въ то время, когда утѣхи и чувствованія наиболѣе къ ономъ господствуютъ; и оное примѣчательно въ *Миссъ Биронъ*. Ей неболѣе положить можно семнадцать лѣтъ, хотя скоро будетъ ей двадцатой годъ. Красота ея, которая теперь мало по малу должна умяться, продолжится гораздо далѣе, нежели сколько процвѣтала. Но благоразуміе усматриваемое въ ея видѣ подало ей съ двенадцати, лѣтъ истинную отличность, предзнаменовавшую, какою она будетъ въ созрѣлыхъ лѣтахъ. И по сему сія господствующая красота, показывающаяся въ ея видѣ, сопровождается сроднымъ достоинствомъ во-всемъ томъ, что, она ни говоритъ и что ни дѣлаетъ, и которая не взирая на любви достойную откровенность, изъ коей познается преимущество ея души надъ большею частію другихъ женщинъ ея лѣтъ, лишаетъ самыхъ смѣлыхъ надежды обходиться съ нею съ излишнею вольностію. Право, я не знаю, какъ она такъ поступаетъ; но я не говорю

ничего такого, чего не испыталъ. Она шутить остроумно, а я равномерно отвѣтить ей не могу. Любовь, какъ говорятъ, возвышаетъ то, что мы обожаемъ. Сіе-то можетъ быть меня обуздываетъ.

Теперь, Сударыня, сомнѣваетесь ли вы, иль отвѣта моего на вашъ второй вопросъ, чтобъ любовь не включила меня въ число ея особенныхъ обожателей? Такъ точно, я не знаю, могу ли отъ того защититься. Однакожъ меня не ободрили, да и никого не ободряли; сіе только меня утѣшаетъ. Естьли вѣрить, что *Феньвичъ* въ большей у ней милости, нежели я. Я съ нимъ познакомился по ссорѣ произшедшей по сему случаю и вы уже знаете о слѣдствіяхъ оной; но теперь мы совершенные друзья.

Каждой рѣшился искать своего щастія терпѣніемъ и твердостію; ибо одинъ не больше можетъ хвалиться своимъ щастіемъ, какъ и другой (*). "Правду сказать, мы отогнали съ дюжину обожателей. Бѣдный *Орма* еще не отстаетъ, но онъ насъ мало беспокоитъ. Онъ настоящей плакса; и хотя имѣетъ нѣкое пособіе въ своихъ намѣреніяхъ отъ своей сестры, которая часто ходитъ къ гжѣ. *Сельби*, и которая будучи весьма почитаема въ семъ домѣ, по видимому оказываетъ хорошія ему услуги, разговаривая съ *Миссъ Биронъ* о его чувствованіяхъ; но мы не опасаемся такого пламени, которой онъ утешитъ своими слезами, нежели возможетъ привести онымъ въ опасность, хотябъ и удалось ему возжечь оный. Вы, женщины, любите, чтобы вамъ приносили жалобы; но я еще не видалъ, чтобъ при стараніяхъ пылкаго любовника и скромнаго обожателя, предпочтеніе было давано второму."

(*). Слѣдующія строки суть тѣ самыя, кои *Г. Гревиль* старался вычеркнуть.

Однако я долженъ отдать справедливость *Миссъ Биронъ*, что при томъ таинствѣ, которымъ она приводитъ себя у всѣхъ въ почтеніе, она чрезвычайно учтива, и никто изъ любовниковъ ея не можетъ жаловаться ни на гордость ея, ни на жестокость. Болѣе всего опасаясь я, чтобъ при столь великихъ душевныхъ совершенствахъ не затрудненъ былъ входъ любовной страсти въ ея сердце. Она будетъ, по крайней мѣрѣ, ожидать до того времени, пока не сыщется столь же совершенной человѣкъ, какъ она, и коего бы свойства могли оправдать ея склонность. Сей страхъ происходитъ отъ разговора моего съ ея бабушкою *Шерлей*. Сія госпожа, приносящая честь старости, дала мнѣ выразумѣтъ, что возраженія ея внуки противу меня и *Феньвича* производятъ отъ излишнихъ вольныхъ рѣчей, кои мы иногда произносимъ; хотя сіе и вошло въ обычай, и хотя большая часть женщинъ не имѣютъ сильнаго отвращенія къ тѣмъ, кои такія вольности себѣ позволяютъ. Но какое можетъ она сдѣлать возраженіе проживу *Орма*! Онъ право весьма тихое животное.

Миссъ Биронъ на осьмомъ еще году лишилась, своей матери. Говорятъ, что ея мать была весьма хорошая женщина, и скончалась отъ печали по умершемъ своемъ супругѣ. По смерти его, она прожила не болѣе шести мѣсяцовъ. Рѣдкой примѣръ! Бабушка и тетка, коихъ *Миссъ Биронъ* чрезвычайно уважаетъ, говорятъ, что не будутъ мѣшаться въ ея выборъ. Когда кто старается снискать ихъ милость; то онѣ твердо отвѣтствуютъ, что надлежитъ прежде получить на то одобреніе отъ ихъ *Генріетты*, а онѣ свое согласіе дать готовы. При нихъ бываетъ всегда какой-то Г. *Динъ*, человѣкъ весьма хорошаго свойства, особливо способный къ приказнымъ дѣламъ; но по правдѣ сказать, богатое наслѣдство, коего онѣ и не ожидалъ, понудило его *оставить* сіи упражненія. Онѣ крестной отецъ *Генріетты*, которая называетъ его своимъ батюшкою; да и всѣ много полагаются на его свѣденіе. Я было отнесся къ нему; но онѣ мнѣ то же самое отвѣчалъ, что дочь его *Генріетта* должна сама избирать жениха да всѣ такія предложенія требуютъ прежде всего ея одобренія.

Для чегожъ отчаяваться мнѣ въ успѣхѣ, когда отнесусь и къ самой ей? Мнѣ, *Гревиллю*, которой ничего презрительнаго въ видѣ своемъ не имѣеть, котораго по крайней мѣрѣ ласково принимаютъ, и которой обладаетъ великими богатствами, надѣясь при томъ получить еще и большія, для чего отчаяваться мнѣ? Когда я пою, танцую и одѣваюсь съ довольнымъ вкусомъ, и когда я довольно въ себѣ увѣренъ что многія женщины почитаютъ меня достойнымъ человѣкомъ. Она же будучи двадцати лѣтъ имѣеть не болѣе имѣнія какъ на двѣнадцать ли на пятнадцать тысячъ фунтовъ Штерлинговъ; ибо большая часть имѣнія ея родителя, которая была гораздо больше сей, перешла въ другое колѣно по недостатку наслѣдниковъ мужеска пола; въ прочемъ, по смерти своей бабушки можетъ она ожидать не болѣе пяти сотъ фунтовъ Штерлинговъ годоваго дохода; а хотя нѣтъ дѣтей у дяди ея *Сельби*, которой ее очень любитъ; но имѣеть однако съ своей стороны племянниковъ и племянницъ, коихъ также любви своей не лишаетъ; ибо *Генріетта* будетъ племянницею его сожительницѣ.

Я ни въ чемъ не отчаяваюсь. Есть ли рѣшительное намѣреніе и твердость имѣють нѣкую силу, и естли *Миссъ Биронъ* женщина; то она будетъ госпожею *Гревиль*. Я его говорилъ ея теткѣ *Сельби*, ея дядѣ, ея двоюродной сестрѣ *Люціи*, заслуживающей всю любовь, *Генріеттою* ей оказываемую; я неоднократно говорилъ это и ей самой.

Но я возвращаюсь къ описанію ея вида.

...Хоть умереть, не знаю съ чего начать. Она вообще прелѣстна. Не ужели вы не слыхали того отъ всѣхъ тѣхъ, кои ее видали? ея ростъ,.... Начну ли съ ея роста? Нельзя сказать, чтобы она была высока, но она нѣсколько выше средняго роста женщинъ. Мы молодые Агличане, поѣздя по свѣту мало смотримъ на станъ Агличанокъ и предпочитаемъ

ему небрежность француженокъ. Я мимоходомъ замѣчу, что иностранныя женщины по справедливой причинѣ не ищутъ того совершенства, до коего имъ достигъ не возможно. Разумно ли дѣлаемъ мы, естли при такомъ случаѣ входимъ въ ихъ вкусъ, еще дѣло другое, и какъбы о томъ думали; но въ походкѣ, видѣ и во всѣхъ движеніяхъ *Генріетты Биронъ* столько оказывается достоинствъ и пріятностей, что хорошій станъ всегда будетъ въ чести въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жить станетъ, по мнѣнію какъ Иностранныхъ, такъ и Агличанъ.

Она чрезвычайно бѣла и нѣжна, Иногда съ такимъ вниманіемъ разсматриваль я ее, что воображалъ себѣ, будто вижу ея кровь, текущую съ равномѣрнымъ движеніемъ въ прозрачныхъ ея жилахъ. На ея челѣ оказывается такое благородство, которое кажется, соединяетъ ея достоинство, съ тихостію, и при одномъ видѣ привлекаетъ къ себѣ уваженіе, сопряженное съ сладостнымъ удовольствіемъ. Не требуйте отъ меня другаго описанія. Словомъ сказать, каждая черта ея должна быть подвержена самой остроумной критикѣ; равно и все ея лице и прелѣстная шея, возвышающаяся на самыхъ стройныхъ ея плечахъ.... Клянусь честію, что принявъ все сіе разсужденіе, почитаю ее за совершенную красавицу; но другое особенное совершенство, отличающее ее отъ всѣхъ Агличанокъ; ибо должно признаться, что во Франціи чаще оное бываетъ есть та пріятность, которую французы называютъ *фізіономією*, и которую можно бы было весьма хорошо назвать *выраженіемъ чувствованій*. Хотябъ и не былъ столь совершенъ ея станъ, походка, и всѣ ея черты; но одна сія пріятность, сія душа, изъявляющая свои совершенства во всѣхъ частяхъ ея прелѣстнаго лица при свободномъ и пріятномъ видѣ самомалѣйшихъ ея движеній, понудила бъ всѣхъ ей удивляться.

Описывать ли мнѣ ее съ большею подробностію? Конечно, я того желаю, хотя и не легко мнѣ оное сдѣлать надлежащимъ образомъ. Ея щеки.... никогда не видываль такихъ пригожихъ щекъ, и съ такимъ прелѣстнымъ румянцемъ, оказывающимъ ея совершенное здравіе; отъ малѣйшей улыбки дѣлаются на нихъ двѣ прелестныя ямочки. Имѣя толико причинъ быть довольною сама собою и всѣмъ тѣмъ, что ее ни окружаетъ, (ибо она есть какъ бы кумиръ въ своемъ семействѣ) я думаю, что съ самага ея младенчества черты ея нималѣшей перемѣнѣ не были подвержены. Я увѣренъ, что ни разу отъ не удовольствія они неморщились. О! Естлибъ я имѣлъ столько силы надъ ея сердцемъ, чтобъ могъ нѣкогда возмутить сію ея чела ясность и веселость! Уста ея.... Не бывало никогда такихъ прелѣстныхъ. Но какъ можно тому дивиться? Столь алыя губы, и зубы столь ровные и бѣлые, умножили бъ красоту всякаго рта. Носъ ея придаетъ новое достоинство ея прелѣстямъ; подбородокъ ея чрезвычайно хорошъ и опускается ямкою почти непримѣтною; глаза ея, ахъ Сударыня? глаза! Боже мой, сколь они

блистательны, однакожь кротки и безъ малѣйшей гордости. Сколь часто презиралъ я въ стихотворцахъ таковыя принужденныя описанія глазъ ихъ Героинь! но позволяя нѣчто вольности стихотворческой, я имъ прощаю съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ глаза *Миссъ Биронъ*. Волосы ея составляютъ такое украшеніе, кое ни какихъ стараній не требуетъ, они съ природы кудрявы. Искусство ничего не придаетъ той пріятности, которую они сообщаютъ всѣмъ другимъ ея прелѣстямъ. Я бы сказалъ о ея шеѣ..... Здѣсь не смѣю на себя положиться. Несравненная дѣвица! все въ ней стократно прелѣстнѣе, нежели вообразить можно. Ея руки.... Вы нѣкогда замѣчали, что я очень люблю пригожія руки; по истиннѣ, Сударыня, и ваши руки не лучше ея рукъ. Ея руки имѣютъ всѣ совершенства, съ коими искуснѣйшіе живописцы могли изображать оныя. Какія пальцы! Они привыкли управлять перомъ, иглою и кистью, и играютъ на клависинѣ съ равною же пріятностію. О Сударыня! женщины имѣютъ душу, я в томъ теперь весьма увѣренъ. Простите ли вы мнѣ, что я о томъ сомнѣвался и долго думалъ, будто онѣ не для иннаго чего могли быть даны человѣку, какъ для преходящихъ удовольствій?

Развѣ я не слыхалъ, какъ поеть *Миссъ Биронъ*? развѣ я не видалъ, какъ она танцуетъ? Но какъ въ тѣлѣ, такъ и въ душѣ ея совершенная, такъ сказать, Гармонія. Если говорить о пріобрѣтенныхъ чтеніемъ свѣденіяхъ, то какая бы женщина въ такихъ лѣтахъ.... Но вы знавали Г. *Шерлея* ея дѣда; онъ былъ человѣкъ во всемъ свѣдушій и чрезъ сообщество съ Иностранцами пріобрѣлъ столько же вѣжливости, какъ и знанія. Его внука составляла всю, его утѣху съ семилѣтняго своего возраста, то есть, со времени его пріѣзда въ Англію, до четырнадцати лѣтъ, когда она его лишилась; воспитаніе ея было веселіемъ сего искуснаго и добродѣтельнаго наставника. Между сихъ-то двухъ возрастовъ, говаривалъ онъ часто, надлежитъ полагать основаніе достоинствъ и добродушія въ особахъ сего пола; ибо отъ оныхъ вдругъ онѣ переходятъ въ состояніе женщинъ. Онъ не думалъ учить ее древнимъ языкамъ, боясь излишне отяготить столь слабое растѣніе; но онъ за удовольствіе считалъ усовершенить ея знаніе во Французскомъ и Италіянскомъ языкахъ. Съ самой смерти столь почтеннаго старика, за коей послѣдовала кончина ея матери, много также получила она выгоды отъ общества съ своею бабушкою и госпожею *Сельби*, теткою ея съ отцовой стороны, столь отличными по своимъ достоинствамъ особами, что ихъ наставленія и примѣръ могли бы быть достаточны къ природнымъ дарованіямъ и въ такой молодой дѣвицѣ, которая бы получила оныхъ и въ меньшемъ обиліи.

Я вамъ говорилъ, Сударыня, что представляя изображеніе *Миссъ Биронъ* весьма трудно было ограничиться на ея видѣ. Но какой страхъ меня смущаетъ? Увѣренъ ли я, что не другаго человѣка женѣ приписывалъ сіи похвалы? У насъ въ области живетъ одна ея

двоюродная сестра, госпожа *Ревсъ*, прїѣхавшая изъ Лондона; она женщина весьма хорошаго нрава, но которая къ несчастію моему повезла съ собою сію *Генріетту* въ тотъ свѣтъ, коего я очень страшусь. О женщины, женщины! простите мнѣ, Сударыня; но сколь часто превосходная дѣвица въ двадцатилѣтнемъ: возрастѣ должна будетъ подвергаться искушенію и тщеславію? Какъ скоро *Миссъ Биронъ* покажется; то прелѣсти ея повсюду стануть извѣстны; множество новыхъ обожателей будутъ около ея толпиться; и кто знаетъ, не прельститъ ли какой нибудь щастливой щеголекъ такую дѣвицу, которая достойна и короны! Горе тому несчастному, ктобъ онъ ни былъ, если онъ посмѣеть противоборствовать моимъ требованіямъ, хотя съ малѣйшимъ успѣхомъ. Прося у васъ прощенія за сіи шутки, не могу я сказать, Сударыня, чтобъ онѣ не происходили изъ сердца вашего покорнѣйшаго слуги....

Гревиля.

ПИСЬМО III.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ замокъ Сельби 16 Января

Я отсылаю къ тебѣ въ семь пакетѣ, моя дорогая Люція, странное письмо *Г. Гревиля*; а какъ ты у него оное просила, то онъ и не сомнѣвается, чтобъ не сообщила онаго и мнѣ. Я изъ того заключаю, что если онъ о томъ узнаетъ, тю тебѣ лучше всего ему въ томъ признаться. Но тогда онъ захочетъ знать, что я о томъ думала; ибо знаетъ, что я ничего отъ тебя не скрываю.

И такъ скажи ему, если за благо разсудишь, что я больше не довольна его стремительностію, нежели чувствительна къ его ласкательствамъ. Скажи ему, что весьма для меня жестоко, когда мои ближайшіе родственники оставляютъ мнѣ вольность; а другой какой-то человекъ, коему я никогда не подавала причины отказывать мнѣ въ иномъ почтеніи, коимъ онъ моему полу обязанъ, беретъ право мнѣ угрожать и судить о моихъ поступкахъ. Спроси его, съ какимъ намѣреніемъ хочетъ онъ слѣдовать за мною въ Лондонъ, или во какое другое мѣсто? Если я не лишила его учтивостей, сосѣдямъ приличныхъ; то теперъ подаетъ онъ мнѣ къ тому весьма побудительныя причины. Любовникъ, которой способенъ угрожать, не можетъ быть инымъ мужемъ, какъ тираномъ. Не такъ ли и ты о томъ думаешь, моя дорогая Люція? но не говори ему о предложеніяхъ любви и брака; люди такого свойства, какъ онъ, толкуютъ все въ свою пользу, и тѣнь принимаютъ за самую вещественность.

Женщина видя, что приносятъ ей такія Хвалы, коихъ она не заслуживаетъ, не должна ли по причинѣ опасаться, чтобъ сдѣлавшись

женою ласкателя не лишится о себѣ хорошаго его мнѣнія, когда подасть ему власть поступать съ собою, такъ какъ она заслуживаетъ, хотя бы то онъ столько ослѣпленъ былъ страстію, что отъ чистаго бы сердца ее хвалилъ. По истиннѣ я презираю и опасуюсь льстецовъ; презираю ихъ за лживость, когда они сами не вѣрятъ тому, что во безстыдству своему говорятъ, или за тщеславіе, когда они во всемъ ими говоримомъ увѣрены. Опасаюсь же ихъ по справедливой недовѣрчивости къ самой себѣ, отъ коей страшусь, чтобъ ихъ рѣчи, такъ какъ они должны себѣ оное обѣщать по первому изъ двухъ моихъ предложеній, не внушили во мнѣ тщеславія, которое бѣ весьма уничижило меня предъ ними, и которое подало бы имъ поводъ возторжествовать надъ моимъ безразсудствомъ даже въ такое время, когда я буду наиболѣе гордиться своимъ благоразуміемъ; словомъ, великая вѣжливость всегда меня беспокоитъ, и тотчасъ меня понуждаитъ входить въ самую себя. Кому не можетъ; быть опасно самолюбіе свое? Я никакъ не сомнѣваюсь, чтобъ Г. Гревиль не желалъ, дабы я видѣла его письмо, а такая мысль внушаетъ мнѣ нѣкое противъ самой себя негодованіе. Мнѣ кажется, что сей человѣкъ открылъ въ моихъ поступкахъ какія-то погрѣшности, коибы я себѣ не простила, еслибы о нихъ знала, и кои подали ему надежду получить успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ тѣмъ, что будетъ со мною поступать, какъ съ безразсудною.

Я надѣюсь, что онъ и другіе не поѣдутъ за мною въ городъ, хотя, какъ кажется, и угрожаютъ мнѣ онымъ; а если они сіе сдѣлаютъ; то конечно я ихъ не увижу никогда, развѣ никакъ не можно мнѣ будетъ ихъ избѣгнуть. Однако если изъявлю имъ о семъ свое безпокойство, или буду просить, чтобъ не предпринимали такой поѣздки; то симъ сдѣлаюсь имъ обязанною за ихъ благоугожденіе къ моей волѣ. Мнѣ неприлично предписывать имъ въ такомъ случаѣ законы; ибо они свою покорность поставили въ чрезвычайно въ высокую цѣну, или былибы можетъ быть удобны вмѣнять себѣ за нѣкое достоинство свою страсть, дабы мнѣ отказать въ своемъ повиновеніи.

Однако я не могу сносить, чтобъ они столь упорно слѣдовали повсюду за моими стопами. Сіи люди, моя дорогая, а малѣйшую выгоду, которуюбы мы имъ надъ собою подали, оказывалибы болѣе жестокости надъ нашею волею, нежели самые строгіе родители, хотя и не имѣютъ другой существенной причины, кромѣ собственнаго своего удовлетворенія, вмѣсто того, что наши самовластнѣйшіе родители имѣютъ въ своемъ видѣ единое наше благо, хотя ихъ безразсудныя дочери и не всегда въ томъ увѣряются. Но коль многія изъ нихъ весьма удаляются отъ родительскихъ намѣреній или по крайней мѣрѣ отъ своей должности, посредствомъ сихъ мнимыхъ любовниковъ, между тѣмъ какъ супротивленіе ихъ родительскимъ повелѣніямъ бываетъ непреодолимо? О моя любезная! сколь бы я для себя желала; щастливо провести

слѣдующія восемь или десять лѣтъ, по крайней мѣрѣ если не найду въ сіе время такого человѣка, которой бы могъ обратитъ къ себѣ всѣ чувствованія моего сердца? О! еслибъ они столь же благополучно протекли, какъ и послѣднія четыре года, кои не менѣе были важны! Видѣть себя въ состояніи взирать на предмѣты съ возвышенности тридцатилѣтняго возраста, утвердиться неколебимо въ своихъ правилахъ, не имѣть причины укорять себя ни за какое дѣйствительное безразсудство; все сіе какое благополучіе!

День къ отъѣзду моей двоюродной сестры *Ревсъ* назначенъ. Дражайшіе мои родственники не престають мнѣ оказывать своего снисхожденія; и я все еще остаюсь при томъ же намѣреніи, но я не поѣду, не увидясь прежде съ моею милою *Нанси*. Какъ? чтобъ я склонилась веселишь себя утѣхами, и перенесла печаль отъ той мысли, что оставила въ страданіяхъ и болѣзни дорогую свою пріятельницу, подавая справедливыя причины думать, будто я по сему опасалась принять на себя нѣсколько труда, между тѣмъ когда я увѣрена, что могу облегчить по крайней мѣрѣ ея сердце утѣшеніями нѣжнаго дружества! нѣтъ, моя *Люція*, вѣрь мнѣ, хотябъ я не имѣла столько великодушія, но столько однако имѣю самолюбія, что не подвергну себя столь сильнымъ угрызеніямъ совѣсти. И такъ будь увѣрена, что вскорѣ увидишь твою

ГЕНРИЕТТУ БИРОНЪ.

ПИСЬМО IV.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

Лондонъ, 24 Января.

Мы пріѣхали въ городъ; ничто не доставало къ удовольствію нашему въ сей поѣздкѣ. Ты легко вообразить себѣ можешь, что *Г. Гревиль* и *Г. Фенвичъ* при первой нашей остановкѣ намъ представились. Они постарались для насъ изготovitъ обѣдъ; но они сами отдадутъ тебѣ отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Оба они возобновили свои угрозы, что будутъ слѣдовать за мною въ Лондонъ, если я тамъ проживу долѣе мѣсяца; но я съ лишкомъ далеко уже простираю свою благосклонность. Ты видишь, что ихъ двѣ недѣли вдвое увеличены.

Г. Фенвичъ сыскавъ случай поговорить со мною на единѣ нѣсколько минутъ, заклиналъ меня, чтобъ я его любила. *Г. Гревиль* съ столь же усильными прозьбами понуждалъ меня объявить ему, что я его ненавижу; такое объявленіе, говоритъ онъ, составляетъ все, чего онъ теперь ни желаетъ. Весьма странно, присовокупилъ онъ, что не можетъ отъ меня получить ни любви, ни ненависти; это чудное дѣло. Я съ

обыкновенною своею вольностію обратила его жалобы въ шутку, и отвѣчала ему, что еслибъ я и могла кого ненавидѣть; но онъ такой человѣкъ у коего бы менѣе недоумѣвалась я въ семь случаевъ обязать. Онъ весьма меня за то благодарилъ.

Сія два господчика хотятъ, кажется, провожать насъ далѣе, но какъ они никогда пути своего не оставляютъ, то захотѣлибъ ѣхать и до самаго Лондона, а тамъ мало по малу приставалибъ они къ намъ и во все время, которое я тамъ прожить намѣрена. Входя въ коляску я весьма важнымъ видомъ просила ихъ насъ оставить. *Фенвичъ* другъ мой сказалъ *Гревиль*, надобно воротиться назадъ. *Миссъ Биронъ* показываетъ свой важной видъ, важность на ея лицѣ довольно ясно выражаетъ намъ ея волю. Они весьма почтительно со мною простились, однако я ихъ благодарила за учтивость, что они на проѣздѣ нашемъ намъ представили свои услуги, а особливо за ту милость, что насъ оставили. А особливо, повторилъ *Гревиль*: ахъ сударыня, чегобъ вамъ стоило пощадить насъ отъ сей жестокости, пойдемъ, *Фенвичъ*, сказалъ онъ другому, удалимся; соединимся еще на нѣкое время, дабы нѣсколько насладиться теперешнимъ удовольствіемъ, а потомъ повѣсимся.

Должно было проѣхать намъ, какъ тебѣ не безъизвѣстно, мимо воротъ парка *Г. Орма*, онъ и самъ тамъ стоялъ у большой дороги; я не прежде его примѣтила, какъ весьма уже близко къ нему подѣхали; онъ поклонился намъ даже до земли съ такимъ печальнымъ видомъ, что меня тронулъ. Бѣдной *Г. Ормъ!* я желалабъ хотя одно слово сказать ему мимоѣздомъ, но лошади весьма скоро бѣжали! за чемъ онъ такъ скоро бѣжали? однако я подняла свою руку и высунула сколько могла голову изъ коляски, чтобъ съ нимъ поздороваться. О *Миссъ Биронъ*, вскричала при семъ *Гжа. Ревсъ!* *Г. Ормъ?* конечно есть тотъ щастливой смертной..... Я отвѣчала, что еслибъ ея догадка была справедлива, то не оказалабъ я того усердія, кое она примѣтила; но мнѣ кажется, что я весьма была бы рада, когдабъ однажды могла сказать, простите *Г. Ормъ*; ибо *Г. Ормъ* весьма хорошій человѣкъ. Сердце мое чувствовало еще нѣжность при прощаніи съ дражайшею нашею фамиліею меня обнимавшую; а ты знаешь, моя дорогая, что и слабое впечатлѣніе въ такомъ состояніи весьма легко дѣйствуетъ.

Домъ *Г. и гжи. Ревсъ* соотвѣтствуетъ ихъ имѣнію, т. е. онъ очень хорошъ и съ лучшимъ вкусомъ убранъ. *Гжа. Ревсъ*, зная что я страстно люблю писать, и что много писемъ отъ меня ожидаютъ, велѣла мнѣ наготовить довольно бумаги, перьевъ и чернилъ; она мнѣ охотно позволила немедленно занять свои покои, дабы повиноваться моимъ друзьямъ, кои, какъ ты знаешь, приказали мнѣ увѣдомлять ихъ о себѣ съ самаго нашего сюда пріѣзда и къ тебѣ обыкновенно надписывать мои письма. Но что могу я тебѣ въ столь короткое время написать? Мои покои чрезвычайно хороши; не большое собраніе самыхъ отборныхъ

книгъ, составляетъ въ немъ самое лучшее для меня украшеніе, выключая однако мои перья и чернила, коимъ я ничего предпочесть не должна, потому что помощію ихъ надлежитъ мнѣ приносить нѣкое увеселеніе въ замокъ *Сельби* своими разказами, кои въ ономъ привыкли сносить съ толикимъ снизхожденіемъ.

Я прошу у васъ благословенія, моя дражайшая и почтенная бабушка, также и у васъ моя любезная тетушка *Сельби* и мой дражайшій и почтенный дядюшка, коего мое отсутствіе лишитъ можетъ быть удовольствія пріятнымъ образомъ утомлять свою *Генріетту*, но я не думаю чтобъ въ отдаленіи своемъ вовсе отдѣлалась отъ сихъ нападковъ.

А ты, дорогая *Люція*, люби меня столько, сколько я стараться буду заслуживать твоей нѣжности, и не оставляй меня въ неизвѣстности о состояніи дорогой нашей *Нанси*. Сердце мое о ней кровію обливается; я бы почла себя вовсе неизвинительною, еслибъ пріѣхавъ въ городъ на три мѣсяца, не повторила ей изустно увѣренія моего дружества и того нѣжнаго участія, кое я въ здравіи ея пріемлю. Какое новое достоинство пріобрѣтаетъ она изъ моего терпѣнія! Коль драгою становится она мнѣ по своимъ страданіямъ! Если я когда либо впаду въ скорбь; то подай мнѣ Боже толь же сладостное и добродѣтельное на тебя въ самыхъ тяжелыхъ искушеніяхъ упованіе!

Пребываю дражайшая моя сестрица,
искренняя твоя.

Генріетта Биронъ

ПИСЬМО V.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

25 Января.

Ты много меня обрадовала, моя дорогая, извѣстя, что новые ваши врачи подаютъ надежду къ выздоровленію нашей любезной *Нанси*; да услышаны будутъ молитвы наши!

Мнѣ три дѣла наказывали при моемъ отъѣздѣ, первое, чтобъ писала часто, очень часто, повторено было мнѣ. Такой приказъ не былъ нуженъ; сердце мое тебѣ предано, и щастливья извѣстія, кои ты мнѣ подаешь о всемъ томъ что ниестъ дражайшаго для меня въ свѣтѣ, приносятъ мнѣ сладостную утѣху; второе, чтобъ наименовать тебѣ тѣхъ особъ, съ коими опредѣлено мнѣ жить въ семъ великомъ городѣ, и описать ихъ свойства; третіе, чтобъ извѣщать тебя съ самага начала о всѣхъ попеченіяхъ, всѣхъ ласкательствахъ даже и о самыхъ нѣмыхъ засвидѣтельствваніяхъ отличія, вотъ настоящія выраженія моей тетушки, кои могутъ отнестись

къ той молодой особѣ, которую мы толь нѣжнымъ дружествомъ удостоиваемъ. Помнишь ли ты, какъ отвѣчалъ мой дядя на послѣднюю изъ сихъ страстей? я повторю его слова, дабы ему показать, что его добрые совѣты не будутъ забыты.

Суетность пола, говорилъ онъ въ собраніи, не допустить, чтобъ отъ нашей *Генріетты* что нибудь такое выдти могло. Женщины, продолжалъ онъ, съ такою вольностію во всѣхъ частяхъ города въ публику показываются, что тамъ больше стараются видѣть новыя лица, нежели съ удовольствіемъ смотрѣть на пригожія, коимъ по привычкѣ менѣе уже удивляются. *Генріетта* на щекахъ своихъ при нѣжной младости являетъ честную простоту, могущую привлечь на нее вниманіе, какое обыкновенно къ новоприбывшей особѣ имѣютъ. Но для чего вперять въ нее мысли о побѣдахъ и любовныхъ дѣлахъ? Женщины, прибавилъ мой дядя, показываются въ публичныхъ собраніяхъ по рядамъ и по порядку, словно какъ на рынкѣ. А изъ того, что трое или четверо сумозбродокъ нашего уѣзда кажется имѣютъ о ней какіе-то замыслы, такъ какъ купцы, кои другъ предъ другомъ превышаютъ цѣну въ продажахъ; вы заключить можете, что въ Лондонѣ не будетъ она выѣзжать изъ воротъ, не видя приумноженія числа своихъ почитателей.

И такъ мой дядюшка не полагался на мои мысли, и не думалъ, чтобъ я могла пребыть въ томъ родѣ жизни, которой по снизхожденію прочихъ моихъ друзей я провождала. Правда, моя дорогая Люція, что нашъ полъ чрезвычайно склоненъ считать себя ласкаемымъ по усматриваему удивленію отъ другого; но я всегда старалась преодолевать сію безразсудную гордость слѣдующими разсужденіями: Ласкательство есть общій порокъ мужчинъ. Они не для иннаго чего ищутъ насъ возвышать, какъ для того, чтобъ низринуть насъ въ униженіе, и самимъ возвыситься на развалинахъ той гордости, кою въ насъ находятъ, и кою имѣютъ искусство намъ внушать. А какъ смиреніе паче всего въ инныхъ положеніяхъ похвально бываетъ; то и приноситъ самую большую честь тѣмъ женщинамъ, кои наиболѣе ласкательству были подвержены. Та, которая надымается похвалами мужчинъ, касательно личныхъ выгодъ, кои они въ ней по видимому предполагаютъ, споспѣшествуетъ ихъ намѣреніямъ, и кажется познаетъ, что главнѣйшею своею славою обязана ихъ удивленію; а симъ столько себя унижаетъ, сколько ихъ возносить. Не одарены ли женщины душею способною приобрѣтать вышшія совершенства! Для чего же болѣе стараются онѣ украшать телѣсныя свои дарованія? Нѣжная младость не долговременна; для чегобъ не стремиться намъ къ тѣмъ благамъ, коихъ обладаніе приносилобъ достоинство нашей старости? Мы всѣ былибъ столь же благоразумны и почтенны, какъ моя бабушка. Она будетъ намъ примѣромъ, моя дорогая. Какую женщину столько любятъ и уважаютъ молодые и старые, какъ мою бабушку *Шерлей*?

Чтобъ приступить къ исполненію другой моей должности; то должна я тебѣ описать нѣкихъ молодыхъ особъ обоого пола, кои приходили поздравлять гжу. *Ревсъ* съ ея возвращеніемъ. *Миссъ Аллистрисъ*, дочь Кавалера сего имени, пришла прежде всѣхъ. Видъ ея показался мнѣ весьма пригожимъ и свободнымъ, а свойство откровеннымъ, и я думаю что ее люблю. *Миссъ Брамберъ* была другою нашею посѣтительницею. Она не такъ пригожа, какъ *Миссъ Аллистрисъ*, но въ видѣ ея и поступкахъ не недостаетъ пріятностей. Одинъ проступокъ, которой я въ ней нашла, есть тотъ, что она любитъ много говорить. Даже и въ самомъ ея молчаніи, кажется, что она хочетъ что-то сказать, хотя и совершенно проговорила двѣ или три матеріи. Я тѣмъ съ большею вольностію порочу ее за такую гибкость языка, что гжа. *Ревсъ* оной не примѣтила, что конечнобъ они сдѣлали, естлибъ къ ней не привыкли. Однако статья можетъ, что радость видѣть паки своихъ друзей, отверзла ея уста. Естли моя догадка справедлива; то прости мнѣ *Миссъ Брамберъ!* *Салли*, меньшая ея сестра, весьма любезна, и скромна, но нѣсколько принужденна, можетъ быть, отъ живости старшей своей сестры. Онѣ въ лѣтахъ другъ отъ друга различаются шестью или семью годами, а *Миссъ Брамберъ*, казалось считала свою сестру почти такою, какою она была года за два или за три; ибо *Салли*, не болѣе семнадцати лѣтъ. Въ сей мысли утверждаетъ меня то, что младшая была гораздо менѣ скрытна въ то время, какъ ея сестра удалялась, и что при ея возвращеніи она опять начинала сжимать свой ротокъ, которой по правдѣ очень пригожъ, не считая того, что другая всегда ее называла не иначе какъ *мое дитя* съ видомъ показывающимъ право старшинства, и что другая скромно ей говорила: *моя сестрица*, такимъ голосомъ, которой показывалъ почти самое уваженіе.

Двое довольно молодыхъ мужчинъ, кои брали подъ руки двухъ сестръ, были Г. *Барнель*, племянникъ гжи. *Алластрисъ*; и Г. *Соммеръ*. Сей недавно еще женился. Я въ его поступкахъ усмотрѣла много притворства, а видъ его показываетъ, что онѣ надутъ своими совершенствами. По его уходѣ я сказала гжѣ *Ревсъ*, что считаю его весьма влюбленнымъ въ самага себя. Она въ томъ была согласна. Однакожъ такое самолюбіе очень неосновательно. Онѣ человекъ весьма обыкновенной, хотя искусство и чрезвычайно видно въ его нарядахъ. Его супруга была весьма богатая вдова; прежде нежели она привела его у самага себя въ уваженіе, влюбясь въ него, былъ онѣ довольно скромнень и не болѣе открывалъ въ самомъ себѣ достоинствъ, какъ сколько другіе въ немъ оныхъ усматривали, а по сему и можно извинить ту склонность, которую его супруга къ нему почувствовала. Но съ своего брака онѣ сталъ говорливъ, дерзокъ, рѣшителенъ; онѣ имѣетъ худое мнѣніе о всемъ нашемъ полѣ; а что всего хуже, онѣ не лучше того думаетъ и о своей супругѣ, за то предпочтеніе, которое она ему дала предъ другими.

Онъ оказывалъ мнѣ великое уваженіе; но такъ что я могла подумать, будто должна почестъ себя удостоенною по милости ободренія столь хорошаго судіи.

Г. *Барнель* человекъ молодой, да и всегда будетъ молодымъ, если я не обманываюсь. Съ начала я его сочла не иначе какъ за дурака. Онъ принужденно началъ говорить о нѣкоторыхъ предмѣтахъ, однако съ довольнымъ разсудкомъ, хотя и весьма обычнымъ. Щастливая память, подающая способъ приобрѣтать себѣ честь отъ разума другихъ людей, составляетъ для него нѣкое достоинство. Но когда хотѣлъ онъ показать собственной свой умокъ, то насаждалъ иного такого, чего разсудительной человекъ никогда не скажетъ. И потому я смѣло могу о немъ судить. Однако, судя по наружности, онъ можетъ, почестъся за одного изъ нашихъ молодыхъ щеголей. Онъ одѣвается весьма хорошо, и если имѣетъ къ чему вкусъ, то конечно къ нарядамъ: но онъ довольно въ нихъ свѣдущъ, ибо выхвалялъ намъ многія части своихъ уборовъ, и когда находилъ случай, то всегда начиналъ говорить о томъ же. Наконецъ прибавлю къ описанію его то, что какъ часто ни обращался разговоръ на важные предмѣты; то онъ вставъ со стула напѣвалъ Италійскую арію; и хотя очень худо сей языкъ знаетъ, но казалось съ удовольствіемъ, слушалъ собственной свой голосъ. Сей чудакъ привелъ себѣ на память какъ то пышныя учтивыя слова, коими меня удостоилъ, ожидая, какъ казалось, чтобъ я чрезъ то лучшее мнѣніе о самой себѣ возымѣла. Я не дивлюсь, что мужчины такъ худо думаютъ о женщинахъ, если воображаютъ, что мы съ удовольствіемъ слушаемъ толь многія дурачества, прикрываемые названіемъ вѣжливости.

Сего дня послѣ обѣда была у насъ *Миссъ Стефенсъ*, дочь *Полковника* сего имени. Она чувствуетъ заслуги своего отца, который считается между первыми людьми. Я никогда не видала столь привлекательной фізіономіи при меньшей принужденности. Сестрица моя *Ревсъ* сказала, что она много занимается чтеніемъ, но не видно, чтобъ она тѣмъ тщеславилась. Она у насъ была съ *Миссъ д'Арлингтонъ*, своею родственницею, которая имѣетъ дарованіе къ стихотворству. По прозвѣбъ *Гжи. Ревсъ*, *Миссъ д'Арлингтонъ* прочла намъ три піесы изъ своихъ сочиненій. А какъ она не прежде на то согласилась, какъ по нѣкоемъ супротивленіи; то и не знаю, дозволено ли мнѣ будетъ о томъ говорить. Одна піеса сочинена была на разлуку двухъ любовниковъ столь нѣжно и трогательно, что по видимому любезной музѣ не чужды были тѣ печали, кои невиннымъ образомъ при семъ случаѣ чувствовать можно. Другія, содержащая въ себѣ описаніе *Авроры* и восхожденія солнца, по крайней мѣрѣ показываетъ, что она рано вставать любить. Я просила у нее списка съ оной, дабы и самой въ такой привычкѣ утвердиться; но она мнѣ въ томъ весьма скромно отказала. Третію писала она на смерть своей милой *Малиновки*, но по моему мнѣнію излишне уже для матеріи умильно;

ибо еслибъ *Миссъ д'Арлингтонъ* по несчастію лишилась лучшей изъ своихъ пріятельницъ; то мнѣ кажется, что въ сей піесѣ, которая невольно долга, матерія вся истощена, и она принужденабъ была употребить изъ оной нѣкія изображенія. Я вижу, что трудно молодымъ особамъ, рожденнымъ съ нѣкимъ дарованіемъ, установить твердо свое воображеніе. Обильность ихъ мыслей отводитъ ихъ часто отъ матеріи; а чтобъ сказать все, то они не говорятъ того, что прилично. Но какъ бы то ни было, а ея піеса хороша мнѣ показалась.

Въ Четвертокъ, 26 числа.

Вчера ужинала съ нами *Милади Пеннъ Вилліамсъ*. Она весьма пріятная женщина, вдова почтеннаго нѣкаго челоуѣка, близкаго родственника *Г. Ревсъ*. Ей кажется около сорока лѣтъ. Она очень меня полюбила; а чтобъ со мною спознаться короче, то хочетъ она быть при всѣхъ тѣхъ увеселеніяхъ, въ кои приглашать меня стануть. Она замѣтила, что тѣ, кои хорошо знаютъ большіе города, поставляютъ себѣ за нѣкое торжество сопровождать въ оныхъ чужестранцевъ. Новыя замѣчанія и сравненія, коихъ они ожидаютъ, удивленіе, коему они будутъ очевидцами, вкусъ примѣчаемой ими ко всему тому, что заслуживаетъ почтеніе и удивленіе, приносятъ имъ весьма пріятное увеселеніе; а наблюденія такой молодой особы, какъ я, не менѣе обѣщаютъ ей пользы, какъ и удовольствія. Я благодарила ее за учтивость простымъ своимъ поклономъ. Я никогда и ничего не противопологаю таковымъ учтивостямъ. Симъ дала я разумѣть, что почитаю оныя искренними, или что поставляю себя достойною оныхъ, и ищу удовольствія, понуждая себѣ оныя повторять: и чтобъ ни говорилъ о томъ *Г. Гревиль*, но не всегда бываемъ мы подкрѣпляемы тѣмъ пріятнымъ смущеніемъ и тѣмъ минутнымъ румянцемъ, которой, какъ онъ думаетъ, у женщинъ всегда наготовѣ, когда онѣ съ притворствомъ отвергають чинимыя имъ похвалы. *Милади Пеннъ* по милости своей на семь токмо и остановилась, хотя мускулы ея пріятнаго лица, казалось, готовыбъ были дѣйствовать, какъ скоробъ я возбудила оныя отрицаніемъ тѣхъ достоинствъ, кои она мнѣ приписывала. Что ты о томъ скажешь, дражайшая моя? не забавная ли я дѣвица? Но я изъ сего не худое имѣю мнѣніе гжѣ. *Вилліамсъ*. Должно меня возить въ маскарады, и другія общественныя увеселенія; придетъ очередь и до баловъ, концертовъ и тѣхъ собраній, въ коихъ занимаются картежною игрою; а чтобъ приготовить меня къ сему послѣднему, то хотятъ мнѣ показать всѣ модныя игры. Воображала ли моя бабушка лѣтъ за двадцать, или тридцать, дожить до того времени въ которое новой обычай потребуеть, чтобъ кромѣ учителя музыки и танцмейстера былъ еще учитель для картежной игры, для усовершенствованія воспитанія

женщинъ? *Милади Пеннъ* предложила быть мнѣ руководительницею во всѣхъ сихъ веселостяхъ.

Теперь, любезная *Люція*, не повторишь ли ты своей молитвы, чтобъ къ тебѣ возвратилась съ сердцемъ ни къмъ не занятымъ? и не боишься ли ты, что я, по новому вкусу судя, не буду пригожею женщиною? За сіе опасеніе буду я отвѣтствовать тогда, какъ станешь меня въ чемъ ниестъ подозрѣвать. Если ты усмотришь, что я предпочитать стану наилучшіе изъ всѣхъ сихъ веселостей, даже самую оперу, не смотря на то, что я очень страстна къ музыкѣ, хорошему какому ниестъ сочиненію любезнаго нашего *Шакеспира*; тогда, любезная *Люція*, печалься сердечно о своей *Генріеттѣ*, бойся тогда, чтобъ она не впала въ легкомысліе, чтобъ глаза ея и уши не были обольщены, чтобъ сердце ея не заразилось нововведенными обычаями; чтобъ къ нещастію не пристрастилась она къ игрѣ, и чтобъ для утвержденія себя въ своихъ сумозбродствахъ, она не помышляла привести въ злощастіе какого нибудь честнаго человѣка, когда выдетъ за него за мужъ.

Здѣсь я скажу нѣчто о своихъ домашнихъ дѣлахъ. *Лакей Жамесъ*, коего я одного съ собою взяла, соскучился уже жить въ Лондонѣ, и хочетъ возвратиться въ замокъ *Селби*. Я не люблю видѣть при себѣ такого человѣка, которой въ жилищѣ моемъ скучаетъ, и потому обѣщалась его отослать; но какъ онъ дѣтина весьма умной; то надѣюсь, что моя тетушка для сего его не отпуститъ. Онъ многіе уже показалъ опыты своего благоразумія, и по моему правилу, что господинъ долженъ ручаться за свойство и нравы тѣхъ, кои ему служатъ, не мало я безпокоюсь, кого мнѣ къ себѣ выбрать. Я не такъ думаю, какъ тотъ великой *Министръ*, которой подая иногда предпочтеніе такимъ людямъ, кои онаго не стоятъ, приводилъ тому въ причину — то благодушіе, что хочетъ быть другомъ тѣмъ, съ коими никто дружить не желаетъ. Но симъ поступкомъ съ лишкомъ далеко уже простираютъ свое снисхожденіе, не разсуждая о томъ, что злонравной, коему покровительствуютъ, получаетъ награду, честному человѣку принадлежащую. Г. и гжа. *Ревсъ* оказываютъ мнѣ толикое снисхожденіе, и служители ихъ съ такою охотою мнѣ угождаютъ, что я не долго пробуду безъ вѣрнаго слуги

Время уже кончить такое длинное письмо. Я бы тѣмъ показала свое опасеніе, что мои дражайшіе родственники, друзья и благодѣтели не довольно увѣрены въ моей къ нимъ приверженности и уваженіи, еслибъ при всякомъ случаѣ начинала ихъ удостовѣрять въ оныхъ чувствованіяхъ. И такъ сочти, что такое увѣреніе всегда заключается въ совершенной съ любви, коею есмь и всегда быть желаю, дражайшая *Люція*, твоя искренняя

Генріетта Биронъ.

ПИСЬМО VI.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби. (*)

(*) Здѣсь выпущено нѣсколько бесполезныхъ писемъ.

31 Января.

Ты не думала, любезная моя, чтобъ такъ скоро представился мнѣ случай повиноваться третьему твоему и всей моей любезной фамиліи приказу; да и я нимало о томъ не помышляла; однако какой то молодой, знатной и нарочито богатой человекъ началъ уже взирать на меня съ нѣкоторымъ отличіемъ. Но чтобъ бесполезнымъ предисловіемъ не привести тебя въ нетерпѣливость; то скажу тебѣ, что онъ называется Г. Фулеромъ. По смерти своего отца и матери получилъ онъ довольно хорошее наслѣдство, но надѣется гораздо еще большаго отъ одного стараго своего дяди, уроженца *Гальскаго*, называемаго *Кавалеромъ Роландомъ Мерeditомъ*, который теперъ по дѣламъ провинціи своей живетъ въ Лондонѣ.

Кажется, что Г. *Роландъ* предписалъ своему племяннику подѣ лишеніемъ всей своей милости такой законъ, чтобъ онъ не вступалъ въ бракъ безъ его одобренія, коего, говоритъ онъ, никогда не дастъ, если избранная имъ дѣвица, будетъ не изъ знатной фамиліи, и не соединяетъ изящнаго воспитанія съ нарочитымъ имѣніемъ. Онъ хочетъ, чтобъ сія невѣста непорочно сохранила доброе свое имя; чтобъ свѣдуща была въ умозрѣніи домашнихъ должностей, и чтобъ имѣла такой разумъ, съ которымъ при случаѣ женщинѣ не стыдно оное умозрѣніе производить самымъ дѣломъ. Однако, поелику его племянникъ долженъ быть богатъ; то и объявляетъ что богатство составляетъ самомалѣйшее изъ тѣхъ выгодъ, коихъ желаетъ отъ своей племянницы, онъ думаетъ взять не больше осьми или десяти тысячъ фунтовъ Штерлинговъ; дабы сей бракъ не вовсе казался любовнымъ, въ коемъ будтобы его племянникъ менѣе совѣтовался съ разсудкомъ, нежели съ своими глазами. Когда дѣвица, говоритъ онъ, такое приданое имѣетъ, то это и доказываетъ, что ея родственники, въ хорошемъ состояніи находятся, и что она не много будетъ обязана тому, которой ее за себя возметъ. Ты видишь, что у стараго *Кавалера* не недостаетъ благоразумія. Но я забыла одно изъ главныхъ его условій. Будущая его племянница должна быть пригожа. Говорятъ, что онъ ставитъ себѣ въ честь любить красивыхъ — лошадей и собакъ, и что дѣлаетъ учтивыя сравненія между животными болѣе или менѣе благородными. Самъ онъ, какъ ты можешь судить по его странности, есть холостой старикъ, которой никогда не желая быть женатымъ, воображаетъ, что для его племянника нарочно сдѣлають жену, и незная еще ее, требуетъ отъ ней такихъ качествъ, изъ коихъ можетъ быть ни одного не найдетъ въ своей племянницѣ.

Г. Фулеръ увидѣлъ меня впервые у гжи Ревсъ. Я не могу сказать, чтобъ въ видѣ его ничего не было непріятнаго; но мнѣ кажется, что онъ не имѣетъ такой души, которой бы желала я въ томъ человѣкѣ, коемубъ должна я была признаться въ любви, на честности основывающейся.

Я не для чего иннаго хочу выдти за мужъ, какъ для того, чтобъ быть весьма доброю и честною женщиною. Не должна ли я клясться въ повиновеніи? И доведу ли себя до нарушенія своей клятвы? И такъ ничто не можетъ меня убѣдить выдти за такого человѣка, коего не большой умъ и разсудокъ въ состояніи поколебать меня въ соблюденіи моего долга, и которой слѣдуя можетъ быть однимъ своевольствамъ ограниченнаго разума дѣлалъ бы мнѣ какіе приказы, коимъ бы мнѣ разумъ не позволялъ мнѣ повиноваться.

Пріятно и честно женщинѣ покорять свой разсудокъ, даже и въ самыхъ простыхъ обстоятельствахъ, разсужденіе мужчины, имѣющаго болѣе ее благоразумія и разума; но еслии сихъ качествъ недостаетъ въ ея мужѣ, она можетъ по крайней мѣрѣ сумнѣваться, кто изъ нихъ справедливо о семъ говоритъ; а такое сумнѣніе есть первый шагъ къ умаленію почтенія, влекущій за собой непослушаніе и совершенную крамолу.

Я вдругъ примѣтила, что Фулеръ взираетъ на меня съ нѣкимъ отличіемъ. Женщины, сказалъ бы здѣсь мой дядя, всегда скоро находятъ такія открытія. Но за столомъ, за коимъ мы тогда сидѣли, всѣ оное примѣтили. Онъ приходилъ къ намъ и на другой день, и ни мало не разпрося о моемъ имѣніи, открылся гжѣ Ревсъ, прося у нее покровительства. Правда не забылъ онъ собственныхъ своихъ выгодъ; и я его за то не оуждаю, ибо ни кто оныя ему оспорить не можетъ. Но гдѣбъ былъ такой богатой человѣкъ, которой бы при такихъ случаяхъ не стадъ съ самаго начала разчислять свои богатства, между тѣмъ какъ бѣднякъ сколь можно удаляетъ отъ себя сію скучную мысль, а твердитъ только о любви, въ коей одной и увѣряетъ свою любовницу.

Г. Ревсъ, имѣя весьма хорошее мнѣніе о Г. Фулерѣ, отвѣчалъ ему, что сердце мое почитаетъ свободнымъ, и что я ни въ какой инной зависимости не нахожусь, какъ только имѣю уваженіе къ родителямъ, коимъ я, по сему самому болѣе привержена, нежели изъ корысти. Онъ хвалилъ хорошія мои качества, т. е. мой нравъ и сродное мое чистосердечіе, послѣднее относилъ онъ на счетъ моего пола, за что я его мало благодарила, когда онъ мнѣ это разсказывалъ. Словомъ, онъ его извѣстилъ о всемъ, что ни почиталъ за нужное, да и о многихъ такихъ дѣлахъ, кои не были тутъ нужны; какъ на пр. о довѣренности ко мнѣ и благодушіи моихъ родителей полагающихся на самое меня, касательно до моего выбора, вмѣшивая въ сіи подробности превеликое множество похвалъ, кои не инымъ чемъ извинительны быть могутъ, какъ добротой его сердца; и явнымъ пристрастіемъ къ своей племянницѣ. Такое

снизхожденіе моей фамиліи, полагающейся во всемъ на меня въ такомъ дѣлѣ, казалось озаботило Г. Фулера. Поелику такія случаи и предложенія, отвѣчалъ онъ, конечно весьма часто происходитъ будутъ, то онъ опасается, чтобъ сіе самое не препятствовало его надеждѣ. Естьли вы какую либо надежду имѣете, возразилъ Г. Ревсъ; то она должна основываться гораздо болѣе на добротѣ вашего сердца, а не на великомъ вашемъ богатствѣ. Онъ къ тому прибавилъ, что поелику я тщеславолюсь числомъ своихъ любовниковъ; то сродно, чтобъ толь многія предложенія учинили меня непреклоннѣйшею, и что великодушная довѣренность моей фамиліи, по видимому, утвердила меня въ семъ разположеніи. На конецъ, когда я ему сказалъ, продолжалъ Г. Ревсъ, что твое миѣніе гораздо больше того, какого дядя его отъ будущей своей племянницы желаетъ, и что природа, равно какъ и воспитаніе дали тебѣ разумъ твердой и основательной; то онъ вскричалъ: этого съ лишкомъ мною въ одной особѣ. Что же касается до имѣнія; то онъ бы желалъ, чтобъ у тебя не было ни полушки, дабы могъ предложить тебѣ свое имущество, а согласіе твое сдѣлало бы его щастливѣйшимъ изъ всѣхъ человѣкомъ.

Я жаловалась Г. Ревсу за чрезмѣрное предубѣжденіе, кое ясно усматривается въ томъ изображеніи, которое онъ о мнѣ учинилъ. По истиннѣ, сказала я ему, вы не обѣщали предложить надлежащихъ услугъ Г. Фулеру; положимъ, что я заслуживаю часть вашихъ похвалъ; но не должны ли вы были для собственной своей выгоды, посоветаться прежде нѣсколько съ моими склонностями, нежели представлять оныя въ такомъ совершенствѣ, которое можетъ возбудить въ немъ страсть? Естьлибъ мы жили въ томъ вѣкѣ, когда люди гораздо менѣе могли противустоять любви то вы повергли бы его въ жестокія печали; а меня, которая ни мало не разположена соотвѣтствовать его чувствованіямъ, привели бы въ необходимость быть ему обязанною сожалѣніемъ, когда бы я ему ничего болѣе оказать не могла. Г. Ревсъ мнѣ отвѣчалъ, что тѣ рѣчи, кои говорилъ онъ Г. Фуллеру, говорить будетъ и всѣмъ, что впрочемъ не весьма сожалѣетъ онъ о такомъ любовникѣ, къ коему начала бы я чувствовать жалость; ибо она приуготовляетъ сердце къ любви, и что самъ онъ сдѣлалъ тому опытъ съ своею супругою, въ которую онъ страстно былъ влюбленъ; и на конецъ не могъ онъ скрыть, что Г. Фуллеръ ему другъ.

И такъ, любезная моя, сей Фулеръ; кажется довольно увѣренъ, что нашель невѣсту себѣ приличную; но я сумнѣваюсь, чтобъ твоя Генріетта нашла въ немъ такого человѣка, коегобъ заблагоразсудила избрать себѣ супругомъ.

ПИСЬМО VII.

Генріетта Биронъ къ Люціи Сельби.

2 февраля.

Г. Роландъ самъ приходилъ вчера по утру въ первые къ Г. Ревсу, но прежде нежели объяснилъ причины, приведшія его къ намъ, онъ просилъ позволенія меня видѣть. Я его еще не знала. Мы въ то время завтракали. Миссъ Аллестрисъ, Миссъ Брамберъ и Миссъ Домингсъ, молодыя и достойныя особы, были съ нами. Г. Ревсъ, ввелъ къ намъ устарѣлаго Кавалера Гальскаго съ обыкновенными учтивостями; но не сказавъ ему, которая изъ насъ есть Миссъ Биронъ. И по тому садясь не сказалъ онъ ни слова; но смотря на насъ попеременно и устремя свой взоръ на Миссъ Аллестрисъ, онъ толкнулъ локтемъ Г. Ревса. Г. Ревсъ все молчалъ; а Г. Роландъ, имѣя слабое зрѣніе, началъ потомъ глазѣть, наморща лобъ, на Миссъ Брамберъ и на Миссъ Домингсъ, и когда взглянулъ на меня; то сказалъ кое-что на ухо Г. Ревсу. Ему подали чаю, которой онъ принялъ съ видомъ нетерпѣливости и недоумѣнія. На конецъ схватя за пуговицу платья Г. Ревса, сказалъ ему, что хочетъ съ нимъ на минуту переговорить. Они вышли вмѣстѣ. Нѣтъ, я не обманываюсь, началъ съ жаромъ говорить Кавалеръ, не оставляя пуговицы, которую держалъ. Послушайте меня, Г. Ревсъ; я люблю своего племянника, какъ самага себя; я живу, единственно для него. Онъ всегда былъ почтителенъ къ своему дядѣ. Естьли та самая дѣвица есть Биронъ, которая сидитъ по правую сторону гжи Ревсъ, съ толь прелѣстною осанкою, блистательными очами, пріятнымъ видомъ, и лицомъ столь же цвѣтущимъ, какъ самая вѣсна; то дѣло рѣшено. Я даю свое согласіе. Хотя я ни одного слова отъ нее не слыхалъ; но увѣренъ, что она совершенно разумна. Мой племянникъ не женится на другой. Три молодыя особы, кои сидятъ съ нею, кажутся весьма пріятны; но естьли къ той самой, о коей я говорю, почувствовалъ мой племянникъ склонность; то не жениться ему на другой. Какъ она славится будетъ между нашими Кермартенскими Госпожами! такъ и въ Кермартенъ есть прелѣстныя женщины. Скажите мнѣ, Г. Ревсъ, не обманулъ ли я въ пламени моего племянника? Пламенъ, вить такъ ето называется въ Лондонѣ?

Г. Ревсъ ему отвѣчалъ, что онъ не ошибся, и что ето есть Миссъ Биронъ. Потомъ съ тѣмъ пристрастіемъ, которое всегда мнѣ оказываетъ, по единому сердечному побужденію, началъ онъ меня выхвалять. Слава Богу, слава Богу, вскричалъ старикъ. Войдемъ, войдемъ къ ней; я хочу сказать нѣчто такое, которое побудитъ ее говорить. Но чтобъ на не боялась; я не скажу ничего такого, что могло бы ее привести въ замѣшательство. Если ея голосъ соотвѣтствуетъ всему прочему; то я думаю, что онъ будетъ совершенно стройной. Но тонъ ея голоса, разумѣете ли Г. Ревсъ? По сему могу я судить о сердцѣ, душѣ и свойствахъ сего пола. Симъ открытіемъ обязанъ я не инному кому, какъ себѣ. Войдемъ, пожалуйста войдемъ.

Они стояли столь близко у дверей, что мы довольно ясно могли разслушать сіе предисловіе. По несколькихъ извиненіяхъ, кои приносили намъ Г. *Роландъ*, за то, что отводилъ въ сторону Г. *Ревса*, они сѣли оба на свои стулья. Здѣсь, любезная моя, не думай, чтобъ я могла совершенно привести себѣ на память самой рѣдкой и необычайной разговоръ, какой когда либо быть мажетъ. Вопросы стараго дворянина, остроумныя изреченія его друга, разумныя и проницательныя его шутки, выраженія его нѣжности къ своему племяннику, и своего ко мнѣ удивленія, представили намъ такое позорище, которое ни съ чѣмъ сравнить не можно. Онъ хотѣлъ знать не предупреждены ли мои склонности? Я ему не принужденно сказала, что не предупреждены. Онъ думалъ, что мнѣ не болѣе шестнадцати лѣтъ, и я съ великимъ трудомъ могла его увѣрить, что мнѣ скоро минеть девятнадцать лѣтъ; тогда онъ себя оуждалъ, не примѣтивъ, что съ толь многими хорошими качествами не можно мнѣ быть моложе двадцати лѣтъ; но какъ въ разсужденіи его племянника я присовокупила, что не прежде намѣрена выдти замужъ, какъ на двадцать четвертомъ году; то тутъ начались другія многія разсужденія, для подтвержденія моихъ словъ, а при томъ и для доказательства, что я несправедливо оное говорю. Между сими доводами не забыто было имѣніе его племянника. По точнымъ выкладкамъ узнали мы, что Г. *Фулеръ* получаетъ теперь двѣ тысячи фунтовъ Штерлинговъ годоваго дохода, и что дядя намѣренъ присовокупить къ тому такую же сумму для его брака, утверждая за нимъ по договорной записи остальное его наслѣдство. Г. *Роландъ*, любезная моя, такую же чувствуетъ ко мнѣ страсть, какъ и племянникъ его. Онъ меня почитаетъ достойнѣйшей обожанія изъ всѣхъ женщинъ вообще. Но какъ въ своихъ лѣтахъ отдаетъ онъ себѣ справедливость, и любитъ своего племянника болѣе самаго себя; то онъ употребитъ всѣ свои усилія, дабы перемочь тѣ чувствованія, кои ко мнѣ возлѣимѣлъ; онъ будетъ довольствоваться тѣмъ шастіемъ, что станетъ называться моимъ дядею. Когда завтракъ кончился и гжа. *Ревсъ* предложила намъ возвратиться въ ея покои; то мы оставили его съ Г. *Ревсомъ*, которому онъ открылъ совершенно свое сердце, стараясь усильно склонить его къ выгодамъ своего племянника. Потомъ онъ было желалъ получить отъ меня то, что называлъ *особенною аудіенціею*; но какъ три молодя наши пріятельницы съ нами простились, а гжа. *Ревсъ* сѣла за уборной столъ; то я сію же самую причину употребила къ своему извиненію. Онъ просилъ по крайней мѣрѣ позволенія придти къ намъ на другой день. Г. *Ревсъ* сказалъ, что мы званы были въ разныя мѣста, и что до самаго понедѣльника не будемъ свободны. Наконецъ доброй *Кавалеръ* согласился видѣться со мною въ понедѣльникъ по утру, и при томъ возобновилъ Г. *Ревсу* всѣ свои усильныя прозъбы.

И такъ, любезная моя, ты имѣешь теперь у себя продолжительное повѣствованіе о всемъ томъ, что касается до новаго моего обожателя, ибо

мущины принимаютъ на себя сіе званіе до того времени, пока сдѣлаются нашими властелинами. Сего дни Пятница. Мы нынѣ званы къ Гжѣ. *Вилліамсъ*. Если въ сей день случится что нибудь забавное для содержанія будущаго моего письма; то не упусти ничего такого, что тебѣ нравится можетъ.

ПИСЬМО VIII.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Пятницу въ вечеру.

Съ премногими увеселеніями провели мы свое время, любезная моя, и я увѣряю тебя, что нашла оныхъ болѣе, нежели желала. И потому прочти сіе длинное письмо со вниманіемъ.

Госпожа Пеннъ приняла насъ чрезвычайно учтиво, у ней были уже гости, коимъ она представила меня съ лестными похвалами. Сказать ли тебѣ; какое впечатлѣніе учинили надо мною ея гости, и что замѣтила я во все время нашей тамъ бытности? *Миссъ Анциллонъ* первая представляется мнѣ на мысль. Она показалась мнѣ весьма пригожею, но надмѣнною; оказываетъ принужденные поступки и совершенно занята сама собою. Вторая есть *Миссъ Клемеръ*, въ коей я усмотрѣла, при обыкновенной фізіономіи, удивительной разсудокъ, обогащенный многими чтеніемъ, и хотя по наружности судя никакихъ выгодъ она не имѣетъ, но я примѣтила, что по мнѣнію всѣхъ, за просвѣщенный свой разумъ, предпочитается *Миссъ Анциллонъ*. Третья называется *Миссъ Барневельтъ* и какъ мнѣ кажется, при мужескомъ лицѣ имѣетъ и мужескую душу; ибо взгляды у нее суровой, видъ вольной и смѣлой, голосъ надмѣнной, особливо когда въ разговорахъ бывають не одного съ нею мнѣнія, и во всѣхъ случаяхъ, она оказываетъ нѣкое презрѣніе къ своему полу, такъ что дивятся, какъ можетъ она носить чепчикъ.

Мужчины бывшіе тамъ называются Г. *Бальденъ* и Г. *Симплъ*; первой, прибывшій не давно изъ Оксфорта происходитъ отъ весьма знатной породы и очень богатъ; но угрюмъ, наполненъ своими мнѣніями, и презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои не воспитывались въ Университетѣ. Г. *Симплъ* весьма тихъ, а такое свойство соединенное можетъ быть съ его именемъ, подвергнетъ его нѣсколько насмѣшкамъ, касательно его свѣденій, хотя по моему мнѣнію сіе и не справедливо; ибо онъ не навлекъ на себя ни того ни другаго, и не только не можетъ обидѣть человѣка, но по веселому своему нраву долженъ бы еще былъ привлекать къ себѣ болѣе снисхожденія, не считая того, что онъ имѣетъ такое качество, котораго весьма часто не бываетъ въ людяхъ, почитающихъ себя преимущественно предъ другими разсудительными, то есть, *знать самага себя*; ибо онъ покорень, скромень и всегда готовъ признать въ другихъ

преимущество надъ собою. Г. *Симплъ* имѣеть у себя весьма большое помѣстье, которое служить хорошею замѣною его недостаткамъ. Присовокупляютъ къ тому, то онъ весьма хорошо онымъ управлять умѣеть, и что никто лучше его не знаетъ своихъ выгодъ. Сіе дарованіе приводитъ его въ состояніе обязывать тѣхъ, кои присвоаемыя ими надъ нимъ преимущества поставляютъ себѣ за право смѣяться надъ нимъ въ его отсутствіи; и увѣряютъ, что онъ не дозволяетъ себя усиленно просить о какихъ нибудь услугахъ, но оказываетъ оныя съ такою осмотрительностію, что въ такихъ случаяхъ не подаетъ причины надъ собою смѣяться. Думаютъ, что родственники пригожей *Миссъ Анциллонъ* не были бы несогласны за него ее отдать. Я и сама, желала бы, еслибъ была ея сестра, чтобъ она по благоразумію своему согласилась выдти за умнаго *Симпля*, которой по разсудку своему найдетъ и причину и самую возможность замѣнить супругъ то, чегобъ не могла она ему принеся, относительно къ богатству. Что касается до *Миссъ Барневельтъ*; то кажется, что никто не думаетъ искать ей супруга. Тѣ, кои издѣваются надъ нею, не столько считаютъ ее за дѣвушку, какъ за молодую чудесницу, которая можетъ быть подумаетъ нѣкогда и сама жениться. Одна изъ причинъ приводимыхъ самою ею для утѣшенія своего, что она женщина, есть та, что *не можно выдать ее за мужъ за особу ея пола*. Странное твореніе! но посмотри, любезная моя, что навлекаютъ на себя женщины, оставляющія свои свойства; подобно лѣтучимъ мышамъ, въ басняхъ упоминаемымъ, онѣ считаются за существа сумнительной, и какъ бы двойкой породы, кои не присвоятся ни къ одному полу, и кои бывають подвержены посмѣянію и того и другаго.

Вотъ всѣ гости, коихъ *Милади Вилліамсъ* съ нами къ себѣ ждала. Но едва первыя учтивости окончались, какъ *Милади* вышедъ по чьей-то прозвѣ изъ горницы, возвратилась къ намъ съ однимъ мужчиною весьма хорошаго вида, коего представила намъ подъ именемъ *Кавалера Гарграфы Поллексфена*. Между тѣмъ, какъ онъ съ великою пріятностію кланялся собранію; то она сказала мнѣ на ухо, что онъ *Баронетъ*, и одинъ изъ самыхъ достаточныхъ дворянъ въ Англіи, разбогатѣвшій наслѣдствомъ полученнымъ недавно отъ своей бабушки и двухъ дядьевъ, кои чрезвычайно были богаты. Когда онъ мнѣ былъ представленъ подъ своимъ именемъ, а я ему подъ своимъ; то онъ мнѣ весьма, вѣжливо говорилъ о томъ, сколь я по дарованіямъ своимъ извѣстна, и сколь онъ щастливъ, что меня видишь. Онъ очень много слыхалъ, прибавилъ онъ, о тѣхъ достоинствахъ, кои мнѣ приписываются; но не думалъ видѣть, чтобъ оныя похвалы были толь недостаточны при всей справедливости. *Миссъ Анциллонъ* очень тогда надулась, перевертывала свой вейеръ, к казалась мнѣ очень тронutoю тѣмъ, что не привлекла на себя первыхъ знаковъ его вниманія. Въ принятомъ ею видѣ, казалось, усматривала я нѣсколько пренебреженія. *Миссъ Клемеръ* улыбнулась, съ видомъ удовольствія, и

какъ будто по доброму своему свойству дѣлила уваженіе относимое къ особѣ того пола, коего по сердечнымъ своимъ качествамъ составляла украшеніе. *Миссъ Барневельтъ* побожилась, что при первомъ видѣ взглянула на меня взоромъ любовника, и потомъ взявъ у меня съ великою вольностію руку, и сжавши оную сказала: вы прелестны, принявъ при томъ такой голосъ, какимъ бы могла говорить съ молодой невинною изъ провинціи пріѣхавшею дѣвицею, чая можетъ быть видѣть меня въ замѣшательствѣ и смущеніи.

Баронетъ принося извиненіе *Милади*, признался, что онъ осмѣлился придти въ ней безъ приглашенія единственно для удовольствованія усерднаго своего желанія лично видѣть и удивляться *Миссъ Биронъ*. Ему отвѣтствовано, что все собраніе вдвое мнѣ симъ обязано. Оксфордской выходецъ тутъ показалъ, что считаетъ себя помраченнымъ совершенствами *Сира Гарграфа*; а чтобъ взять надъ нимъ верхъ: то прочитывалъ намъ нѣкія мѣста изъ Латинскихъ Авторовъ, коихъ красоту и изящность хотѣлъ онъ намъ дать выразумѣть грамматическими правилами. Потомъ вставъ на цыпки, какъ будто хотѣлъ *Баронета* осмотрѣть съ головы до ногъ, подбодрился и вдругъ пошелъ къ нему, брося презрительной взглядъ на богатое его убранство. *Г. Симплъ* усмѣхнулся, какъ будто бы все производившее при немъ, очень его увеселило. Однажды, правда хотѣлъ онъ усилиться что нибудь сказать; онъ растворилъ уже ротъ свой дабы произнестъ то, что думалъ, а сіе кажется съ нимъ бываетъ, да и прежде еще нежели придумаетъ тѣ слова, кои выговорить хочетъ. Но онъ сѣлъ опять на, свое мѣсто, доволенъ будучи своимъ усиленіемъ, и въ самомъ дѣлѣ тѣ, кои не дѣлаются презрительными по своимъ притворствамъ, должны быть сносны. Бѣдные и богатые, мудрые и безумные, всѣ мы одной махины части собою составляемъ. Должно мнѣ сказать, любезная моя, не заслуживаю ли я сама въ своихъ описаніяхъ того порицанія, которое отношу къ людямъ презирающимъ другихъ за произвольные недостатки?

Описаніе, которое теперь хочу тебѣ представить, должно показаться важнымъ, естли тебя увѣдомлю, что сыскался мнѣ новый обожатель, которой же изъ трехъ вышепомянутыхъ Господь? Я увѣрена, что ты мѣтишь на *Баронета*? Такъ точно, любезная моя, онъ-то новой мой любовникъ есть, но вѣрь что мой выборъ основанъ будетъ на томъ, что я въ слѣдствіи времени о немъ увѣдаю, и что также по собственнымъ моимъ наблюденіямъ примѣчу.

Кавалеръ Гарграфъ Поллексфенъ пригожь, росту довольно высокаго, коему отъ роду около 50 лѣтъ. Цвѣтъ лица, его для мужчины съ лишкомъ уже бѣлъ, и подходитъ къ блѣдному. Глаза у него примѣтно смѣлы, велики, выпуклы и подобны тѣмъ, кои называются по просту бычьими глазами; въ видѣ своемъ притворяетъ онъ себя самовольцемъ, что можетъ быть почитаетъ за нѣкое о себѣ одобреніе у женщинъ. *Миссъ*

Анциллонъ, слыша какъ его хвалила *Милади Вилліамсъ* когда онъ стоялъ обернувшись къ намъ спиною, сказала, что у него самые лучшіе глаза, какіе она когда либо видала въ мужчинѣ, глаза мужескіе, примолвила она, полные огня. Онъ объясняется свободно; но такая скорость, кажется, происходитъ больше отъ того, что онъ ни въ чемъ не сумнѣвается, нежели отъ чрезвычайнаго количества хорошихъ понятій. Однако онъ слыветъ разумнымъ человѣкомъ, и еслилибъ могъ себя пересилить нѣсколько болѣе думать, а менѣе говорить; то имѣлъ бы можетъ быть больше права къ тому уваженію, въ коемъ, какъ кажется, считаетъ себя съ лишкомъ увѣреннымъ; а поелику онъ никогда говорить не перестаетъ, и приводитъ другихъ къ смѣху, смѣясь первой тому, что онъ скажетъ или уже сказалъ; то и славится какъ человѣкъ чрезвычайно пріятной между тѣми особами, кои любятъ разсужденія свои перемѣнять въ веселости.

Кажется, что *Сиръ Гарграфъ* путешествовалъ; но видно привезъ назадъ съ собою превеликое множество дурачествъ да не мало и притворства. Онъ особливо судить не хорошо о такой женщинѣ, отъ коей получить хотя нѣкіе знаки склонности и охоты къ его шуткамъ. Ты скоро узнаешь, какъ я о томъ спровѣдала, также и о другихъ его свойствахъ, кои не лучше перваго почестъ можно.

А какъ нынѣшній вкусъ народа клонится болѣе къ убранству; то и неудивительно, что такой человѣкъ, какъ *Сиръ Гарграфъ*, старается въ ономъ отличиться. Что можно сдѣлать болѣе сего для вида, когда оной предпочитается качествамъ душевнымъ? Но при всемъ томъ, его раченіе къ тому употребляемое, болѣе бы, но моему мнѣнію, имѣло успѣха, еслилибъ оно не столь было видно. Онъ чрезмѣрно беспокоится о томъ, чтобъ всѣ его приборы были въ порядкѣ. Онъ не забываетъ смотрѣться во всякое попадающее ему зеркало; но дѣлаетъ сіе съ такою осмотрительностію, какъ будто бы желаетъ сокрыть толь примѣтное свое тщеславіе, что никто въ томъ не можетъ усумниться. Если же увидитъ, что его примѣтили, то отступаетъ отъ зеркала съ видомъ почти нерадивымъ, но нѣсколько и недовольнымъ, притворяясь, что открылъ въ своей особѣ нѣчто такое, которое ему не нравится. Такая жалоба всегда производитъ ему нѣкое почтеніе, къ которому онъ показывается весьма чувствительнымъ по своему принужденному виду, которой тогда на себя принимаетъ, говоря: О! Сударь, о! Сударыня, вы мнѣ много милости оказываете.

Таковъ-то *Кавалеръ Гарграфъ Поллексфенъ*. Онъ сѣлъ подлѣ провинціальной *Миссъ*, и разговорясь какъ надлежитъ существу волокитѣ, столь пріятно болталъ, что не далъ мнѣ и сказать ему, что не во все дуры въ нашей провинціи находятся. Онъ утверждалъ, что я совершенная красавица; онъ считалъ меня чрезвычайно молодою, всѣ его похвалы были, правду сказать, довольно нескладны; при всемъ же томъ по виду своему казался онъ удостовѣренъ въ моемъ къ нему уваженію.

Я смотрѣла на него не однократно довольно пристально; а какъ взоры мои съ нимъ однажды повстрѣчались; то смѣю увѣрить, что онъ въ сіе время сожалѣлъ о бѣдномъ сердцѣ, которое, какъ онъ думалъ, приводитъ въ смущеніе. Однако я тогда рассуждала, не соглашусь ли я лучше избрать своимъ супругомъ Г. Симпля, если необходимо должна буду въ наказаніе за какой тяжкой грѣхъ, назначить онымъ *его* или Г. Симпля?

Метрдотель вошедъ тогда сказалъ, что столъ готовъ, и тѣмъ избавилъ меня отъ большой доуки; а *Кавалеръ*, по случаю, сѣлъ отъ меня довольно далеко. Во все время обѣда, онъ много славился, подсмѣиваясь задумчивому виду и поступкамъ Г. *Вальдена*, которой часто становясь будто нѣмымъ, казалось изъяслялъ только презрѣнія ко всему тому, что не изходило изъ устъ *Кавалера*. Такое разположеніе объяснялось иногда толь различными кривляніями, что мнѣ не можнобъ было ихъ точно выразить лицомъ. Возвратясь домой я неоднократно передъ зеркаломъ старалась подражать разнымъ корченьямъ Г. *Вальдена*, чтобъ ихъ тебѣ описать; но всѣ мои усилія недостаточны были подашь тебѣ хотя малѣйшее о нихъ понятіе. Можетъ быть заслуживалъ бы онъ нѣсколько извиненія за тѣ кривленія, коими оказывалъ онъ свое презрѣніе, еслилибъ оно не было примѣтно, и еслилибъ не обращалъ въ свое самолюбіе все то уваженіе, которое, какъ онъ мнилъ, отнималъ у *Баронета*. Однако онъ былъ столь же осужденія достоинъ съ одной стороны, сколько *Гарграфъ* съ другой. Никогда столь ясно не видѣла я настоящаго различія между свѣтское обращеніе знающимъ человѣкомъ и такимъ, которой выходитъ изъ университетовъ. Одинъ, какъ кажется, рѣшился не принимать ни въ чемъ удовольствія; а другой усиливается нравиться всѣмъ и иногда столь отважно, что свой разумъ подвергаетъ посмѣянью. При второй глупости забывалъ онъ первую; а при третій вторую. Но смѣясь прежде всѣхъ своимъ колобродствамъ, онъ давалъ намъ свободу предполагать, что онъ произвольны и то онъ не для иннаго чего съ толикимъ самаго себя забвеніемъ имъ предавался, какъ для увеселенія собранія.

Г. *Валденъ*, какъ ясно было видно по наморщенному его лбу, при сотрясенія его губъ, изъясляющимъ его презрѣніе, и по всему его лицу, которое онъ съ принужденностію отвращалъ отъ *Баронета*, казался раздраженъ всѣмъ веселымъ видомъ, которой на всѣхъ гостяхъ усматривалъ, и о коемъ по видимому жалѣлъ, не различая отъ чего оной происходилъ, какъ будто онъ попалъ въ компанію весьма на ровную. Онъ даже раза съ два заговаривалъ съ Г. *Симплемъ*, показывая нѣкое преимущество надъ всѣмъ собраніемъ, хотя и довольно было видно, что сей молодой человѣкъ съ большею пріятностію слушалъ забавныя изреченія *Сира Баронета*, нежели сухія и надушловатыя матеріи ученаго, и что онъ казалось и взорами своими одобрялъ каждое слово *Баронетово*. вмѣсто того что потуплялъ оныя съ смущеніемъ въ то самое время, когда

Г. *Вальденъ*, дѣлая ему честь начиналъ съ нимъ разговоръ, какъ съ первѣйшею особою въ собраніи. Позволь мнѣ, любезная *Люція*, приложить къ сему одно разсужденіе. Не кажется ли тебѣ чрезвычайно щастливымъ для нашего легкомысленнаго и веселаго пола то, что большая часть мужчинъ, сихъ начальниковъ человѣческаго разума, не больше насъ разсудительны, или чтобъ выразить оное другими словами, не думаешь ли ты, что излишней разумъ столь же смѣха достоинъ, какъ и посредственной участокъ глупости? Но я не скажу больше о томъ ни слова. Мой дядюшка конечно бы на меня посердился.

Чтожъ потомъ вышло? Г. *Вальденъ* не могши болѣе сносить того, что онъ почти совершенно помраченъ сталъ отъ свѣтскаго человѣка, рѣшился, послѣ обѣда, защититъ честь своего университета почти открытою ссорою. Онъ весьма искусно обратилъ разговоръ на пользы прибрѣтаемыя отъ знаній, изъ чего и заключилъ, что ничто не можетъ сравниться съ воспитаніемъ получаемымъ въ университетахъ. *Сиръ Гарграфъ* разсуждалъ о сей матеріи съ легка т. е. съ остроумною, а иногда и язвительной, насмѣшкою, которая во все разстроила Г. *Вальдена*, и имѣла бы другія слѣдствія, еслибъ всѣ гости соединясь вмѣстѣ ихъ не утишили. На послѣдокъ Г. *Вальденъ* ушелъ съ превеликимъ неудовольствіемъ.

Когда готовили намъ чай; то *Милади Вилліамсъ* подошедъ ко мнѣ поздравляла меня толь знатною побѣдою, какова была одержана мною надъ сердцемъ *Сира Гарграфа*. Она примѣтила, говорила она мнѣ, что въ самомъ жару спора, глаза его всегда обращались на меня съ нѣкимъ почтеніемъ и удивленіемъ, и что онъ произнесъ даже нѣсколько такихъ словъ, кои не могли подать нималѣйшаго сумнѣнія о его чувствованіяхъ. *Миссъ Анциллонъ*, которая сидѣла отъ меня столь близко, что могла слышать слова *Милади*, и надъ коею *Кавалеръ*, какъ казалось произвелъ сильное впечатленіе, не мало имѣла труда присилить свои глаза, чтобъ смотрѣли на меня съ пристойностію, хотя уста ея, которыя въ самомъ дѣлѣ весьма хороши, съ усиліемъ поздравляли меня равномѣрно оными улыбками. *Сиръ Гарграфъ*, въ то время, какъ мы пили чай, обращалъ на меня все свое вниманіе и тогда примѣчено, что разумъ его былъ занятъ чемъ-то важнымъ. Потомъ просилъ онъ Г. *Ревса* войти съ нимъ въ ближній кабинетъ, и тамъ твоя *Генріетта* была содержаніемъ важнаго ихъ разговора.

Онъ съ начала объявилъ Г. *Ревсу*, что во многихъ своихъ поѣздкахъ въ Нортгamptonъ всегда искалъ случая меня видѣть, да и нынѣ непришелъ бы безъ приглашенія къ *Милади Вилліамсъ* обѣдать, еслибъ не узналъ, что я у ней буду. Онъ свидѣтельствовалъ, что его намѣренія честны, какъ будто думалъ что о нихъ безъ сего обнадѣживанія сумнѣваться можно; тайной признакъ, любезная моя, того превозходства, которое онъ себѣ

приписываетъ, и того высокаго мнѣнія, которое имѣеть о своихъ богатствахъ.

Г. *Ревсъ* ему отвѣчалъ, что всѣ мои родственники поставили себѣ за правило не мѣшаться въ мой выборъ. *Сиръ Гарграфъ* поздравилъ себя съ онымъ, какъ бы величайшимъ щастіемъ, и вскорѣ вошедъ въ собраніе и увидя, что я одна говорю съ Гжею *Ревсъ*, подступилъ ко мнѣ и въ весьма пылкихъ выраженіяхъ объявилъ, что весьма удивляется премногимъ чрезвычайнымъ и отличнымъ моимъ качествамъ, кои можетъ быть самъ онъ выдумалъ; ибо изчислилъ оныя съ удивительною вѣтренностію. На конецъ просилъ у меня позволенія посѣщать меня у Г. *Ревсъ*. Я ему сказала, что Г. *Ревсъ* властенъ у себя дѣлать, что угодно, а я ему никакого позволенія дать не могу. Онъ благодаря меня низко поклонился, какъ будто бы мой отвѣтъ былъ дѣйствительнымъ позволеніемъ. Что должно дѣлать женщинѣ съ такими льстецами! Онъ, казалось, искалъ случая возобновить сей разговоръ до своего уходу; но я умѣла то избѣжать. *Милади Вилліамсъ* весьма насъ просила просидѣть у ней весь тотъ вечеръ; но Г. и гжа. *Ревсъ* въ томъ ей извинились. Возвратясь домой Г. *Ревсъ* мнѣ сказалъ, что я въ *Сиръ Гарграфъ* буду имѣть весьма твердаго и докучливаго любовника, естли не стану съ удовольствіемъ принимать его старанія и услуги. Такъ по етому, Сударь, отвѣчала я ему, для освобожденія меня отъ его докукъ, вы бы мнѣ совѣтовали за него видти, такъ какъ сіе, сказываютъ, и со многими добронравными женщинами случалось.

Пріѣхавъ домой застали мы у себя *Кавалера Аллестриса*, которой ждалъ возвращенія Г. *Ревса*. Онъ человекъ достойной, весьма разсудительной и простъ въ поступкахъ. Лѣтъ ему будетъ около пятидесяти. Когда Г. *Ревсъ* рассказалъ ему, какъ мы провели тотъ день; то онъ сдѣлалъ намъ изображеніе *Сира Гарграфа Поллексфена*, которое не только способствовало къ дополненію всего того описанія, кое уже ты прочла, но принудило меня почитать его за весьма опаснаго знакомца. увѣряють, что не взирая на веселой и шутливой видъ, какой всегда показывается въ немъ въ компаніяхъ, онъ весьма худаго свойства, зломышленнъ, злобенъ и ничего такого не уважающій, что можетъ его довести къ концу своихъ замысловъ; что онъ уже лишилъ чести трехъ молодыхъ особъ; то въ своихъ дѣлахъ довольно порядоченъ; но и тутъ къ поношенію своему, ибо сколь онъ разточителенъ въ своихъ забавахъ, столь скупъ въ такихъ случаяхъ, когда щедрость бываетъ почитаема должностію. Подумала либъ ты, любезная моя, чтобъ человекъ столь хорошаго вида, столь веселой и столь пріятно одѣтый, мотъ быть худаго нрава — дерзокъ, злобенъ, да и еще жестокъ? Ибо Г. *Аллестрисъ*, рассказалъ намъ и другія его дѣла, доказывающія, что всѣ сіи качества ему приличны.

Но я не имѣла нужды въ сихъ свѣденіяхъ, дабы рѣшишься не принимать отъ него никакихъ предложеній. То, что я видѣла, было къ сему довольно; хотя *Аллестрисъ*, коему Г. *Ревсъ* совершенно открылся, не сумнѣвается, чтобъ его намѣренія были не истинны; при семъ поздравя меня онымъ, прибавилъ, что ему извѣстна его склонность къ бракосочетанію; тѣмъ болѣе хотеть онъ вступить въ оное, говорилъ *Аллестрисъ*, что по неимѣнію наслѣдниковъ мужеска пола въ его родѣ, половина его богатствъ перейдетъ къ одному весьма дальнему его родственнику, котораго онъ много ненавидитъ, по той только причинѣ, что въ его ребячествѣ сей честной родственникъ иногда исправлялъ его отъ проступковъ. Впрочемъ Г. *Аллестрисъ* говоритъ, что имѣніе его точно такъ велико, какъ о томъ разглашаютъ.

Когда мы остались на свободѣ; то Г. *Ревсъ* мнѣ сказалъ: сколь для тебя славно, любезная племянница, исправишь человѣка такого свойства, и изъ имѣнія его извѣсть источники всякихъ благословеній: ибо я увѣренъ, что ты все свое стараніе къ тому приложишь, когда будешь госпожей *Поллексфень*. Но вѣрь, любезная *Люція*, что *Сиръ Гарграфъ*, хотябъ былъ владѣтелемъ надъ половиною нашей земли, но не увидитъ меня съ собою при олтарѣ, приносящую брачныя обѣты. Но чтожь мнѣ дѣлать, естли онъ столь докучливый и неотвязенъ, какъ о немъ говорятъ? Я не худо обхожусь съ тѣми, коихъ могу еще отъ себя удерживать, противопологая имъ долгія оружія; но признаюсь, что я въ великое приду замѣшательство, когда буду имѣть дѣло съ столь смѣлыми людьми. Учтивство, которое считаю за долгъ оказывать всѣмъ тѣмъ, кои имѣютъ ко мнѣ хотя нѣсколько уваженія, подвергло бы меня многимъ неудобствамъ, отъ коихъ покровительство моего дяди и Г. *Дина*. всегда меня предохраняло! О любезная *Люція*, коликимъ нещастіямъ подвергается молодая особа безъ покровительства, когда толь многіе мужчины, подобно дикимъ людямъ, или свирѣпымъ звѣрямъ гонятся за ними, какъ за добычею своему полу подлежащею.

Въ Субботу по утру.

Въ семъ письмѣ должна я окончить все касающееся до *Сира Гарграфа*, и дай Боже, чтобъ я не имѣла ни, когда случая о немъ еще говорить! Г. *Ревсъ* получилъ отъ него записку, въ коей онъ извиняется, что не можетъ съ нами видѣться, такъ, какъ предполагалъ, ибо обязанъ ѣхать немедленно въ *Ридингъ* по усиленнымъ прозьбамъ умирающаго своего друга какъ ему никакъ не лъзя возвратиться прежде трехъ дней, кои, какъ онъ говоритъ, покажутся ему тремя долгими годами; то до своего отъѣзду не можетъ онъ упустить случая возобновить свидѣтельства своего почтенія и подтвердить объявленіе его чувствованій. Онъ усиленно проситъ милости и покровительства у Г. *Ревса*,

а какъ почтетъ онъ за щастіе, что въ его отсутствіе *Миссъ Биронъ*, Г. и гжа. *Ревсъ* будутъ имѣть время нѣсколько разсудить о его предложеніяхъ; то онъ и ласкается, что онья не будутъ отвергнуты. Теперь, любезная моя, подала я тебѣ всѣ объясненія, кои обѣщала сообщить о двухъ новыхъ моихъ обожателяхъ. Какъ, должно мнѣ съ ними обходиться? Етаго я не знаю. Но я начинаю думать, что самыя щастливья дѣвицы суть тѣ, коихъ родители щадятъ отъ такого смущенія, и тогда уже совѣтуются съ ихъ склонностями, когда уже поступятъ въ предварительныя брачныя условія. Правда, что мои родственники весьма мною оказываютъ мнѣ чести, полагаясь на мою скромность, и поставляя меня судьей надъ самой собою. Молодымъ дѣвицамъ лестна бываетъ та власть, которую имъ даютъ надъ самими собою; однако я отъ тебя не скрою, что такая честь приводитъ меня въ нѣкое затрудненіе, по двумъ причинамъ; первое, что она обязываетъ меня имѣть величайшую осмотрительность, равно и искреннѣйшую благодарность; другое, что моя фамилія болѣе оказала мнѣ великодушія, освободя меня отъ сей покорности, нежели сколько я дѣйствительно или по видимому получила отъ сего ихъ милости. Я присовокуплю къ тому, что видя себя какъ бы преданною гоненіямъ чужихъ людей, то есть, такихъ, кои нечувствительно со мною спознались, какъ то наши сосѣди *Гревиль*, *Ормъ* и *Фенвичъ*, думаю, что нѣсколько безразсудно противустоятъ первымъ толь ужаснымъ предложеніямъ. Не будутъ ли онья и въ самомъ дѣлѣ ужасны, естли сердце единожды онья одобрить?

И такъ позвольте мнѣ дражайшіе родители относиться къ вамъ, естли представится мнѣ такой человѣкъ, котораго я не излишне убѣгать стану. Что касается до Г. *Фулера* и *Баронета*, то я теперь необходимо должна съ ними сама кончить все дѣло. Гораздо легчѣ молодой дѣвицѣ сказать *нѣтъ*, нежели *такъ*; но впредь не буду я осмѣливаться вступать въ такія намѣренія безъ совѣта.

Поелику Г. и гжа. *Ревсъ* уговорили меня показывать имъ все, что я къ тебѣ ни пишу; то и даютъ мнѣ всю потребную къ сему упражненію вольность, и по тому ты менѣ удивляться будешь, что имѣю время писать къ тебѣ столь длинныя письма. *Миссъ Биронъ* сидитъ въ своемъ кабинетѣ; *Миссъ Биронъ* пишетъ; сіи слова суть тѣ извиненія, кои они для всякаго человѣка почитаютъ достаточными; ибо и сами они по милости своей тѣмъ бываютъ довольны. Они знаютъ впротчемъ, что обязываютъ всю нашу любезную фамилію, подавая мнѣ случай оказывать ей свою должность.

ПИСЬМО IX.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

6 Января.

Ты мнѣ говоришь, любезная моя, что Г. *Гревиль* скоро пріѣдетъ въ Лондонъ. Я не могу отъ того его удержать. Ты прибавляешь, что онъ причиною потому полагаетъ какія-то свои дѣла, и что подъ симъ видомъ онъ располагается пробить здѣсь не менѣе мѣсяца, и при томъ повеселится въ общественныхъ забавахъ: очень хорошо. Правда онъ въ томъ властенъ; но я надѣюсь, что онъ не полагаетъ меня ни между своими дѣлами, ни между забавами. Позволя ему ради сосѣдства посѣтить себя раза два; равно могу и я рѣшиться нести того, чтобъ онъ приходилъ сюда меня мучить. Случившееся между Г. *Фенвичемъ* и имъ, очень меня обезпокоило, и великой опасности меня подвергло. Женщина подавшая по несчастію поводъ къ поединку между двумя мущинами, весьма страннымъ образомъ должна думать, [хотя ни чѣмъ себя укорить не можетъ], не излишне ли разглашаются въ свѣтъ ея приключенія. Сколь многіе, по случаю отважности сихъ двухъ господъ, взирали на меня съ изумленіемъ! И съ какимъ усиленіемъ, мой дядя и Г. *Динъ*, старались склонить ихъ къ странному примиренію, по коему они обязались, не смотря на то, что я имъ ни говорила, мучить меня вмѣстѣ, какъ будто сіе было единымъ средствомъ къ спасенію жизни одного изъ нихъ? Чудной способъ пріобрѣтать склонность женщины! По сему примѣру, не должна ли я всего страшиться, если Г. *Гарграфъ* упорно настоять будетъ въ своихъ расположеніяхъ? Г. *Гревиль* запальчивъ; а *Кавалеръ Аллестрисъ* намъ говорилъ, что *Сиръ Гарграфъ* твердъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Я полагаю, что и Г. *Фенвичъ* такъ же сюда поѣдетъ, если другой не отмѣнитъ своего намѣренія. Я тебя прошу, любезная *Люція*, пожалуй объявить имъ..., Но, если сказать имъ, что я совершенно не желаю ихъ видѣть, я что, сколько возможно, буду избѣгать къ тому случая; то симъ приведу ихъ въ такую досаду, которая меня еще болѣе опечалитъ; когда же одинъ пріѣдетъ сюда подъ видомъ своихъ дѣлъ, то и покажется, по толкованіямъ такого сумозброта, каковъ *Гревиль*, что я сама себя полагаю въ число тѣхъ дѣлъ, за коими онъ ѣдетъ; а тогда и будутъ дѣлать, что хотятъ. Если они рѣшились не отступать отъ меня въ публичныхъ собраніяхъ; то, благодарю Бога, что я не столько еще стараюсь показываться въ оныхъ, чтобъ не могла часто отъ нихъ скрываться.

Но мнѣ доложено, что Г. *Роландъ Мередитъ* желаетъ со мною видѣться; это тотъ самой, старой *Кавалеръ Роландъ*. Мнѣ сказали, что онъ въ новомъ платьѣ съ золотыми пуговицами и петельками, въ большомъ парикѣ, какъ бы унижанномъ пуклями, и что его племянникъ, которой вмѣстѣ съ нимъ пришелъ, наряженъ такъ, какъ бы ему должно было убраться въ день его свадьбы. Какимъ же образомъ надлежитъ мнѣ обойтись съ симъ дядюшкою и племянничкомъ? Скажешь ли ты мнѣ что заключается въ объявленіяхъ сего пола, и за чѣмъ самыя

равнодушные приводятъ насъ въ нѣкія безпокойства? Но сего-то всегда стоитъ то самое, что отвергаемъ такія учтивства, кои, какъ кажется, происходятъ отъ искренней склонности и любви.

Меня усиленно просятъ сойти въ низъ. Но я не надолго тебя оставлю.

Въ Понедѣльникъ въ 6 часу въ вечеру.

Сходя въ низъ, любезная моя, я услышала, что Г. *Роландъ*, подходя къ передней, говорилъ Г. *Фулеру*: посмотримъ племянникъ, что-то ты скажешь *Буквицъ* своего сердца, и потомъ, видно подошелъ къ Г. *Ревсу*, сказалъ: у насъ въ Кермартенѣ, Сударь, въ теперешнее время цвѣтутъ *буквицы*.

Г. *Фулеръ*, стараясь мнѣ угодить, шелъ мнѣ на встрѣчу даже до самой лѣстницы. *Кавалеръ* остановясь у дверей въ передней, качнулъ головою съ нѣкоею усмѣшкою, какъ будто бы сказалъ: пусть мой племянникъ будетъ имѣть честь прежде всего вступить въ любовное со мою обхожденіе. Я не мало удивилась, что Г. *Фулеръ* взялъ меня за руку съ видомъ довольно смѣлымъ, произшедшимъ конечно отъ полученнаго имъ ободренія; онъ меня подвелъ къ кресламъ и низко поклонился; что равномѣрно и я учинила; но при томъ оказала, кажется, нѣсколько болѣе смущенія противу обыкновеннаго:

Слуга вашъ, Сударыня, сказалъ мнѣ старой *Кавалеръ*; она со дня на день лучше становится, прибавилъ онъ; какъ етотъ румянецъ присталь къ такому пригожему лицу? Но простите мнѣ, Сударыня, я не намѣренъ приводить васъ въ замѣшательство. Вы все пишете, сказала Гжа. *Ревсъ*, которая тутъ же случилась, вы очень часто отъ насъ отлучаетесь, *Миссъ Биронъ*. Кажется, что такими словами Гжа. *Ревсъ* хотѣла мнѣ дать время поправиться. Я дописывала нужные письма, отвѣчала я; а вы знаете, какой точности отъ меня требуютъ. Мы весьма жалѣемъ, началъ опять *Кавалеръ*, поклонясь почти до земли, что вы очень поторопились сойти въ низъ. Я на него пристально посмотрѣла; но не примѣчая, что онъ хотѣлъ примѣшать нѣсколько остроумія въ сіи слова, не захотѣла я подать ему къ тому мысли пылкимъ отвѣтомъ. Г. *Фулеръ*, пересилия себя надмѣру, сѣлъ, кашлялъ и положиа ноги на крестъ не говорилъ ни слова, а взглядывалъ только на дядюшку, какъ будто хотѣлъ знать, ему ли чередъ говорить.

Начали говорить о холодѣ; дядя и племянникъ стали у себя потирать руки и подошли къ огню, какъ будто холоднѣе стало отъ того, что о томъ говорятъ. Они нѣсколько разъ прокашляли, смотря попеременно другъ на друга, наконецъ начали они намъ говорить о домѣ, которой у нихъ недавно построень въ Кермартенѣ, и о уборахъ въ немъ находящихся. Потомъ стали разговаривать о своихъ сосѣдяхъ, о коихъ насказали намъ много добраго, и теперь мы весьма хорошо

освѣдомлены о свойствахъ семи или осьми честныхъ особъ, коихъ и именъ никогда мы неслыхивали; а все это, какъ ты разсудить можешь. говорено было на тотъ конецъ, чтобъ дать намъ выразумѣть, въ какой отмѣнности живетъ фамилія *Мередиговъ* въ *Кермартенъ*. *Кавалеръ* изъ сего вывелъ матерію того разговора, которой онъ имѣлъ нѣкогда съ покойнымъ *Милордомъ Манзеллемъ*; сей честный господинъ поздравлялъ его тѣмъ, онъ что ежегодно чистаго дохода получаетъ три тысячи фунтовъ *Штерлинговъ* съ выгодныхъ своихъ помѣстьевъ, не считая великаго числа наличныхъ денегъ, изъ коихъ сей же господинъ предполагалъ, что онъ употребить часть на избраніе своего племянника въ члены Парламента, для какого нибудь Графства; но онъ намъ повторилъ также и разумной свой отвѣтъ на сіи слова; что онъ сего дѣлать не намѣренъ, и что охота къ таковымъ избраніямъ, раззорившись многія хорошія фамиліи, по его мнѣнію не лучшіе страсти къ картежной игрѣ.

А какъ такія забавныя подробности завели насъ весьма далеко; то *Кавалеръ* подумалъ, что уже далъ намъ высокое понятіе о своихъ богатствахъ и знатности; онъ подошелъ ко мнѣ, подавъ знакъ *Г. Фулеру*, чтобъ на минуту отъ насъ вышелъ, и тогда началъ онъ мнѣ подробно изчислять хорошія качества своего племянника; онъ объявилъ мнѣ ту сильную страсть, которую *Г. Фулеръ* ко мнѣ почувствовалъ; онъ меня униженно просилъ удостоить своею благосклонностію молодаго человѣка, столь меня достойнаго, столь хорошо воспитаннаго и столь благороднаго, коего при томъ онъ хочетъ учинить единымъ своимъ наслѣдникомъ, и для коего, изъ уваженія ко мнѣ намѣренъ онъ сдѣлать то, чего бы ни для какой другой женщины не сдѣлалъ.

На столь важныя предложенія не позволено было отвѣчать съ видомъ шутивымъ, отъ коего не льзя было удержаться при первомъ посѣщеніи *Кавалера Роланда Мередита*. Я досадовала, видя себя почти такъ смущенну, нѣму и безразсудну, какъ будтобъ думала одобрить намѣреніе *Г. Фулера*. *Г.* и *гжа. Ревсъ*, по видимому принимали за удовольствіе видѣть меня въ такомъ состояніи. *Кавалеръ*, казалось мнѣ, хотѣлъ уже затянуть гальскую свою пѣсенку и плясать съ великой своей радости. Въ семъ восхищеніи, онъ меня спросилъ, не позвать ли племянника для подтвержденія того, что онъ мнѣ говорилъ, и чтобъ онъ всѣ свои сердечныя чувства открылъ мнѣ? Онъ не много робокъ, сказалъ онъ мнѣ. Онъ утверждалъ, что одно ласковое мое слово можетъ его сдѣлать *человѣкомъ*. Позвольте, прибавилъ онъ съ тою же горячністю: позвольте мнѣ его кликнуть; я самъ за нимъ пойду. При сихъ словахъ доброй старикъ побрелъ изъ горницы. Я немедленно ему отвѣчала: пожалуйста, *Г. Кавалеръ*, выслушайте одно слово, прежде нежели *Г. Фулеръ* сюда придетъ. Вы объяснились со всевозможною честностію, и я вамъ столь

же обязана, какъ и Г. Фулеру, за то мнѣніе, которое о мнѣ имѣете. Но то, что вы мнѣ предлагаете, дѣло совсемъ невозможное.

Какъ невозможное! Нѣтъ, нѣтъ Сударыня, ничего правда нѣтъ столь удобнаго. Вы окажете намъ милость и дадите намъ время, въ которое нѣсколько разъ васъ посѣтить можемъ, и въ которое можете лучше узнать добрыя качества и разсудительность моего племянника. Вы будете убѣждены его устами, его сердцемъ, его душою, долженъ я сказать, въ той любви, которую онъ къ вамъ чувствуетъ. Не ему нужно время. Этого молодецъ рѣшился уже навсегда. Но скажите, Сударыня, что вы назначаете недѣлю или нѣсколько дней, дабы разсудить о томъ, что вы можете или хотите намъ дать въ отвѣтъ. Вотъ все, чего я у васъ теперь прошу, Сударыня, или лучше сказать все то, что я самъ могу вамъ позволить.

Сирь Роландъ, возразила я, я не могу сумнѣваться, чтобъ въ нѣсколько дней, или въ недѣлю мои расположенія не остались такими, каковы они и теперь. Онъ прервалъ меня возкликаніями, жалобами, и весьма нѣжными укоризнами, кои относилъ онъ, то ко мнѣ, то къ Г. и гжѣ. *Ревсъ*. На конецъ далъ онъ мнѣ время повторить, что это дѣло невозможное, и что изъ уваженія къ его племяннику, которой, какъ мнѣ казалось, много онаго заслуживалъ, я ему совѣтую склонить его совершенно отмѣнить свои намѣренія; ибо я не люблю приводить въ утомленіе сердце честнаго человѣка. При семъ выраженіи чувствованія его ко мнѣ воспламенились; онъ съ запальчивостью уже оказывалъ свои сожалѣнія, удивленіе и нѣжность, и даже свидѣтельствовался небомъ, что если я захочу быть его племянницею и соглашусь ему доставлять удовольствіе единожды въ день съ собою видѣться; то онъ оставитъ для себя только сто фунтовъ Штерлинговъ годоваго дохода, а все прочее, что ни имѣеть, отдастъ мнѣ. Глаза его были омочены слезами, лице разгорѣлось, честность на всѣхъ чертахъ его оказывалась. Великодушный человѣкъ! не могла я удержаться, чтобъ ему такъ не отвѣтствовать. Я весьма была тронута, и ушла въ другую горницу, но вскорѣ возвратясь къ нимъ, увидѣла что *Сирь Роландъ* держа въ рукѣ платокъ неотступно упрашивалъ и гж. *Ревсъ* о способствованіи ему въ семъ начинаніи. Онъ и надъ ними толь сильное произвелъ впечатленіе, что они не могли удержаться, дабы не сказать мнѣ нѣсколькихъ словъ въ его пользу.

Кавалеръ тогда предложилъ, не позвать ли ему своего племянника, дабы онъ самъ за себя говорить могъ. Онъ неотмѣнно хотѣлъ его звать. Нѣтъ, Сударь, сказала я ему, вы превосходной стряпчій, увѣрьте Г. Фулера, что я двѣ причины имѣю его почитать, за собственныя его достоинства и за достоинства его дяди; но я еще васъ прошу, избавте меня труда огорчить такого человѣка, коего я почитаю. Я искреннѣйше благодарю его за то мнѣніе, которое о мнѣ имѣеть, и еще гораздо больше

благодарна буду, естли онъ приметъ мою благодарность за всѣ тѣ чувствованія, кои я къ нему имѣть могу.

Любезная моя племянница, сказалъ мнѣ Г. *Ревсъ*, вы можете по крайней мѣрѣ взять нѣсколько дней на разсужденіе. Что вы дѣлаете! отвѣчала я ему. Вы умножаете только затрудненія. Я жалуюсь на ваше благоразуміе, но не видите, что *Сиръ Роландъ* почитаетъ уже меня за жестокою! но мой нравъ чуждъ жестокости. Благополучіе другаго поставляю я себѣ за щастіе. Я бы желала сравняться въ великодушіи съ Г. *Роландомъ*. Пусть онъ потребуеть чего нибудь такого, но чтобъ то не была я сама, тогда всѣ силы свои приложу ему удовлетворить. Но какъ мои отвѣты возбудили еще болѣе его упорство; то онъ свидѣтельствовалъ, что по тѣхъ поръ не оставитъ своей надежды, пока не увидитъ меня въ другихъ обязательствахъ. Пусть мнѣ покажутъ такого же свойства дѣвицу, прибавилъ онъ; то я отстану отъ *Миссъ Биронъ*. Она будетъ имѣть время о томъ размыслить. Пожалуйте, Сударыня.... Но я позову своего племянника, и въ семъ восторгѣ онъ весьма поспѣшно вышелъ, какъ будто бы опасался, чтобъ я его не удержала. Г. и гжа. *Ревсъ* начали дѣлать мнѣ свои представленія; во *Кавалеръ* прежде, нежели я могла на оныя отвѣчать, вошелъ къ намъ съ своимъ племянникомъ.

Г. *Фулеръ* поклонился мнѣ весьма почтительно. Онъ, казалось, пораженъ былъ болѣе, нежели тогда, какъ подавалъ мнѣ руку при моемъ приходѣ. Дядя разсказалъ ему все происшедшее между нами, уже хотѣли было садиться, какъ *Кавалеръ* попросилъ Г. *Ревса* на минуту съ нимъ переговорить; но не схватилъ уже за его пуговицу, какъ при первомъ посѣщеніи. Они вышли вмѣстѣ. Гжа. *Ревсъ* также разсудила выдти въ другую дверь, а я осталась одна съ Г. *Фулеромъ*.

Мы сидѣли минуты съ четыре въ молчаніи. Казалось, что не мнѣ должно было начать. Г. *Фулеръ* не зналъ, что дѣлать. Онъ принялъ на себя трудъ придвинуть свой стулъ къ моему; потомъ отодвинулъ его нѣсколько въ задъ; тамъ опять впередъ; выдергивалъ свои манжеты, и прокашлялъ раза съ четыре. На конецъ уста его открылись дабы сказать мнѣ, что я не могу не примѣтить его смущенія его безпорядка что онъ въ чрезвычайномъ смущеніи, и что все сіе происходитъ отъ его почтенія, отъ его глубочайшаго ко мнѣ почтенія. Онъ еще раза два прокашлялъ, и тутъ уста его закрылись.

Я не могла имѣть удовольствія веселиться смущеніемъ столь скромнаго человѣка. Каждая черта на его лицѣ была въ дѣйствиіи; руки и ноги его дрожали. О моя любезная! сколь велика есть сила любви, если толь сильныя колебанія; суть естественныя дѣйствія сей страсти!

Государь мой, отвѣчала я.... *Сиръ Роландъ* меня увѣдомилъ о томъ добромъ мнѣніи, которое вы о мнѣ имѣете. Я вамъ за то обязана. Я сказала *Сиру Роланду*.... Ахъ Сударыня, прервалъ онъ съ большею твердостію, не повторяйте того, что вы сказали моему дядѣ, онъ меня о

томъ уже.... увѣдомилъ. Я признаю себя недостойнымъ васъ; но отъ того не болѣе я воленъ отречься отъ вашего благопріятства. Тотъ, кто знаетъ въ чемъ состоитъ его щастіе, можетъ ли удержаться, чтобъ не искать онаго, чтобъ ему ни стало? Я могу только сказать, что я самый несчастный человѣкъ, если вы не оставите мнѣ надежды.... Я также прервала его речь, чтобъ не питалъ въ себѣ такихъ чувствованій: коимъ невозможно мнѣ соотвѣтствовать. Онъ изпустилъ глубокой вздохъ. Меня увѣрили, возразилъ онъ, что вы, Сударыня ни къ кому сердечной привязанности не имѣете; и на семъ то основалъ я свою, мнимую надежду.

Я ему искренно сказала, что его не обманули, и что я не видала еще такого человѣка, съ коимъ бы желала быть соединена брачными узами. Г. Фулеръ изъ того заключилъ, что по сему онъ можетъ надѣяться отъ времени, отъ неослабныхъ стараній, отъ уваженія и отъ безпредѣльной своей страсти.... О! Г. Фулеръ, сказала я ему, не почитайте меня неблагодарною нечувствительною, когда ни дни ни года не могутъ произвести никакой перемѣны въ такомъ дѣлѣ. Я чувствую, что могу только васъ почитать. Такъ вы видѣли, Сударыня, кого нибудь такого, къ коему по вашему мнѣнію можете имѣть благопріятнѣйшія чувствованія, нежели ко мнѣ. Такой вопросъ былъ уже понудителенъ, и я могла бы на оной не отвѣтствовать. Однако я ему повторила, что я еще никого не видала, коего бы пожелала бы имѣть себѣ мужемъ. Онъ вздохнулъ потупилъ глаза. Я присовокупила: Г. Фулеръ изъ моей откровенности увидитъ, сколь превосходное мнѣніе я о немъ имѣю; я признаюсь ему, что между всѣми, коихъ я видала, естьлибъ только находился такой, къ коемубъ могла питать въ себѣ тѣ чувствованія, какихъ ни къ кому не имѣю; то ето былъ бы одинъ сосѣдъ нашей фамиліи, которой считалъ за долгъ любить меня съ самага моего младенчества; человѣкъ честной, добродѣтельной, скромной и такой, какимъ я почитаю Г. Фулера. Правда не столь велико у него имѣніе, какъ у племянника *Сира Роланда Мередита*; но какъ нѣтъ другой у меня причины предпочесть ему Г. Фулера; то честноль бы было для меня подать такое предпочтеніе богатству? Я увѣрена, Сударь, что вы великодушно употреблять будете такую мою откровенность. Не приличноль было увѣдомить о семъ того человѣка, о коемъ я говорю, не только для него, съ коимъ я ни въ какія обязательства вступить не намѣрена, но и для васъ, съ коимъ я столь свободно объяснилась.

Онъ повторилъ, что онъ самый несчастной человѣкъ, по крайней мѣрѣ смѣетъ надѣяться, что я ему позволю видѣться иногда съ его другомъ Г. Ревсомъ. Я ему сказала, что не имѣю ни какого права тому противишься, лишь бы его посѣщенія не относились ко мнѣ, и обѣщала ему, что когда онъ ограничится простою вѣжливостію, не требуя отъ

меня болѣе ничего; то буду его почитать какъ такого человѣка, коего уваженіе приносить мнѣ честь.

Онъ по сихъ словахъ всталъ въ глубокой печали, вынулъ платокъ свой и прошелъ по горницѣ вздыхая; я думаю, что его вздохи были искреннѣе *Гревилевыхъ*. По такому движенію *Кавалеръ* и *Г. Ревсъ* вошли къ намъ въ одни двери; а гжа. *Ревсъ*, въ другія. Не думай, любезная моя, чтобъ я представила тебѣ новое явленіе, которое навело бы на тебя скуку своею продолжительностію. Сколько жалобъ, сколько укоризнъ, сколько усилій должно было перенести отъ дяди и племянника? на конецъ обратясь къ *Кавалеру*, сказала ему, что я удивляюсь его благодушію въ толь нѣжномъ и неотступномъ его стараніи, и что не иначе оное считаю, какъ за доказательство достоинствъ *Г. Фулера*; но какъ я ничего больше сего къ ихъ удовлетворенію сдѣлать не могу; то и прошу ихъ позволить мнѣ выдти. Я дѣйствительно пришла въ свою горницу; я бросилась въ креслы, гдѣ живой образъ всего того, что я видѣла и слышала, произвелъ во мнѣ многія размышленія; и мнѣ должно было долгое время ободряться, дабы писать къ тебѣ столь продолжительное письмо. Судя по всему; любезная моя, я молю Бога, чтобъ не далъ мнѣ супруга хуже *Г. Фулера*.

Сиръ Роландъ многократно спрашивалъ *Г.* и гжу *Ревсъ*, можно ли имѣть какую надежду, чтобъ время и неослабныя попеченія были удобны перемѣнишь мои расположенія, или, не лзя ли чего обѣщать себѣ въ провинціи отъ посредства моихъ ближнихъ родственниковъ; но *Г. Ревсъ* ему отвѣчалъ, что когда уже я такъ объяснилась, и когда моя фамилія отнюдь не намѣрена рѣшаться въ мой выборъ: то и сумнѣвается, чтобъ такія поступки были полезны.

Во Вторникъ по полудни.

Вчера водили меня въ концертъ, а въ нынѣшній вечеръ должна я ѣхать въ комедію. Это некончаемое движеніе. *Г. Фулеръ* приходилъ сего утра. Я тогда съ Гжею *Ревсъ* была на посѣщеніи у одной ея пріятельницы. Онъ видѣлся съ *Г. Ревсомъ*, и въ довольно продолжительномъ разговорѣ, столь мало оказывалъ надежды, что считаю себя отъ него освобожденною, темъ болѣе, что *Сиру Роланду* на сихъ дняхъ должно возвратиться въ Кермартенъ. Онъ и самъ приходилъ къ намъ съ часъ спустя послѣ своего племянника. *Г. Ревсъ* тогда выѣзжалъ, да и мы сѣли опять въ карету, чтобъ ѣхать за нѣкоторыми закупками въ *Лугдатегиль*. Мнѣ спѣшатъ заготовлять платья, и все нужное къ тому, чтобъ я могла показаться въ зрѣлищахъ и собраніяхъ съ *Милади Вилліамсъ*. Я уже совершенно сдурилась; но въ томъ отчасти виновата моя сестрица. При семь ты увидишь образчики моихъ штофовъ.

Я думала, что у насъ къ *Нортгамптон-Ширъ* всякія моды были; а здѣсь переправляютъ всѣ мои платья, дабы я не показалась *страшною*; вотъ какъ это здѣсь называется.

Будетъ ли мнѣ столь легко отдѣлаться отъ *Баронета* какъ отъ *Г. Фулера!* Онъ уже возвратился въ городъ, и я узнала, что онъ посылалъ къ намъ спросить, можетъ ли съ нами завтра по полудни видѣться. Къ чему послужатъ мнѣ частыя изъ дому отлучки? Онъ выберетъ и другое время; а я только умножу его замѣшательство, или можетъ быть внушу ему большую мысль о его достоинствахъ, если подамъ ему такое мнѣніе, что его опасаюсь.

ПИСЬМО X.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Среду въ вечеру.

Сиръ Гарграфъ приходилъ къ намъ часу въ пятомъ. Онъ былъ одѣтъ весьма пышно. Съ начала спрашивалъ онъ *Г. Ревса*. Я была въ своемъ кабинетѣ; изображеніе поданное мнѣ о немъ отъ *Г. Аллестриса* не возбуждало болѣе во мнѣ желанія его принимать. Онъ извинился, что такъ рано пришелъ, говоря что съ нетерпѣливостію желаетъ переговорить на минуту съ *Г. Ревсомъ* прежде нежели будетъ просить со мною свидѣться. Дома ли она? Его былъ первой его вопросъ. *Г. Ревсъ* отвѣчалъ ему, что я дома; сколь много долженъ я ее благодарить! возразилъ онъ, я обожаю ее за такое благодушіе. И такъ ты видишь, любезная моя, что если я осталась дома; то конечно для того, чтобъ не упустить его посѣщенія.

Я должна тебѣ рассказать весь сей разговоръ по словамъ *Г.* и *Гжи. Ревсъ*. Ты знаешь, что моя сестрица ничего не упущаетъ, что слышитъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ меня видѣлъ, говорилъ онъ, время ему казалось не сноснымъ и продолжительнымъ. Онъ клялся своею жизнію, что неимѣетъ ни на единый часъ покою. Онъ никогда не видалъ такой особы, къ коей бы чувствовалъ столь сильную склонность. Онъ клялся своею душею, что не имѣетъ такихъ намѣреній, коибъ не были основаны на честности.

Онъ много разъ вставалъ, ходилъ по горницѣ, поправляя свой уборъ, и осматривая себя съ груди до ногъ. Онъ съ великимъ удовольствіемъ говорилъ о томъ щастіи, которое ему представляется, хотя и зналъ, что у меня есть не большое скопище обожателей; но какъ онъ знаетъ, что нѣтъ изъ нихъ ни одного такого, коему бы я благопріятствовала; то и думаетъ, что можетъ ласкаться нѣкоторымъ предпочтеніемъ. Я уже вамъ объявилъ, сказалъ онъ *Г. Ревсу*, что я въ разсужденіи статей даю полную мочь. Что я сдѣлаю для такой разумной

дѣвицы; то самое сдѣлаю для самаго себя. Я не имѣю, Г. *Ревсъ*, обыкновенія хвалиться моимъ имѣніемъ, но представлю предъ вами или предъ всею фамиліею *Миссъ Биронъ* настоящее состояніе моего имѣнія. Никакое имущество въ толь хорошемъ порядкѣ не было. Дѣвица, къ коей бы я имѣлъ толикое уваженіе, властна жить въ городѣ, или въ деревняхъ, какъ ей за благоразсудится. Въ деревняхъ можетъ она выбрать то помѣстье, которое ей болѣе понравится. Я не буду имѣть иной воли, какъ ея собственную. Я не сумнѣваюсь о вашемъ дружествѣ, Г. *Ревсъ*, присовокупилъ онъ; я заслужу также и ваше, Сударыня, и увѣряю васъ, что много удовольствія себѣ обѣщаю, когда вступлю съ вами въ сродство.

Потомъ напомнилъ онъ то, что случилось у *Милади Вилліамсъ* между имъ и Г. *Вальденомъ*. Онъ повторилъ нѣкоторыя выраженія своего противника; онъ передразнивалъ корченья его лица, и смѣясь изъ всей силы, при каждомъ словѣ, гдѣ онъ находилъ или смѣшнаго или грубаго, оставлялъ Г. и Гжѣ. *Ревсъ* только время надъ нимъ смѣяться или по крайней мѣрѣ улыбаться, сколько благопристойность дозволяла, съ такимъ глумомъ, коего тщеславія уязвить не хотятъ.

А какъ хотѣли уже подавать чай, то Гжа. *Ревсъ* послала мнѣ о немъ сказать. Я сошла въ низъ. Когда я пришла; то Г. *Гарграфъ* подступилъ ко мнѣ съ видомъ нѣжнымъ. Поклонъ его не менѣе изъяслялъ его ко мнѣ чувствительности. Безподобная дѣвица! сказалъ онъ мнѣ, я уповаю, что вы столько же милостивы сколько и прелѣстны. Вы не можете вообразить, что я претерпѣлъ съ того времени, какъ имѣлъ честь васъ видѣть. При сихъ словахъ онъ мнѣ низко поклонился, и какъ казалось, что онъ дѣлался долѣе, по мѣрѣ какъ сжимался и поднималъ голову въ задъ; то можно бы было подумать, что онъ сталъ выше отъ того, что наклонился. Приятной глупецъ, сказала я сама въ себѣ. Я сѣла, и старалась принять на себя довольно свободной и непринужденной видъ, проговоря нѣчто моей сестрицѣ и ему самому. Онъ просилъ изъ милости, чтобъ еще полчаса повременили и не подавали чаю, и чтобъ до приходу служителей позволено ему было повторить часть того разговора, которой онъ имѣлъ съ Г. и съ Гжею *Ревсъ*. Еслибъ онъ не думалъ, что дѣлаетъ мнѣ много чести, и еслибъ не полагался на силу своихъ осьми, или десяти тысячъ Штерлинговъ годоваго дохода; то, смѣю вообразить, болѣе бы употребилъ онъ церемоній. Но сказавъ мнѣ въ короткихъ словахъ, сколько почувствовалъ къ моему свойству склонности, разсуждаетъ онъ за благо отнестись въ семъ къ тому объясненію, которое онъ о своихъ чувствованіяхъ подалъ мнѣ у *Милади Вилліамсъ*. Потомъ говорилъ онъ о выгодахъ, кои получить я могу, касательно условныхъ статей. Онъ выхвалялъ сильную свою страсть, и съ великою горячностію просилъ меня оной соотвѣтствовать.

Я бы могла всѣ его рѣчи обратить въ шутку, тѣмъ болѣе что жаръ, съ которымъ, какъ казалось, хотѣлъ онъ произнести сіи послѣднія слова,

сопровождаетъ былъ такую бѣглостію языка, которое не показывало, чтобъ сердце его было очень тронуто, по крайней мѣрѣ не могла она сдѣлать многого впечатлѣнія надъ моимъ, но чтобъ всѣ его требованія отвергнуть, рѣшилась я ему отвѣчать откровенно.

Я ему сказала: еслибъ я, Сударь, казалась въ сумнѣніи о искренности вашихъ объясненій, то вы моглибъ думать, что я требую другихъ увѣреній; но я всегда говорю чистосердечно, и вы не должны иннаго отъ меня ожидать, какъ настоящей истины. Я васъ благодарю, Судаоъ, за доброе ваше обо мнѣ мнѣніе; но не могу принять вашихъ предложеній. Его изумленіе при сихъ словахъ; оказавшееся, превосходитъ всѣ мои выраженія. Вы не можете, Сударыня?... Правду ли вы говорите? Боже мой!

Онъ нѣсколько минутъ молчалъ, обращая глаза свои на меня, а потомъ на себя, какъ будто бы говорилъ: екая дурачка! да знаетъ ли она, что отвергаетъ? Между тѣмъ оправясь нѣсколько отъ сего изумленія началъ опять говорить: меня увѣряли, что сердце ваше свободно; но тутъ должна быть ошибка. Какойнибудь щастливой смертной.... Я его прервала: какое слѣдствіе, государь мой, вы выводите. Развѣ не можетъ дѣвица отвергнуть предложеній *Кавалера Поллексфена*, не имѣя сердца предупрежденнаго въ пользу другаго. Но, Сударыня, отвѣчалъ онъ, качая головою и останавливаясь на каждомъ словѣ; такой человекъ, какъ я.... которой не вовсе непріятенъ, ни по виду своему, ни поступками.... которой имѣетъ нѣкое званіе въ жизни.... Тутъ онъ вдругъ, остановился, потомъ опять началъ: не можно ли мнѣ знать, какія причины къ тому имѣете, Сударыня? По крайней мѣрѣ, еслии вашъ отказъ точно столь справедливъ, какъ вамъ кажется; то, пожалуйста, увѣдомте меня о нихъ. Я увижу, могу ли быть столь щастливъ, чтобъ опровергнуть оныя.

Я ему сказала съ тою же откровенностію, что никто не властенъ надъ его склонностями, что обвиняютъ женщинъ въ своенравіи, и что можетъ быть и я не изъята отъ сей укоризны, но что, не могли показать причины, иногда чувствуютъ въ себѣ склонность, либо отвращеніе.... Отвращеніе! Сударыня, отвращеніе! *Миссъ Биронъ*. Я говорила вообще, Сударь; я увѣрена, что изъ двадцати дѣвиць нашлись бы девятнадцать такихъ, коимъ бы весьма лестны были домогательства *Сира Гарграфы Поллексфена*. Но вы сами, Сударыня, есть та двадцатая дѣвица, которою я пленился. Пожалуйста скажите мнѣ какуюнибудь причину? Не требуйте отъ меня оной, Сударь, какъ бы нѣкую отмѣнность. Не сами ли вы нѣсколько странны и отмѣнны, когда считаете меня двадцатою дѣвицею? Ваши достоинства; Сударыня... Я его еще прервала. Тщетно, государь мой, представлять мнѣ такую причину.... Я обѣщала говорить съ вами чистосердечно : можетъ быть тотъ, коему участь меня опредѣляетъ, менѣ васъ имѣть будетъ достоинствъ; но должна ли я вамъ сказать? онъ болѣе будетъ сходствовать съ моею склонностію. Простите мнѣ, Сударь, я

бы не столь свободно объяснилась, естлибъ честь позволяла мнѣ держать васъ хотя въ малѣйшей неизвѣстности, когда сама я вовсе оной не имѣю.

Тщеславіе его, показалось мнѣ, было тѣмъ тронуто. Онъ болѣе будетъ сходствовать съ вашею склонностію! Повторялъ онъ многократно, кидая взоры около себя. И такъ точно вы, Сударыня, на такое намѣреніе рѣшились?

Точно, сударь.

Лице его еще болѣе нахмурилось. Довольно ли я смущень? вдругъ началъ онъ говоришь громкимъ голосомъ. Я не принимаю столь нетвердаго и столь противнаго моей надеждѣ отвѣта. Вы обѣщались говорить со мною чистосердечно, Сударыня, то скажитежъ мнѣ по крайней мѣрѣ, не предупреждены ли ваши склонности. Скажите мнѣ, существуетъ ли тотъ щастливый человѣкъ, коему бы сердце ваше дало такое предпочтеніе? Я не знаю, отвѣчала я ему, какое права имѣете вы предлагать мнѣ такой вопросъ. Онъ продолжалъ: позвольте мнѣ, Сударыня, изъясниться болѣе; я знаю Г. Фенвича и Г. Гревиля; они оба признались мнѣ, что вы не подали имъ никакой надежды. Однако они объявляютъ, что не лишаются оной. Скажите мнѣ, Сударыня, такъ ли откровенно вы говорили съ ними, какъ со иною? Такъ я увѣряю васъ, Сударь, что я имъ тоже самое отвѣчала.

А Г. Орму, Сударыня?

Я его почитаю, Сударь, за такого человѣка, которой имѣеть превосходнѣйшія свойства.

Ахъ! Сударыня, чтожъ не скажете мнѣ, что ваши склонности предупреждены?

Естлибъ это и было, Сударь; то такое признаніе можетъ быть ни къ чему бы не послужило.

Ни къ чему бы вамъ не послужило? Вскричалъ онъ съ живостію; по правдѣ, дражайшая *Миссъ Биронъ*.... Я гордъ, Сударыня; естлибъ не былъ я гордъ, то не старался бы о полученіи отъ васъ благопріятства. Но позвольте мнѣ сказать, что мое мнѣніе, порода и пылкая къ вамъ страсть не имѣютъ въ себѣ ничего васъ недостойнаго; по крайней мѣрѣ такъ будетъ о томъ судить ваша фамилія, естли вы окажете мнѣ честь, согласясь, чтобъ я ей открылъ свои чувствованія.

Я отвѣчала на сіе гордое представленіе слѣдующими словами: я желаю *Сирь Гарграфъ*, чтобъ ваше имѣніе послужило къ вашему щастію; чего конечно вы не упустите, естли употребляете его на благотворенія; но хотябъ оно было несравненно болѣе, однако одна сія выгода ни мало для меня не привлекательна: должности мои умножились бы съ моею возможностію. У меня имѣніе не велико; а хотябъ оно и гораздо менѣе было, но удовольствовало бы мое честолюбіе, сколь долго жить буду въ такомъ состояніи, въ такомъ теперъ нахожусь; естли же вступлю въ

брачное состояніе, то буду умѣть довольствоваться самолюбіемъ того человѣка, коего сама избираю.

При сихъ словахъ оказалъ *Баронетъ* лестной и страстной видъ. Онъ клялся, что я буду его супругою, и что каждое слово исходящее изъ моихъ устъ, налагало на него крѣпчайшія оковы; но я его просила неотмѣнно кончить такой разговоръ, коего болѣе терпѣть не могла. Съ тѣмъ договоромъ, сказалъ онъ, чтобъ я позволила приходить ему иногда къ Гжѣ. *Ревсъ*. Но безъ всякаго ко мнѣ отношенія, возразила я. По крайней мѣрѣ вы не будете убѣгать, Сударыня, подхватилъ онъ, вы не будете отказываться меня видѣть. Я вамъ объявляю, *Миссъ Биронъ*, что вы получили себѣ еще любовника; я не престану преслѣдовать васъ до тѣхъ поръ, пока не будете моею супругою, или пока не увижу васъ супругою другаго человѣка. Он произнесъ сіи послѣднія слова такимъ голосомъ, которой меня столь же оскорбилъ, какъ и самая его рѣчь. Отвѣтъ мой оное доказалъ. Въ весьма продолжительномъ разговорѣ, сказала я съ видомъ холоднымъ, хвалюсь я, что не могу осудить себя ни за одно слово и ни за что такое, о чемъ бы должна была жалѣть. Сіе разсужденіе его тронуло.

Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не имѣетъ такого мнѣнія и наклонясь ко мнѣ съ видомъ довольно наглымъ, сказалъ, что во мнѣ усматриваетъ нѣсколько гордости. Гордости, Сударь! Такъ, Сударыня, нѣсколько гордости и много жестокости. Жестокости, Сударь? Гордости, Сударыня, жестокости и неблагодарности.

Тогда показалось мнѣ, что естли долѣе съ нимъ пробуду, то конечно иннаго отъ него не увижу, какъ обидѣ. Все, что ни говорилъ о немъ *Кавалеръ Аллестрисъ*, пришло мнѣ на мысль. Естли вы меня считаете столь виноватою, возразила я не горячась, то примите за благо, государь мой, чтобъ я вышла отсюда, дабы лучше разсмотрѣть свои чувствованія; и поклонясь ему низко, немедленно пошла. Онъ меня усиленно просилъ остаться, и шелъ за мною до самой лѣстницы. Но я взошла на верхъ не слушая его.

Г. и Гжа. *Ревсъ* мнѣ рассказывали, что по моемъ уходѣ онъ явно оказалъ не только свою гордость, но и злой нравъ. Онъ у себя кусалъ губы, ходилъ большими шагами по горницѣ, потомъ разсѣвшись въ креслахъ предался жалобамъ, защищалъ самъ себя, обвинялъ и паки начиналъ защищать и обвинять себя, а все сіе кончилъ онъ усиленною просьбою, чтобъ Г. и Гжа. *Ревсъ* подали ему свое покровительство. Онъ не можетъ понять, говорилъ онъ имъ, чтобъ съ толь честными намѣреніями и при толикой возможности сдѣлать меня щастливою, былъ онъ по несчастію отвергнутъ. Негодованіе его обратилось на Г. *Орма*, которой, говорилъ онъ, есть благопріятствуемой его совмѣстникъ, естли сколько кто либо дѣйствительно естъ онымъ; ибо онъ знаетъ, что ето ни *Гревиль* ни *Фенвичъ*. Онъ признался, что моя гордость весьма его тронула; на

конецъ просилъ онъ гжу *Ревсъ*, чтобъ велѣла меня позвать отъ своего имени; но какъ досада, въ коей она его видѣла, не допускала ее оказать ему сію милость; то онъ самъ приказалъ меня просить, чтобъ я сошла въ низъ. Я съ учтивостію велѣла ему отвѣчать, что занята дѣломъ, и пишу къ тебѣ письмо, надѣясь, что Г. *Гарграфъ* и мои родственники милостиво примутъ мое извиненіе. Я назвала Г. и гжу *Ревсъ* съ тѣмъ; чтобъ мой отказъ не во все огорчителенъ ему показался. Но сей отвѣтъ еще болѣе его раздражилъ. Онъ просилъ прощенія у гжи *Ревсъ*, но клялся, что будетъ слѣдовать по моимъ стопамъ, какъ стѣнь, и во чтобъ ни стало, хотя бы вся земля и самой адъ на него возсталъ, но я буду супругою *Поллексфена*. Въ семь жару онъ вышелъ изъ горницы, глаза у него бѣгали, лице разгорѣлось.

Не покажется ли тебѣ, моя любезная, что Г. *Ревсъ*, у коего подъ покровительствомъ и живу, съ излишнею терпѣливостію сносилъ въ своемъ домѣ подобное произшествіе? Можетъ быть сія самая причина сдѣлала его столь спокойнымъ. Намъ извѣстно, что онъ наилучшія имѣеть свойства. При томъ восемь или десять тысячъ фунтовъ *Штерлинговъ*... Однако съ такою независимостію, въ какой онъ находится.... Но великость имѣеть всегда свои пріятности.

И такъ *Сиръ Гарграфъ* подтвердилъ намъ то, что *Кавалеръ Аллестрисъ* о его нравѣ сказывалъ. Я думаю, что изъ мужчинъ болѣе всѣхъ его опасаться должна. Г. *Аллестрисъ* представлялъ намъ его злымъ и мстительнымъ; естлибъ я принуждена была слушать еще отъ него подобныя рѣчи, весьма бы береглась на чисто ему сказать, что сердце мое свободно, по крайней мѣрѣ сколькобъ было можно не съ такою твердостію, дабы не воспламенить его болѣе, и дабы онъ не употребилъ противъ меня какихъ либо насильственныхъ средствъ. Я клянусь тебѣ, любезная *Люція*, что изъ всѣхъ иною виденныхъ мужчинъ, наименѣе желалабъ я быть его женою. О естлибъ онъ столь былъ ожесточень мною, чтобъ мнѣ его никогда не видать!

Гжа. *Вилліамсъ* прислала къ намъ объявить, что въ будущій четвертокъ будетъ маскарадъ; она беретъ на себя стараніе о моихъ платьяхъ: я ей велѣла сказать, что не желаю ничего съ лишкомъ пышнаго и отмѣннаго, и что весьма буду сожалѣть, естли привлеку на себя взоры всего собранія.

ПИСЬМО XI.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Пятницу 30 Генваря.

Отъ Г. *Гревилья* приходилъ къ намъ лакей, для отданія намъ поклона отъ своего господина. Такъ етотъ Г. *Гревиль* въ Лондонъ. Я обманываюсь,

если не скоро въ состояніи буду его обязать. Ненависти моей, какъ ты знаешь, просилъ онъ отъ меня, какъ бы за нѣкую милость. Я примѣчаю, что мы чрезвычайно сами себя опечаливаемъ, когда вѣжливостію платимъ за принужденное уваженіе. Однако свойство мое меня къ тому влечетъ, и я не могу онаго оставить, не сдѣлавъ себѣ нѣкоего насилія. И такъ ето менѣе есть достоинство, нежели истинная необходимость. Я помню, что упустила благоугожденіе къ одному токмо знакомому молодому человѣку, которой, по важности своей фамиліи, просилъ у меня позволенія скрытнымъ образомъ оказывать мнѣ свои услуги. Тебѣ не безызвѣстно сіе приключеніе. Мнѣ кажется, что дѣвица, слушающая столь важныя условія, вступаетъ какъ бы въ заговоръ противъ самой себя, а гораздо чаще противъ тѣхъ, коимъ обязана такую же оказывать довѣренность, какъ уваженіе и честь.

Пріѣздъ Г. Гревилья меня печалитъ, я думаю, что скоро и Г. Фенвичъ за нимъ будетъ. Въ моей досадѣ онъ не производитъ ничего такого, по коему бы я не усиливалась любить скромнаго Орма.

Въ Субботу въ 11 часовъ.

Не ужели всегда должна я писать къ тебѣ объ однихъ только любовныхъ дѣлахъ? *Сиръ Роландъ, Гарграфъ* и *Гревиль* были нынѣ вмѣстѣ у Г. Ревса. *Сиръ Роландъ* пришелъ прежде всѣхъ, и за четверть часа до того времени, какъ приготовили намъ чай. Спрося у моей сестрицы, не отмѣнила ли я своего намѣренія, желалъ онъ на минуту переговорить со мною на единѣ. Я истинно уважаю сего честнаго старика. Честностію, любезная моя, разумѣю я здравой смыслъ и честь сопряженные съ вѣжливостію и почтенія достойными поступками. Честной человѣкъ, такія качества имѣющій, не менѣе отъ того достоинъ почтенія, что показывается нѣсколько страннымъ. Я немедлѣнно сошла въ низъ.

Сиръ Роландъ подошедши ко мнѣ, схватилъ меня съ жаромъ за руку и смотря на меня пристально, вскричалъ: Боже мой! таже пріятность, тѣже самыя прелѣсти на семъ миломъ лицѣ! Какъ можно, чтобъ съ видомъ толь ласковымъ..... Но надобно быть доброю..... надобно.... Не жмите такъ моей руки, *Сиръ Роландъ*, прервала я рѣчь его, вы меня опечалите, если принудите меня повторить. ...Какъ! сказалъ онъ мнѣ, вы отказываетесь? Ахъ! дражайшая *Биронъ*, берегитесь повторять свои слова; не ужели не желаете вы кому нибудь спасти жизнь? Мой несчастной племянникъ теперь дѣйствительно при смерти. Я хотѣлъ было принести его съ собою; но нѣтъ, онъ весьма страшится, что не будетъ одобренъ благопріятствомъ владычицы своего сердца. Знаете ли вы, чтобъ кто нибудь питалъ къ вамъ столь нѣжную любовь? а развѣ ничего не дѣлаютъ изъ любви, хотябъ нималой привлекательности въ достоинствахъ и скромности не находили? Любезнѣйшая *Биронъ*, не

ожесточайте своего сердца. Я намѣренъ былъ отсюда дня черезъ два уѣхать; но не оставляю города, хотябъ и цѣлой мѣсяцъ должно было мнѣ здѣсь прожить, только чтобъ быть свидѣтелемъ щастія моего племянника, когда я сего ему желаю; то вѣрьте, что желаю того для устройства собственнаго вашего благополучія. Дражайшая *Биронъ* согласитесь..... Я была нѣсколько тронута его поступкомъ, но не отвѣчала ни слова. Согласитесь на наше желаніе, продолжалъ онъ; почувствуйте въ сердцѣ своемъ сожалѣніе, я прошу у васъ единого слова въ утѣшеніе моему племяннику; я бы просилъ онаго у васъ на колѣнахъ еслибъ думалъ, что покорностію своею.... Такъ, на колѣнахъ хочу я испрашивать у васъ милости; тогда сей честный старикъ схватилъ меня за другую руку держа меня за одну еще съ начала своего разговора, и упалъ предо мною на колѣни.

Его положеніе привело меня въ чрезвычайное замѣшательство; я не знала, что дѣлать, и что говорить; я не имѣла столько бодрости, чтобъ его поднять. Однако видя у ногъ своихъ человека такихъ лѣтъ, пріобрѣтшаго отъ меня право къ уваженію его, обращающаго на меня омоченные слезами глаза, дабы, какъ онъ говорилъ, возбудить во мнѣ сожалѣніе къ его племяннику, весьма я была тронута, на конецъ я заклінала его, чтобъ онъ всталъ. Вы требуете отъ меня милости, сказала я ему трепещущимъ голосомъ, а сами не довольно мнѣ оной оказываете, о *Сиръ Роландъ!* сколько вы меня смущаете! я хотѣла было отнять свои руки; но онъ ихъ очень крѣпко сжалъ. Я топнула ногою при первомъ движеніи моей признательности. *Сиръ Роландъ*, встаньте, я не могу сносить такого зрѣлища; встаньте, покорнѣйше я васъ прошу; и по такому же побужденію стала я предъ нимъ на одно колѣно. Вы видите, прибавила я..... что еще болѣе могу я сдѣлать? Встаньте же, *Сударь*; я васъ прошу на колѣнахъ оставить предо мною сіе положеніе; по истиннѣ, вы меня огорчаете много; пожалуйста оставте мои руки.

Два ручья слезъ потекли по его щекамъ. Я, я васъ огорчаю, *Сударыня?* и дѣвица *Биронъ* благоволитъ унижать себя до.... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ свѣтѣ не пожелаю я причинить вамъ и на одну минуту огорченія. При семъ онъ всталъ, оставилъ мои руки, и я также встала съ довольнымъ смятеніемъ. Онъ подошелъ на минуту къ окну, дабы отереть свои слезы: потомъ, возвратясь ко мнѣ говорилъ съ принужденною улыбкою: какая слабость! Какое ребячество! Какъ бы могъ хулить своего племянника? Но дайте мнѣ только одно слово, *Сударыня*; скажите только, что согласны съ нимъ видѣться; позвольте ему къ вамъ придти; прикажите мнѣ его привести.

Я бы его безъ сумнѣнія сдѣлала, отвѣчала я ему, естлибъ *Г. Фулеръ* ожидалъ отъ меня однихъ только учтивостей; но я хочу, *Сударь*, поступить далѣе, дабы доказать вамъ все то уваженіе, коимъ къ вамъ исполнена. Споспѣшествуйте моему щастію своимъ почтеніемъ и

дружествомъ. Позвольте мнѣ почитать васъ за родителя; а къ Г. Фулеру чувствовать всю горячность сестры. Я не столь щастлива, чтобъ могла кому нибудь принадлежать по столь нѣжнымъ именованіямъ. Г. Фулеръ обязанъ также имѣть ко мнѣ подобныя чувствованія. Всѣ посѣщенія, кои вы по праву такого качества мнѣ станете дѣлать; будутъ для меня драгоцѣннѣе тѣхъ, коибъ когда либо могли быть чинимы по иной причинѣ. Но, о родитель мой, ибо я уже хочу васъ такъ именовать, не понуждайте долъше своей дочери къ тому, чего она вамъ оказать не можетъ.

При сихъ словахъ у старика полились слезы; онъ испускалъ вздохи, кои дѣйствительно меня тронули; онъ меня называлъ Ангеломъ, божествомъ, непреодолимою дѣвицею. Добродушіе мое, говорилъ онъ, кротость моя и откровенность проникнули до глубины его сердца. Я взяла его за руку, не слушая всего того, что онъ говорилъ еще въ пользу своего племянника, и привела его къ Г. и гжѣ Ревсъ, кои насъ ожидали въ ближней горницѣ, и кои казались столь же изумленными моимъ поступкомъ, какъ и тѣмъ, что лице у *Сира Роланда* все было омочено слезами. Поздравьте меня, сказала я имъ съ громкимъ восклицаніемъ; я нашла себѣ родителя въ *Сирѣ Роландѣ*, и признаю его племянника своимъ братомъ. *Кавалеръ* взявъ мою руку прижалъ ее къ своимъ устамъ; онъ называлъ меня честію моего пола; онъ свидѣтельствовалъ, что естли я не должна быть ему племянницею; то качество его дочери, которое я принять хочу, будетъ ему драгоцѣннѣе и славнѣе короны; но онъ опять возвратился къ своему племяннику. Гжа. Ревсъ желала знать, что произошло между нами. Онъ началъ было рассказывать, и сіе безъ сумнѣнія долгобъ его заняло, какъ объявили намъ о приходѣ *Кавалера Гарграффа Поллексфена*. *Сиръ Роландъ* тотчасъ утеръ глаза, чтобъ не были красны, хотя отъ платка они еще краснѣе стали. Онъ посмотрѣлся въ зеркало; прокашлялъ раза съ три, какъ будто бы мускулы его лица зависѣли отъ звука его голоса; онъ также нѣсколько попѣлъ, говоря мнѣ, что когда поемъ, то слѣды печали исчезаютъ.

Сиръ Гарграфъ вошелъ къ намъ съ видомъ довольно пріятнымъ. Слуга вашъ, государь мой, сказалъ ему нѣсколько сурово старый *Кавалеръ*, въ отвѣтъ на поклонъ, которой тотъ ему сдѣлалъ. Я уже замѣтила, что видъ и уборы *Баронета* поразили *Сира Роланда*; и потому-то онъ наклонясь къ Г. Ревсу, хотѣлъ его о немъ разпросить. Г. Ревсъ представлялъ ихъ одного другому, какъ такихъ особъ, коимъ быть другомъ считаетъ себѣ за честь. *Баронетъ* подошедъ ко мнѣ, началъ просить прощенія.... Никакъ, государь мой, прервала я его рѣчь, а онъ опять началъ, я признаюсь, Сударыня, что сильная моя страсть.... Но я васъ уподобляю..... Я паки прервала рѣчь его, увѣряя, что все позабыто. Между тѣмъ, какъ онъ жаловался, что я столь легко ему прощаю, *Сиръ Роландъ* изумленный симъ краткимъ разговоромъ, сказалъ Г. Ревсу: я

тому больше не дивлюсь. Увы! что станетъ съ любезнымъ моимъ племянникомъ? Будьте съ сей стороны спокойны, отвѣчалъ ему Г. *Ревсъ*. При семъ обнадѣживаніи принялъ онъ на себя столь веселой видъ, что скоро какъ я думала, запѣлъ бы онъ и пѣсню, обратясь ко мнѣ. Въ сіе время пришли служители и принесли завтракъ; мы уже сѣли пить чай, какъ вызвали отъ насъ Г. *Ревса*, которой тогда же опять возвратился, введя съ собою Г. *Грвила*. Прежде нежели могли они подойти къ намъ ближе, спросилъ меня *Сиръ Роландъ*, по гальскому своему нарѣчію; кто еще это такой?

Г. *Гревиль* подошелъ ко мнѣ весьма учтиво. Я навѣдалась отъ него о всемъ томъ, что ниестъ у меня дражайшаго въ Нортгampton-Ширѣ. Удовлетворя моей нетерпѣливости, спросилъ онъ меня, видѣла ли я Г. *Фенвича*. Нѣтъ, отвѣчала я ему. А! измѣнникъ, подхватилъ онъ улыбаясь, я думалъ, что онъ меня обманулъ, дня съ три я его не видалъ; но его здѣсь нѣтъ, прибавилъ онъ не столь громкимъ голосомъ, я взялъ надъ нимъ верхъ; впрочемъ я лучше желаю, что бы я, а не онъ приносилъ изъ насъ другъ другу извиненія. Я не захотѣла войти въ ихъ споры, и говорила ему, что нашла себѣ въ Лондонѣ родителя, указывая ему на *Кавалера Мередита*, которой мнѣ позволяет называть себя симъ именемъ. У васъ сына нѣтъ, я чаю, отвѣчалъ онъ, обратясь къ старику; я ласкаюсь, государь мой, что качество родителя не съ сей стороны вамъ дается. А какъ онъ сіи слова говорилъ съ смѣющимся видомъ; то *Баронетъ* свидѣтельствовалъ, что и онъ думалъ равнымъ образомъ оныя произнестъ. *Сиръ Роландъ* имъ сказалъ весьма учтиво, что у него есть племянникъ, и когдабъ я согласна была съ его желаніемъ; то онъ бы меня гораздо больше любилъ въ качествѣ племянницы, нежели въ качествѣ дочери. Разговоръ былъ довольно пріятенъ даже до самаго ухода стараго *Кавалера*, которой не могъ при отъѣздѣ своемъ удержаться отъ того, чтобъ не просишь у меня позволенія привести ко мнѣ еще одинъ разъ своего племянника прежде нежели отправится въ Кермартенъ. Я отвѣчала ему на оное однимъ поклономъ.

Баронетъ и Г. *Гревиль* знали другъ друга потому, что нѣсколько разъ видались на бѣгахъ въ Нортгamptonѣ; но не взирая на учтивости, съ коею они поздоровались, глядѣли они другъ на друга съ нѣкоею ревностію и какъ казалось, неоднократно хотѣли сказать одинъ другому нѣчто огорчительнаго. Стараніе, съ коимъ я все мое вниманіе обращала къ *Сиру Роланду*, предупредило всякія съ ихъ стороны объясненія, и когда онъ ушелъ; то они довольно забавно шутили надъ его поступками и провинціальнымъ его выговоромъ, отъ коего по видимому никогда онъ не отвыкнетъ. Я чрезвычайно нетерпѣливо желала, чтобъ и сіи господчики ушли. Они, казалось, примѣчали другъ за другомъ, что уже идти пора, но ни тотъ ни другой не хотѣлъ выдти прежде. На конецъ Г. *Гревиль*, притворясь будто вспомнилъ, что я не люблю

продолжительныхъ посѣщеній, распростился съ нами безъ всякаго другаго притворства.

Мнѣ не возможно бы было избѣжать новыхъ извиненій *Баронета*, въ разсужденіи той досады, въ которую онъ приходилъ при послѣднемъ своемъ посѣщеніи. Изъ отвѣтовъ моихъ не надлежало ему быть довольнѣе самимъ собою. Однако онъ опять обратился къ своимъ предложеніямъ, изъ коихъ составилъ мнѣ пышное изображеніе, и не примѣчая, чтобъ они сдѣлали надо мною впечатлѣнія, началъ говорить о Г. *Гревиль*, о коемъ подозрѣваетъ, говорилъ онъ, что не безъ намѣренія пріѣхалъ въ Лондонъ. Онъ мнѣ говорилъ о немъ не очень выгодно, но я не сумнѣваюсь, чтобъ и Г. *Гревиль* не говорилъ, того же о *Сирѣ Гарграфѣ*, и я думаю, что не окажешь имъ несправедливости, когда и обѣихъ ихъ такими же почитать будетъ.

Я отвѣчала, что не больше къ одному принимаю участія какъ и другому, сказавъ сіе съ такою твердостію, что по нѣкоимъ признакамъ печали, *Баронетъ*, казалось, получилъ право, съ нѣкою надмѣнностію требовать отъ меня причины такого отказа; его пылкость примѣченная мною на его глазахъ, можетъ быть меня тронула. Я ему сказала хотя съ сожалѣніемъ, что поелику онъ принуждаетъ меня объяснить ему мои чувствованія; то и говорю, что не имѣю о его нравахъ того мнѣнія, котороебъ должна была имѣть о такомъ человѣкѣ, коего желала бы избрать себѣ супругомъ. Мои нравы, *Сударыня*, вскричалъ онъ, перемѣняясь многократно въ лицѣ, мои нравы, *Сударыня!* повторилъ онъ. Его восклицаніе меня утратило, хотя Г. и Гжа. *Ревсъ* казались нѣсколько изумлены моею откровенностію, но не дая мнѣ знать, чтобъ оную почитали достойною хулы. Мои возраженія, *Сударь*, начала я опять говорить, не должны васъ огорчать; ибо вы сами признаніе оныхъ отъ меня вынуждаете, я же не намѣрена ни въ чемъ васъ укорять; но понуждаема будучи усильными вашими прозьбами, я должна повторить..... Здѣсь не могла я выговорить прежнихъ словъ. Но онъ мнѣ сказалъ съ нетерпѣливостію: продолжайте, *Сударыня*.

Я опять ободрилась; по истиннѣ, *Сирѣ Гарграфѣ*, я противъ воли повторяю, что не имѣю о вашихъ нравахъ.... (очень хорошо, *Сударыня*, прервалъ онъ) того мнѣнія, которое должна имѣть о нравахъ такого человѣка, на свойствахъ коего помышлялабъ я основать мое благополучіе въ сей жизни, и все упованіе мое въ будущей. Сіе правило для меня весьма важно, хотя и не случается мнѣ приводить онаго безъ сильныхъ причинъ. Но позвольте мнѣ присовокупить, что дѣвичество еще мнѣ не наскучило. Я думаю, что и во всякое время будетъ надмѣру рано, дабы обременить себя вѣчными заботами; и ежели я не буду имѣть щастія познать такого человѣка, коему бы мое сердце могло безъ принужденія отдаться; то я отрекусь на всегда отъ брака. Какую злость при сихъ словахъ, любезная моя, усматривала я на глазахъ его? Вы кажетесь не

довольны, государь мой, присовокупила я, но думаю, что безъ всякой-причины намѣренія ваши обратились на такую особу, которая сама въ себѣ властна; и хотя я всегда удаляюсь отъ того, что бы выразить истинны, заключающія въ себѣ нѣкую жестокость, однако откровенность свою почитаю себѣ за честь.

Онъ всталъ со стула, прошелъ большими шагами по горницѣ, повторяя тихимъ голосомъ, вы не имѣете хорошаго мнѣнія о моихъ нравахъ! Сударыня.... Но я рѣшился претерпѣть все.... Но, такое худое мнѣніе о моихъ нравахъ! Нѣтъ, я столь многого стерпѣть не въ силахъ, Тутъ онъ приложилъ ко лбу кулакъ, и подержалъ оной нѣсколько времени, вдругъ схватилъ шляпу, поклонился намъ очень низко, (лице у него разгорѣлось, повидимому, отъ боренія его страстей) и не сказавъ больше ни слова, пошелъ къ дверямъ. *Г. Ревсъ* немедленно вставъ хотѣлъ его проводить, а онъ многократно повторялъ: презрѣніе къ моимъ нравамъ! У меня есть непріатели, Сударь. Презрѣніе къ моимъ нравамъ! Я только одинъ такой, съ коимъ *Миссъ Биронъ* поступаетъ съ меньшею благосклонностію; ея негодованіе можетъ ея привлечь.... Почто не могу сказать, моего негодованія? Прощайте, Сударь, извините меня за сію запальчивость. Прощайте. Онъ сѣлъ въ карету, у коей вдругъ поднялъ стекло. *Г. Ревсъ* намъ сказывалъ, что онъ протянулся до самаго каретнаго верха, поджавъ бока своими локтями. Въ сей ярости онъ отъ насъ поѣхалъ. Угрожающій его видъ, отъѣздъ, мало я тебѣ изобразила, и слова *Г. Ревса* привели меня въ такой страхъ, что я черезъ цѣлой часъ не могла отъ онаго освободиться.

Весьма изрядной женихъ для твоей *Генріетты*, такой полоумной! О *Г. Фулеръ! Сиръ Роландъ! Г. Ормъ*, столь любезны вы мнѣ кажетесь въ сравненіи съ *Сиромъ Гарграфомъ*.

ПИСЬМО XII.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Среду, 23 февраля.

Я получила письмо моего дяди и два твоихъ. Всѣ совѣты подаваемые мнѣ отъ столь дражайшихъ особъ, будутъ имѣть какое нибудь дѣйствіе надъ моими поступками; хотя для увѣщанія или обличенія оныя мнѣ подавать стануть.

Жамесъ поѣхалъ въ Нортгampton-Ширъ. Я прошу тебя принять его благосклонно. Онъ человѣкъ весьма честной, и меня увѣрили, что онъ питаетъ въ сердцѣ своемъ нѣкую сильную страсть; а, изъ сего нетерпѣливость его къ отъѣзду изъ Лондона и объясняется. Помнится, слыхала я отъ моего дяди, что молодые, но бѣдные люди, мыслящіе о бракѣ, не должны быть лишаемы бодрости. Ктобъ захотѣлъ служить,

когда самъ можетъ повелѣвать? Честной бѣднякъ составляетъ весьма почтенную часть человѣческаго рода.

Г. *Ревсъ* принималъ на себя трудъ смотрѣть многихъ служителей, желавшихъ ко мнѣ опредѣлиться; но не видалъ еще такого, которой бы мнѣ былъ угоденъ, выключая одного, которой приходилъ сего утра; онъ имѣетъ весьма хорошую физіономію, и не старѣе двадцати шести лѣтъ. Я думаю его у себя оставить; онъ кажется очень хорошо воспитанъ, да и достоинъ лучшаго состоянія. Гжа. *Ревсъ* имъ чрезвычайно довольна, и велѣла уже написать записку къ тому господину, у коего онъ прежде служилъ. Сей Господинъ молодъ, называется *Багенгалемъ* и живетъ недалеко отъ *Ридинга*.

Служитель говоритъ о немъ весьма хорошо, объясняясь съ великою скромностію, что отъ него отошелъ для того, что Г. *Багенгалъ* предаваясь угѣхамъ своихъ лѣтъ, весьма поздно оныя оставляетъ. *Вильсонъ*, такъ называется новой нашъ лакей, со вчерашняго только дни пріѣхалъ въ Лондонъ, и остановился у своей сестры, вдовы, живущей въ *Смитфильдѣ*. Онъ требуетъ довольно великаго жалованья; но доброму служителю не надлежитъ отказывать въ нѣсколькихъ пистоляхъ; должно ему пособлять, чтобъ нѣчто сберечь и на старость свою, и когда ослабѣетъ здоровьемъ. Гжа. *Ревсъ* хотѣла его принять при первомъ на него взглядѣ. Она ручается за него, говорила она, по его физіономіи и по всѣмъ рѣчамъ. Я тебѣ не такъ бы много о немъ говорила, еслибъ не весьма желала его принять.

Сиръ Гарграфъ опять къ намъ пріезжалъ. Я сидѣла тогда съ Гжею. *Ревсъ*, и нѣкоторыми нашими пріятельницами, кои пришли провести съ нами дружески часть того дня, и подъ симъ видомъ ему извинилась; но онъ видѣлъ Г. *Ревса*; онъ оказывалъ то гордость свою, то униженіе. Въ послѣднее свое посѣщеніе онъ рѣшился меня не беспокоить, мое пренебреженіе смертельно его поразило; но у него не достало силъ удержаться при своемъ намѣреніи. Онъ укорялъ себя за слабость; я буду его женою, онъ въ томъ клялся. Такой человѣкъ, какъ онъ, отвергаемъ такую особую, коей имѣніе столь мало соразмѣрно съ его богатствами, и которая признается, что не знаетъ еще такого человѣка, коегобъ въ сердцѣ своемъ ему предпочитала! (о! *Сиръ Гарграфъ* въ етомъ не обманывается; ибо мало есть такихъ людей, коихъ бы ему не предпочла.) Отвергаемъ со всѣми тѣми выгодами, въ коихъ меня увѣрить хочетъ, при такомъ видѣ, которой конечно не имѣетъ въ себѣ ничего презрительнаго! [Г. *Ревсъ* сказывалъ, что онъ осмотрѣлъ себя въ близъ стоящемъ зеркалѣ съ головы до ногъ.] Это самое кажется ему совершенно не понятно, во все невразумительно.

Онъ спрашивалъ, не съ надеждою ли какою Г. *Гревиль* прибылъ въ городъ. Г. *Ревсъ* отвѣчалъ, что я огорчена была его пріѣздомъ, и что онъ изъ того никакого плода не получить. По крайней мѣрѣ это мученіе,

возразилъ онъ вздохнувши. Сей Г. *Гревиль* въ первомъ разговорѣ нашемъ говорилъ нѣсколько вольныя рѣчи, кои я упущаю, потому что онъ не щастливѣе меня. Я знаю его легкомысліе, но я бы желалъ, чтобъ сіе дѣло между нами кончилось шпагами; онъ бы не такъ отъ меня отдѣлался, какъ отъ *Фенвича*. Но я не могу снести, Г. *Ревсъ*, что порицаетъ мои нравы; конечно я въ оныхъ превосхожу всякаго *Гревиля* и *Фенвича*. Если въ свѣтѣ такой человѣкъ, которой бы въ обращеніи съ женщинами не позволялъ себѣ какихъ нибудь вольностей? Вы это знаете, Сударь, онъ насъ отъ того не менѣе почитаютъ. Укоризна моимъ нравамъ! и въ устахъ женщины! по чести такое возраженіе странно; что вы о томъ скажете, Сударь!

Мнѣ кажется, моя любезная, что Г. *Ревсъ* весьма уже далеко простиралъ свою терпѣливость: онъ человѣкъ весьма тихой, хотя моя сестрица увѣряетъ, что въ случаѣ нужды не недостаетъ у него пылкости; онъ весьма спокойно говорилъ съ *Сиромъ Гарграфомъ*, которой прощаясь съ нимъ, еще клялся, что не смотря ни на какія супротивленія я буду его женою.

Въ Понедѣльникъ въ вечеру.

Господинъ *Гревиль* приходилъ къ намъ подъ вечеръ. Онъ просилъ у меня изъ милости поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ на единѣ. Я его просила меня отъ того уволишь, и вспомнить, что и въ замкѣ Сельби я никому такого угожденія не дѣлала; но онъ усиленно просилъ Г. и Гжу. *Ревсъ* оставить его одного со мною. Онъ весьма желалъ знать, какой успѣхъ въ надеждѣ своей имѣлъ *Сиръ Гарграфъ*, онъ о семъ оказывалъ весьма великое безпокойство. Онъ надѣется, говорилъ онъ мнѣ, что человѣкъ такого свойства, мало произведетъ во мнѣ впечатлѣнія, и что *Миссъ Биронъ* не дастъ предпочтенія однимъ преимуществамъ отъ богатства происходящимъ, надъ старымъ слугою, которой не преставаля ей удивляться съ ея младенчества, и которой не упуститъ ничего къ учиненію ее щастливою.

Я ему отвѣчала, что мнѣ чрезвычайно прискорбно быть толь часто принуждаемою давать ему одинаковые отвѣты; что я никого оскорбить не могу, кольми паче сосѣда, которой соединенъ дружествомъ со всею моею фамиліею; но что онъ меня удивляетъ, не чувствуя того, что я отнюдь не должна ему давать отчета въ своихъ чувствованіяхъ, и въ томъ, что меня посѣщаютъ.

Онъ мнѣ приносилъ извиненіе, прося по крайней мѣрѣ его обнадѣжить, что я неблагопріятствую требованіямъ *Сира Гарграфа*. Нѣтъ, Сударь, сказала я ему съ нарочитою твердостію; я не желаю ни единаго такого объясненія. Не подалалъ бы я вамъ симъ самымъ право судить о моихъ поступкахъ, и не обнадѣжилалъ бы въ томъ, о чемъ совершенно и не помышляю.

Онъ призывалъ небо свидѣтелемъ, что онъ меня любить больше себя. Онъ заклиналъ себя, что будетъ домогаться меня до послѣдняго издыханія; и что еслибъ могъ думать, что *Сирь Гарграфъ* получилъ хотя малѣйшую надежду; то смѣлобъ рѣшился на прекращеніе его дней. *Г. Гревиль*, сказала я ему, мнѣ весьма уже извѣстна ваша запальчивость; то, что произошло между вами и *Г. Фенвичемъ*, довольно меня опечалило, а въ такомъ намѣреніи и ваши дни укоротаны быть могутъ, какъ и дни другаго; но я не вхожу въ ваши намѣренія; только сдѣлаете милость не сочтите за неучтивость того, что я намѣрена навсегда отказаться отъ чести, которую вы мнѣ дѣлаете своими посѣщеніями.

Я хотѣла было выдти; но онъ, опередивши меня, сталъ у дверей. Ради Бога, сударыня, не выходите отсюда въ такомъ гнѣвѣ; если вы ничего не перемѣняете въ моей участи, то благоволите по крайней мѣрѣ меня увѣрить, что етотъ щеголь.... О! да по какому праву, прервала я, осмѣливаетесь вы требовать такихъ увѣреній. Права его, говорилъ онъ мнѣ, не на иномъ чемъ основываются, какъ на моемъ благодушіи. Дражайшая *Биронъ*, скажите мнѣ, что *Сирь Гарграфъ* не будетъ способенъ тронуть ваше сердце, скажите ето мнѣ для его пользы, если не для моей; ибо я знаю, что вамъ мало нужды, чтобъ со мной ни сдѣлалось; но чтобъ не етотъ звѣрь съ блѣдною своею рожею пріобрѣлъ вашу склонность; сіе имя изображаетъ его свойство. Если предпочтеніе ваше опредѣлено другому кому, а не мнѣ, то дайте оное по крайней мѣрѣ такому, коемубъ за достоинства его всѣ желали такого благополучія; для собственной своей славы изберите и сдѣлайте щастливымъ челоуѣка честнаго; и если я не могу васъ о томъ просить въ качествѣ любовника, то окажите милость сосѣду и старому другу, увѣрьте его что ето не будетъ *Кавалеръ Поллексфенъ*.

Могу ли я знать, Сударь, сказала я съ спокойнымъ видомъ, за какимъ дѣломъ пріѣхали вы въ Лондонъ?

Вы отгадываете, Сударыня, самое важное; я извѣстился, что сей господинъ домогается пріобрѣсть склонности вашего сердца, о успѣхѣ чего онъ и хвасталъ; то еслибъ я хотя нѣсколько былъ увѣренъ.... что его богатства не убѣдятъ васъ....

Такъ возвратились ли бы вы, *Г. Гревиль*, въ Нортгамптон-Ширъ?

Правду сказать, Сударыня, теперь, когда уже я пріѣхалъ въ Лондонъ, заказалъ для себя уборы и другія надобности....

Все, что бы вы въ такомъ случаѣ ни предпріяли, Сударь, ни мало меня не трогаетъ; но пожалуйста вспомните только, что какъ ваши посѣщенія въ Нортгамптон-Ширъ касались единственно до моего дяди *Сельби*, то и здѣсь должны относиться къ моему двоюродному брату *Ревсу*.

Я уже знаю, Сударыня, что вы можете быть жестокою, когда желаете; но угодно ли вамъ будетъ, чтобъ я возвратился въ провинцію?

Угодно ли будетъ мнѣ, Сударь? по истиннѣ, Г. *Гревиль* будетъ дѣлать то, что самому ему угодно; а я прошу единственно, чтобъ и мнѣ оставлена была такая же свобода.

Вы весьма разборчивы, Сударыня! и до чрезвычайности опасаетесь подать надъ собою хотя малѣйшую выгоду?

А мужчины, Сударь, столь много оныхъ берутъ отъ самаго малѣйшаго повода; но чтобъ вы не думали о моей разборчивости; а я справедлива, и увѣряю васъ, что еслибъ не приняла столь рѣшительнаго намѣренія...

Рѣшительнаго намѣренія.... такъ точно, Сударыня, а иногда даже и упорнаго. Я признаюсь, что недосуги мои не позволяли мнѣ въ нынѣшнее время ѣхать въ городъ. Скажите, Сударыня, что вы желаете моего отъѣзда, и что ни етотъ *Гарграфъ*, ни племянникъ новонареченнаго вашего родителя (право, такія новыя сродства меня безпокоятъ:) не сдѣлаютъ надъ вашимъ сердцемъ ни какого впечатлѣнія, и что вы не откажете мнѣ въ чести, видѣть васъ въ то время, когда буду посѣщать Г. *Ревса* и тогда я обѣщаюсь вамъ еще до изходу сей недѣли въ путь отправиться; я въ сей же вечеръ отпишу къ *Фенвичу* то, что не должно ему быть безъизвѣстно, и что я отъѣзжаю, не получа никакого плода отъ своей поѣздки. Такое увѣдомленіе избавитъ васъ отъ свиданія со вторымъ вашимъ мучителемъ; такимъ именемъ называетъ иногда обоихъ насъ ваша сестрица *Люція*.

Вы столь неумѣренны, Г. *Гревиль*, что когда и другіе такими же быть могутъ; то и не скрою отъ васъ, что симъ бы избавили вы меня отъ труда.....

Ахъ! берегитесь; Сударыня, берегитесь по истиннѣ, подать излишній поводъ такому несчастному, которой при малѣйшемъ признакѣ, что васъ обязать можетъ, рѣшился бы объѣхать весь свѣтъ, но вы ничего не говорите о *Сирѣ Гарграфѣ* и о новоназванномъ вашемъ братцѣ? Простите мнѣ, Сударыня, если я столько опасаюсь сихъ вкрадчивыхъ льстецовъ, нападающихъ на васъ со стороны сожалѣнія, что требую отъ васъ нѣкоего въ томъ обнадеживанія. Но что же, Сударыня? развѣ не можете вы мнѣ подать оное съ обыкновенными своими предосторожностями? Не уже ли не могу я получить онаго въ качествѣ вашего сосѣда и стариннаго пріятеля? Ибо о любви уже и упоминать здѣсь не надлежитъ.

И такъ, Г. *Гревиль*, какъ сосѣдка и какъ старинная ваша пріятельница, равно и для вашихъ недосуговъ, кои не позволяли вамъ ѣхать въ Лондонъ, совѣтую вамъ возвратиться въ провинцію.

Съ какою разборчивостію, Сударыня, довели вы меня до своего намѣренія! Вы должны по крайней мѣрѣ благодарить меня, что подаль вамъ къ тому поводъ; но какое дадите мнѣ условіе, Сударыня, если я приму совѣтъ столь доброй сосѣдки.

Я въ томъ не откажу, Сударь, и объявлю вамъ, со всею искренностію, какъ сосѣду, и какъ старинному пріятелю моей фамиліи, что я еще не видала такого человѣка, коегобъ ждала имѣть своимъ мужемъ.

Вы его видѣли, Сударыня, по чести, вы его видѣли; при сихъ словахъ сквернавецъ схватилъ мою руку, не взирая на мое супротивленіе. Вы мнѣ ее дадите, сказалъ онъ, поднеся ее къ своему рту; и губами своими такъ сильно ее прижалъ, что оставилъ на ней признаки своихъ зубъ. Я вскричала отъ изумленія, да могу сказать, что и отъ боли. Но онъ передразнилъ мой крикъ, и схватя другую руку, равно нажалъ ее своими зубами. Вы будете щастливы, сказалъ онъ мнѣ, ежели я вамъ одну изъ нихъ оставлю; я бы охотно съѣлъ васъ живую. Вотъ, моя любезная, каковъ твой томной и безутѣшной *Гревиль*.

Я убѣжала отъ него въ боковую горницу, онъ пошелъ за мною съ весьма вольнымъ видомъ, прося меня, чтобъ я позволила ему посмотрѣть на мои руки, потомъ обратясь къ *Г. Ревсу* сказалъ ему шутливымъ голосомъ; право, я думалъ, что съѣмъ дражайшую вашу сестрицу и началъ уже было съ ея рукъ. Сей знакъ спокойства и увѣренности тронуло меня болѣе, нежели самый его поступокъ; ибо онъ мнѣ показалъ, что сродная ему веселость нимало не измѣнилась. Однако я не захотѣла показаться при семъ излишне грозною; но я боялась, чтобъ сей человѣкъ, когда бы мнѣ еще довелось быть съ нимъ на единѣ, и дѣйствительно не отгрызъ у меня рукъ. Выходя отъ насъ, онъ мнѣ сказалъ, что считаетъ меня нѣсколько ободрившеюся отъ моего ужаса. Видите, прибавилъ онъ, что получаютъ отъ того, когда приводятъ честнаго человѣка въ отчаяніе; но вы желаете, чтобъ я выѣхалъ изъ города? такъ помните, что вы мнѣ объявили.

Онъ меня оставилъ къ великому моему удовольствію, что отъ него избавилась. Между тѣмъ, какъ *Г. Ревсъ* его провожалъ, онъ говорилъ, что для предупрежденія всѣхъ моихъ желаній, одинъ только разъ до своего отъѣзду со мною свидится, и что немедленно будетъ писать *Г. Фенвичу* о неукоснительномъ своемъ возвращеніи въ Нортгampton-Ширъ.

ПИСЬМО XIII.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Во Вторникъ, 14 февраля.

Миссъ Клемеръ, къ коей мое дружество со дня на день умножается, показывала мнѣ сего утра свой кабинетъ, то есть, свои книги, руководлія и все что служить къ домашнимъ упражненіямъ. Я думала, что нахожусь въ кабинетѣ дражайшей моей *Люціи*; ибо въ толь шумной жизни, я перестаю помышлять о любезныхъ моихъ друзьяхъ въ Нортгampton-

Ширѣ живущихъ. Два часа, кои я провела съ *Миссъ Клемеръ*, показали мнѣ весьма коротки. Мнѣ сказывали, что она пишетъ совершенно, и что для тѣхъ особъ, съ коими переписывается, есть настоящая *Маркиза Севинье*. Я ласкаюсь, что и сама нѣкогда въ числѣ сихъ ея особъ буду, но я вижу, что отъ своихъ писемъ и чтенія не упускала она и другихъ руководѣлій. Она для меня тѣмъ почтеннѣе, что подаетъ примѣръ опровергать мнѣнія тѣхъ, кои не ободряютъ свѣденій въ женщинахъ; нареканіе;.. иногда справедливое, но надмѣру общее. Я бы не хотѣла, чтобъ сіе качество было главнѣйшимъ отличіемъ той женщины, которую люблю; но когда получаемъ дарованія, то для чего же ихъ не признавать, или оставлять безъ образованія? Мнѣ кажется, моя любезная, что по существенныхъ добродѣтеляхъ моего пола, кои суть, скромность, послушаніе, приверженность къ должностямъ закона и нравоченія, не есть нещастіе имѣть разумъ, нѣсколько образованный. *Миссъ Клемеръ* щастлива, какъ и твоя *Генриетта*, по любви своей тетки, которая ничего драгоцѣннѣйшаго ея не имѣетъ. Матушка у ней еще жива, но она любитъ только сама себя; и природа столь мало внушила ей горячности къ сей превосходной дочери, что Гжа. *Вимбура*, ея тетка, не могла до тѣхъ поръ быть спокойна, пока ее не отозвала къ себѣ. Мы съ *Миссъ Клемеръ* согласились видаться безъ всякихъ церемоній.

Я еще тебѣ скажу, что отвѣтъ прежняго *Вильсонова* господина послужилъ весьма много къ его одобренію и я приняла его наконецъ къ себѣ въ службу. Въ мою отлучку заѣзжала къ намъ Гжа. *Вилліамсъ*. Она, кажется, весьма заботится о нашихъ уборахъ для маскараду, а особливо о моихъ. Мы должны переодѣться въ ея домѣ, а оттуда уже взявъ носильщиковъ поспѣшать въ маскарадъ; она беретъ все на себя. Ты тогда узнаешь, моя любезная *Люція*, въ какомъ видѣ должна я показаться, когда я сама о томъ увѣдомлюсь.

Баронетъ также приходилъ въ то время, какъ я была у *Миссъ Клемеръ*; онъ видѣлся только съ однимъ Г. *Ревсомъ*, съ коимъ провелъ онъ почти съ четверть часа. Онъ казался задумчивъ и невеселъ. Г. *Ревсъ* сказалъ намъ, что онъ со всѣмъ перемѣнился, и нетаковъ, какимъ его видалъ до сего времени. Онъ ни разу не усмѣхивался, да и нѣтъ, составляли почти всѣ его слова, но онъ однако и тутъ хулилъ женщинъ. Отверженной полъ! повторялъ онъ неоднократно. Весьма странно, говорилъ онъ, то, что мущина не можетъ быть счастливъ ни съ женщинами ни безъ нихъ. Онъ съ великимъ трудомъ могъ произнести мое имя. Наконецъ, когда Г. *Ревсъ* насмѣялся нѣсколько надъ его скукою; то онъ и рѣшился ухатъ, дабы не представлять изъ себя долѣе посмѣшища. Его лакей и кучеръ не лучше могли отъ него отдѣлаться, онъ ихъ перебранилъ безъ всякой причины, и похавъ проклиналъ ихъ всѣхъ съ великими угрозами. Чего требуетъ етотъ человекъ? Для чего

береть онъ Г. *Ревса* предметомъ своего своенравія. Но какъ объ немъ, такъ и о всемъ прочемъ до будущаго моего письма не скажу я ни слова

ПИСЬМО XIV.

Генріетта Биронъ, къ Люціи Сельби.

Въ Среду въ вечеру, 15 Февраля.

Наконецъ Г. *Гревиль* сего вечера съ нами простился, будучи въ твердомъ намѣреніи завтра по утру отправиться въ путь. Онъ усиленно меня просилъ на минуту поговорить съ нимъ на единѣ; но я весьма остереглась оказать ему сіе угожденіе. Онъ болѣе всего жалѣеть, говорилъ онъ мнѣ, что оставляетъ въ Лондонѣ высококомѣрнаго *Гарграфа*, и низкую душу имѣющаго *Фулера*: однако онъ отъѣзжаетъ съ удовольствіемъ, увѣрясь отъ меня, что ни въ томъ ни въ другомъ изъ сихъ мужчинъ не нахожу я такихъ качествъ, по коимъ бы могла чувствовать къ кому-либо сердечную склонность. Ты видишь, моя любезная, что симъ дѣлаетъ онъ уваженіе самому себѣ; ибо я помню свои слова; я сказала, что не видала еще такого человѣка, коего желала бы имѣть своимъ мужемъ.

До своего отъѣзду, Г. *Гревиль* весьма забавно шутилъ надъ свойствами своихъ совмѣстниковъ, надъ тѣмъ, что называетъ моимъ жестокосердіемъ, и надъ мученіями своего сердца. А какъ *Сиръ Гарграфъ* въ сіе время къ намъ вошелъ; то и увидѣла я, что разговоры ихъ будутъ весьма горячи, коихъ слѣдствій напередъ уже опасалась. Но *Гжа. Ревсъ* предложила мнѣ сыграть какую нибудь Арію на Клависинѣ, и сіе-то охладило ихъ пылкость. *Баронетъ* извѣстятъ, что Г. *Гревиль* долженъ завтра ѣхать, пошелъ отъ насъ прежде, нежели, какъ казалось хотѣлъ, видно съ радости, то одержалъ для себя поле.

Оставляя насъ Г. *Гревиль* еще расплодилъ глупое свое воображеніе, а такая замысловатость столь привлекла въ нему *Гжу. Ревсъ*, что она его считаетъ, какъ сама говорила, за забавнѣйшаго изъ всѣхъ моихъ безотвязныхъ обожателей. Но что за искусство забавлять? Я отвѣчала съ довольно холоднымъ видомъ, что Г. *Гревиль* есть человѣкъ худаго поведенія, что еслибъ онъ могъ чего нибудь стыдиться, или чувствовать любовь, которую себѣ притворяетъ; то не былъ бы ни столь веселъ ни столь забавенъ, каковъ есть въ самомъ дѣлѣ; при семъ Г. *Ревсъ* хотѣлъ знать, которому бы по крайней мѣрѣ изъ пяти особъ, коихъ онъ называетъ моими любовниками, могла я дать нѣкое предпочтеніе. Я необинуясь ему отвѣчала, что если онъ говоритъ о предпочтеніи кого-либо по своей склонности; то нѣтъ ни одного изъ нихъ, къ коемубъ имѣла хотя малѣйшую привязанность; но что если спрашиваетъ моего мнѣнія о ихъ свойствахъ; то я въ семъ полагаю чрезвычайную разность въ

пользу Г. Орма, который мнѣ кажется достойнымъ почтенія и дружбы честныхъ людей. Очень хорошо, возразилъ Г. Ревсъ, я право готовъ биться объ закладъ, что рано или поздно яблочко дано будетъ Г. Орму.

Я его оставила въ семь мнѣніи. Однако онъ мнѣ сказалъ; что трудно будетъ сбыть съ рукъ *Сира Гарграфа*; что нынѣшняго же дня онъ объявилъ Гжѣ. *Вилліамсъ*, что рѣшился не смотря ни на какія препятства, одержать верхъ, что сія Госпожа, казалось, принимаетъ для него въ семь дѣлѣ великое участіе, и что она удивляется тому, какъ могла я отказать столь богатому и пригожему человѣку, коему уже предлагали многихъ невѣсть изъ самага знатнѣйшаго дворянства.

Въ Среду 15 числа..

Сиръ Гарграфъ теперь отъ насъ пошелъ. Я не имѣю, любезная моя, ни времени, ни охоты рассказать тебѣ то, что съ нимъ съ полчаса предъ симъ сдѣлалось, и въ какомъ изступленіи онъ отъ насъ ушелъ. Онъ желалъ со мною поговорить на единѣ; а я тѣмъ болѣе считала себѣ за право ему въ томъ отказать, что онъ ни во что не вмѣнялъ съ чрезвычайною вольностію объясняться со мною при Г. и Гжѣ. *Ревсъ*. Но какъ онъ ничего болѣе не говорилъ; то моя сестрица, чтобъ его обязать, вышла изъ горницы, а господинъ Ревсъ пошелъ за своею сожительницею; конечно не должны они были оказывать ему сего угожденія, я знаю, что они въ семь весьма худо поступили.

Какъ скоро они вышли; то онъ хотѣлъ меня взять за руку, я ее отъ него отняла. Сударыня, сказалъ онъ мнѣ весьма грубымъ голосомъ, вы бы не оказали такой жестокости Г. *Гревиллю*, я одинъ только такой, съ которымъ вы столь худо поступаете. Я ему учтиво отвѣчала, что я также поступила бы и со всякимъ человѣкомъ, съ которымъ бы меня на единѣ оставили.

Вы видите, Сударыня, возразилъ онъ, что мнѣ не возможно жить безъ васъ. Сердце мое и душа посвящены вамъ. Я гордъ, признаюсь вамъ; извините меня, если присовокуплю, что гордость моя оскорблена. Я думалъ, что могъ бы ожидать больше благосклонности отъ всякой женщины, которая не имѣлабъ ни какихъ обязательствъ, и отвращенія къ браку. Ваше сердце свободно, говорите вы; я сего желаю, и принуждаю себя тому вѣрить. Но етотъ *Гревиль*.....

Онъ остановился, чтобъ дать мнѣ время ему отвѣчать. Я ему сказала, что не будучи обязана подавать ему объясненія, не привыкла я поступать неучтиво съ тѣми, кои оказываютъ мнѣ нѣкое уваженіе. Онъ полагалъ, что я одного только его изъ сего числа исключая, и возвратясь къ прежнимъ своимъ жалобамъ, усиленно меня понуждалъ объясниться во всемъ касающемся до него и до Г. *Гревиля*. Я думала, что отъ него освобожусь, увѣряя его, какъ то и прежде сдѣлала, что еще не видала того

человѣка, которой долженъ мнѣ быть мужемъ, но вдругъ у него лице и глаза воспламенились, и онъ клялся въ такихъ же почти выраженіяхъ, кои употребилъ Г. *Гревиль* въ послѣднемъ случаѣ, что я видѣла того человѣка; естли же склонности мои не предупреждены, то онъ передъ моими глазами? Я ему сказала, что естли сія была единая причина его посѣщенія; то онъ могъ бы обойтись въ семь и безъ ухода Г. и гжи *Ревсъ*; я хотѣла было уйти, но онъ мнѣ не далъ проходу; вы меня не остави́те, Сударыня, я васъ заклинаю. Такъ чегожь еще болѣе желаете вы отъ меня, государь мой? Скажите мнѣ, Сударыня, не имѣете ли отвращенія къ браку? Какое право имѣете вы, Сударь, предложить мнѣ такой вопросъ? Скажите любезная, *Биронъ*, имѣете ли намѣреніе вступить въ сіе состояніе? Можетъ быть, Сударь, есть ли найду такого человѣка, которому бы могла отдать все свое сердце. Но не могу ли я быть симъ щастливымъ человѣкомъ! Я прошу у васъ милости, Сударыня, я прошу оной у ногъ вашихъ? Жизнь для меня безъ васъ ни чего не составляетъ. При сихъ словахъ гордецъ сталъ предо мною на колѣни, и сжавъ свои руки, устремилъ на меня глаза.

Хотя такія зрѣлища и всегда производятъ нѣкое движеніе; но коль различно оно было отъ того, любезная моя, которое я чувствовала въ себѣ видя *Сира Роланда* въ подобномъ положеніи! Я ясно видѣла, что это была предумышленная его хитрость. Чего не насаказалъ онъ мнѣ, находясь болѣе четверти часа въ такомъ положенія, и не позволяя мнѣ выдти отъ него? Я находилась принужденною повторить ему отчасти прежніе мои отвѣты. Я желала бы отпустить его съ учтивостію; но онъ не оставилъ къ сему способа. Сколь онъ униженъ ни былъ, но самыя израженія его страсти и прозъбы даже смѣшаны были съ угрозами, хотя и не прямо произносилъ оныя. Наконецъ увидѣла я, что необходимо нужно было ему объявить, что я не буду болѣе принимать его посѣщеній. Онъ мнѣ представилъ, что я привожу его въ отчаяніе; но я однако вышла изъ горницы къ Г. и гжѣ. *Ревсъ*. Онъ тогда всталъ съ заклинаніями, кои я весьма внятно слышала. Онъ меня еще называлъ гордою и неблагодарною, и пошелъ за мною въ ближнюю горницу, едва подалъ онъ знакъ къ разговору Г. и гжѣ. *Ревсъ*. Онъ раза съ три прошелъ въ молчаніи по горницѣ, наконецъ обращаясь къ нимъ, и поклонясь низко, сказалъ: извините меня. Мнѣ же поклонился онъ съ нѣкоею спѣсью, сказалъ съ злобнымъ видомъ: и вы запрещаете мнѣ посѣщать васъ, Сударыня! Такъ, Сударь, отвѣчала я съ довольною твердостію, и для вашего и для моего покоя: вы меня чрезвычайно опечалили. Въ первое, Сударыня, началъ онъ.... и остановясь на минуту, продолжалъ съ гордымъ видомъ: въ перъвое по семь посѣщеніе, при коемъ буду имѣть честь васъ видѣть, надѣюсь я получить больше успѣха; при сихъ словахъ онъ отъ насъ пошелъ.

Г. *Ревсъ* очень недоволенъ всѣми его поступками и не осуждаетъ того, что я рѣшилась не принимать впредь отъ него посѣщеній. И такъ я ласкаюсь, что имя *Сира Гарграфа* не столь часто уже въ письмахъ моихъ упоминаемо будетъ.

Платья наши готовы: Г. *Ревсъ* нарядится пустыннокомъ, сожительница его монахиною, а *Милади Вилліамсъ* игуменьею. Я не очень люблю своя убранства, потому что они съ лишкомъ пышны; а етого я больше всего опасаюсь. Меня хотятъ нарядить, какъ Аркадскую Княжну; но такое переодѣяніе столь мало согласуется съ тою мыслию, которую я имѣла о пастушей одеждѣ въ Аркадіи, что оно на противъ того составляетъ все, что ни есть великолѣпнаго и отмѣннаго въ новѣйшихъ Французскихъ и Италіанскихъ модахъ. Къ тому хотѣли еще присовокупить пастушій посохъ; но я не понимала, какъ могъ онъ приличествовать къ толь богатому убранству, хотя я должна быть безъ корзинки, ибо въ Аркадіи корзины не носятъ. Какой видъ представлю я собою въ собраніи! Великолѣпнѣе сего для маскараду не лзя было бы одѣться. Они всѣ увѣряютъ меня, что я увижу маски въ столь же богатыхъ и смѣшныхъ платьяхъ, каково мое. Чтобъ изъ того не вышло; но я бы желала, чтобъ ета ночь уже прошла. Я тебя увѣряю, что ето и въ первой и въ послѣдній разъ буду я въ подобныхъ веселыхъ сборищахъ; но надобно получить понятіе о маскарадахъ. Въ будущемъ моемъ письмѣ ожидай отъ меня всѣхъ обстоятельствъ сего веселаго собранія; я уже представляю себѣ твою нетерпѣливость. Подай, любезная *Люція*, какъ и я, нѣкую пищу своему воображенію; и отпиши мнѣ когда нибудь, что ты думаешь о произшествіяхъ, прежде нежели оныя случатся. Какихъ знаменитыхъ побѣдъ, воображаешь ты, не одержитъ твоя *Генріетта* въ столь прелѣстномъ одѣяніи?

ПИСЬМО XV.

Г. *Ревсъ* къ Г. *Сельби*;

Въ Пятницу 10 Февраля.

Сіе письмо, любезной мой *Сельби*, пишу я нынѣ только для васъ и для фамиліи вашей. Однако не приходите надмѣру въ изумленіе. Но какъ могу я вамъ сообщить вѣсти, страшные вѣсти.... Жена моя, съ третьяго часу утра, чувствуетъ отъ оныхъ сильныя припадки. Однако не будьте.... Какъ же могу я вамъ сказать, чтобъ вы не чрезмѣру печалились, когда мы сами лишены всѣхъ удовольствій.

О ной любезный братаецъ! Мы не знаемъ, куда дѣвалась наша дражайшая *Миссъ Биронъ*. Я расскажу вамъ столь подробно всѣ обстоятельства сего приключенія, сколько печаль моя и удивленіе мнѣ

позволять. Это необходимо нужно, какъ вы сами признать можете. Г. Гревиль.... я его весьма опасаюсь. Но начнемъ съ самыхъ подробностей.

Въ прошедшую ночь мы были въ маскарадѣ въ Гаймаркетѣ; носильщики любезной моей сестрицы, кои были наняты, какъ и наши, на всю ночь, позваны къ-то были въ питейной домѣ, общавшись *Вильсону*, служителю *Миссъ Биронъ*, чрезъ часъ или и меньше возвратиться; тогда было уже за полночь. *Вильсонъ* прождавъ ихъ два часа безъ пользы, принужденъ былъ нанять другихъ. Между двухъ и трехъ часовъ согласились мы возвратиться домой. Любезная наша сестрица соскучилась уже, видя что всѣ обращали на нее свое вниманіе, и всѣ взирали на нее съ удивленіемъ. Она хотѣла выдти еще прежде насъ; но *Милади Вилліамсъ* уговорила ее пробить еще съ четверть часа въ собраніи. Я не преминулъ проводить ее до самыхъ носилокъ, и видѣлъ что она въ нихъ сѣла прежде, нежели я оказалъ сей же долгъ гжѣ *Вилліамсъ* и моей женѣ. Я очень примѣтилъ, что носилки и носильщики были не тѣ, коихъ мы для нее наняли. Я спросилъ тому причины, и услышалъ въ объясненіе то, что уже вамъ говорилъ; она не медля нимало сѣла въ носилки, какъ для своего платья такъ и для того, чтобъ на вольномъ воздухѣ не простудиться, не говоря уже того, что любопытство привлекло за нею весьма много масокъ.

Тогда было уже близъ трехъ часовъ. Я далъ приказъ *Вильсону*, чтобъ остановить носилку, какъ скоро она выдетъ изъ тѣсноты, дабы обождать носилокъ Гжи. *Вилліамсъ*, или моей жены и моихъ. Я видѣлъ, что носильщики ея пошли въ путь, а *Вильсонъ* шелъ передъ ними съ своимъ факеломъ; но не видалъ, чтобъ вышедшія за нею маски возвратились въ залъ.

А какъ наши служители не примѣтили, чтобъ ея носилки останавливались, то мы подумали, что въ толпѣ и шумѣ *Вильсонъ* не слышалъ моего приказы, и приказали носильщикамъ продолжать путь, не сумнѣваясь, чтобъ она прежде насъ домой не пріѣхала. Мы намѣрились возвратишься прямо къ себѣ, хотя *Милади* и предлагала намъ, чтобъ мы переодѣлись у нее, гдѣ я наряжались.

Мы весьма изумились не нашедъ дома *Миссъ Биронъ*. Однако моя жена думала, что по ошибкѣ она можетъ быть отнесена къ *Милади Вилліамсъ*, у коей и насъ ожидаетъ; я не мѣшкая послалъ туда человекъ о ней навѣдаться. Но, о! Боже, въ какое мы пришли уныніе, увидѣвъ что *Милади* не имѣетъ о ней никакого извѣстія! Г. Гревиль, какъ я опасаюсь.... Но я долженъ вамъ показать всѣ признаки, на коихъ основываю мои подозрѣнія.

Вчера въ вечеру *Милади Вилліамсъ* была увѣдомлена, да я и самъ слышалъ это отъ нее въ маскарадѣ, что Г. Гревиль, которой простясь съ нами въ прошедшій вторникъ, намѣрился, по видимому, на другой день отправиться въ Нортгэмптон-Ширъ, въ самомъ дѣлѣ ни уѣхалъ, ни

намѣрялся ѣхать, и что напротивъ того, онъ рѣшился остаться въ Лондонѣ подъ скрытнымъ видомъ, дабы наблюдать всѣ поступки моей сестрицы. Впрочемъ мы знаемъ, что онъ ей оказалъ свою ревность по причинѣ нѣкоихъ посѣщеній, которыя она, увѣряю васъ, не привлекала, но не могла отказатья чтобъ оныхъ не принять.

Сиръ Гарграфъ Полексфенъ былъ въ маскарадѣ въ арликинскомъ платьѣ. Онъ скоро примѣтилъ любезную нашу сестрицу, и не смотря на то, что не могъ къ своей печали получить отъ нее благосклоннаго одобренія своихъ предложеній, не преминулъ онъ говорить съ нею со всевозможною учтивостію. Встрѣтясь со мною не за долго до моего ухода, спросилъ онъ меня, не узналъ ли я между масками Г. *Гревилья*. Я ему сказалъ, что того не примѣтилъ. Но не примѣтили ли вы, говорилъ онъ мнѣ, человѣка въ маскѣ, съ большею на глаза нахлученною шляпою, въ епанчѣ и съ фонаремъ, которой онъ всякому подставлялъ? Его нашъ милой другъ *Гревиль*. Правду сказать, я много разъ примѣчалъ за сею маскою; но не могъ вспомнить, чтобъ она походила на Г. *Гревилья*; онъ мнѣ казался гораздо выше. Но какъ онъ желаетъ, чтобъ его считали уѣхавшимъ, то и видно, что могъ притворить себѣ ростъ.

Вы знаете, что Г. *Гревиль* человѣкъ предприимчивый. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, какъ самъ объявлялъ, для того только, чтобъ приводить въ замѣшательство всѣхъ, домогающихся пріобрѣсть сердечныя склонности нашей любезной *Миссъ Биронъ*. Онъ видѣлъ двухъ явныхъ ея обожателей. Первое его намѣреніе было провести здѣсь нѣсколько времени, и позабавиться городскими увеселеніями; да и заказать себѣ новые уборы. Но при всемъ томъ вдругъ, хотя и ожидалъ къ себѣ Г. *Фенвича*, умыслилъ насъ увѣрить, что хочетъ ѣхать, и возвращается прямо въ Нортгэмптон-Ширъ, не получа отъ *Миссъ Биронъ* ни малѣйшаго въ свою пользу объясненія. Собравъ всѣ сіи подробности, несумнѣнно почти быть кажется, что Г. *Гревиль* виновникъ сего злаго умысла.

И такъ по симъ освѣдомленіямъ примите всѣ мѣры, кои по благоразумію своему взять расудите. Не возвратился ли Г. *Гревиль* въ вашъ уѣздъ.Г. *Фенвичъ*.... Но знаю ли самъ я, что долженъ вамъ совѣтовать? Всего лучше, чемъ меньше шуму изъ етаго дѣла вывести можно будетъ, покаместъ мы въ чемъ нибудь точно не удостовѣримся. Сколь иного страху наводитъ на меня подобная достовѣрность? Дражайшая *Генриетта*! Но я увѣренъ, что вы почтете за нужное употребить все свое стараніе, дабы скрыть сіе ужасное происшествіе отъ ея бабушки, да и отъ своей сожительницы; однако благорасудные ея совѣты могутъ вамъ быть нужны.

Я разослалъ шесть человѣкъ въ разныя части города, приказавъ имъ всячески навѣдываться о всемъ у носильщиковъ и ямщиковъ. Не лзя думать чтобъ, новой лакей нашъ былъ такой злодѣй... что сказать? что подумать? — мы послали къ его сестрѣ, которая содержитъ трактиръ

въ Смитфильдѣ. Она объ немъ и слухомъ не слыхала. Я велѣлъ сыскать тѣхъ носильщиковъ, кои несли сію дражайшую дѣвицу въ етотъ проклятой маскарадъ. Носильщики *Милады Вилліамсъ*, кои сами на нихъ показали, имъ знакомы, да и номеръ ихъ знаютъ. Они отправляютъ свои службы отъ Сентъ-Жамеса до Берклейсвара. По сему что нибудь спровѣдать можно; они безъ сумнѣнія боятся приходить за своими деньгами, кои они не со всѣмъ еще выслужили; бѣда имъ, ежели узнаемъ, что они плуты!

Мнѣ пришло на мысль нѣкое подозрѣніе на *Сира Гарграфа*, какъ по тому мнѣнію, которое мнѣ одинъ изъ друзей моихъ подалъ о его свойствѣ, такъ и по запальчивости, коей я былъ самовидцемъ, когда *Миссъ Биронъ* отвергла его предложенія. Я посылалъ, къ нему въ Кавендишскваръ провѣдать, домали онъ, и въ которомъ часу прѣбхалъ изъ маскараду. Тамъ отвѣтствовано, что онъ почиваетъ, и не думаютъ чтобъ онъ выѣхалъ со двора до обѣда, потому, что ждетъ къ себѣ гостей, а возвратился онъ, сказано тамъ, не ранѣе пяти часовъ по утру.

Мы не преминули послать также и въ тотъ домъ, гдѣ жилъ *Г. Гревиль*. Онъ оставилъ уже свою квартиру, и его хозяева думаютъ, что онъ уже возвратился въ провинцію. Но онъ можетъ употребить всякія средства, дабы скрыть свои намѣренія. Я былъ весьма увѣренъ, что онъ не говорилъ бы одинакія рѣчи въ двухъ мѣстахъ. Щастливъ онъ, что мы освѣдомились о его отъѣздѣ.

Г. Гревиль долженъ быть виноватымъ. Пожалуйста отпустите немедленно письмо подателя съ тѣми увѣдомленіями, кои вамъ можно будетъ получить о *Г. Гревиль*. Пребываю въ неизреченной печали приверженный къ вамъ

Арчибалдъ Ревсъ.

ПИСЬМО XVI.

Къ Г. Сельби, Г. Ревсу.

Въ Субботу 18 Февраля.

О! *Г. Ревсъ*, о? любезная и несчастная дѣвица! украшеніе всего нашего семейства! Какъ хотите вы, чтобъ не открылъ я сей страшной вѣсти? Какъ могу я утаить свое уныніе? Жена, моя то примѣтила. Она хотѣла знать тому причины. Я не могъ ей рассказать сего гибельнаго приключенія, увы! конечно гибельнаго. Бабушка ея ни минуты отъ того не переживетъ. Мы сколь можно долѣе будемъ его отъ нее скрывать. Но какъ отъ нее скрыть? И такъ точно дражайшая наша сестрица пропала? О! господинъ *Ревсъ*!

Я подалъ ваше письмо моей женѣ, она пришла въ безпамятство, прежде нежели могла его со всѣмъ прочесть. Всегда представляли мнѣ маскарады болѣе сумозбродствомъ, чемъ развратностію, теперь я увѣренъ, что они составляютъ самое отвратительное изъ всѣхъ увеселеніе.

Вы внѣ себя, сударь, да и не безъ причины. Ктобъ изъ нихъ могъ сохранить умѣренность? Дражайшая сестрица! Чего она, можетъ стать, не перенесла? Но должныль мы были позволить, чтобъ она отъ насъ удалялась? Вы, сударь, не хотѣли, чтобъ вамъ отказали; вы съ упорствомъ желали привезть ее въ сей гибельный городъ.

Какой презрительной своеволецъ, я увѣренъ..... Но это не *Гревиль*. Видѣли здѣсь у насъ, что онъ вчера въ вечеру сходилъ съ почтовой коляски, съ нимъ никого не было. Съ полчаса спустя, хотя было и очень поздно, онъ прислалъ къ намъ человѣка засвидѣтельствовать почтеніе, отъ себя и отъ нашей любезной *Генриетты*, увѣряя насъ, что оставилъ ее въ добромъ здоровьѣ, я въ большемъ щастіи, велѣлъ онъ намъ сказать по своему стилю, нежели въ расположеніи составить кому-либо щастіе. Ему не безъизвѣстно, что наша жизнь соединена съ ея жизнію.

Найдите ее, сударь. Возвратите ее намъ спокойно и въ добромъ здравіи, а безъ того не простимъ тѣмъ, кои были причиною ея отъ насъ отъѣзда. Дражайшая племянница, она позволила себя убѣдить. Она никакъ не хотѣла ѣхать въ Лондонъ. Какая скромная, какая ласковая дѣвица! увы! чему можетъ быть она теперь не подвержена! Велите ее искать повсюду. Но вы ничего не пожалѣете, мы въ томъ не сумнѣваемся. Никто не долженъ быть изъятъ отъ вашихъ подозрѣній. Сія *Миладя Вилліамсъ*..... Такой умыселъ не можетъ быть совершенъ безъ соучастія женщины. Не была ли она пріятельница *Сиру Гарграфу*? *Сиръ Гарграфъ*! это не можетъ быть *Гревиль*. Хотябъ мы и не имѣли тѣхъ доказательствъ, кои я вамъ представилъ, но *Г. Гревиль*, какъ ни злобенъ, не можетъ покуситься на столь злое дѣло.

Какіябъ вы ни получили вѣсти, хорошія или худыя, но не жалѣйте ничего, а доставте оныя намъ въ непродолжительномъ времени.

Гревиль въ сіе самое время, былъ у насъ. Мы не могли его видѣть. Мы ничего ему не объявили; онъ поѣхалъ въ великомъ изумленіи услыша отъ одного изъ нашихъ людей, что мы получили весьма худыя вѣсти, для коихъ не можемъ мы ни съ кѣмъ видѣться. Они не могли его лучше увѣдомить. Но видя насъ въ печали и смотря на нашу ливрею догадываются они, что приключилось какое нибудь нещастіе ихъ молодой госпожѣ. Они всѣ въ слезахъ. Они примѣчаютъ наши лица, служа намъ съ любопытствомъ, хотя нѣмымъ, но печальнымъ и чего-то желающимъ. Мы при нихъ не говоримъ ни слова, и объясняемъ имъ только одними знаками, чего отъ нихъ требуемъ.

Боже мой ! по толь многихъ щастливыхъ годахъ! Благополучны были и мы сами! Но видимъ себя въ толь краткое время послѣдними изъ

смертныхъ! чегобъ и не случилось, если бы..... Но не будемъ о томъ говорить болѣе. О Боже мой! что будетъ съ несчастною ея бабушкою? *Люція* и *Ненси* лишатся разума! но не будемъ о томъ говорить. Пишите къ намъ немедленно, и простите моему смущенію, которое въ семь писъмъ усмотрите. Я самъ не знаю, что писалъ; но пребываю истинно къ вамъ приверженный.

Георгій Сельби.

ПИСЬМО XVII.

Г. Ревсъ къ Г. Сельби.

Служители *Милади Вилліамсъ* сыскали носильщиковъ нашей любезной сестрицы. Эти два плутяги признаются, что были мертво пьяны. Они увѣряютъ, что въ ихъ питье что нибудь было примѣшано; но ихъ розыски, чтобъ сыскать тѣхъ, кои ихъ подманили къ питью, доселѣ были безуспѣшны; это были два лакея, коихъ ливрею они показывали, и назвали по имени ихъ господина, и улицу, гдѣ онъ живетъ. Мы ни ливреи етой ни имени господина не знаемъ. И такъ сіе увѣдомленіе не больше насъ извѣститъ можетъ о нашей утратѣ. Все кажется совершенно темно. Сіи два человекъ, говорятъ они, намѣрялись твердо сыскать тѣхъ лакеевъ, кои ихъ провели; хотябъ они были подъ землею, да и тѣхъ носильщиковъ, коихъ вмѣсто ихъ нанимали.

Въ каждую минуту приходятъ къ намъ съ разными вѣстями; но мы ничего еще утѣшительнаго не получили. Для сей причины остаюсь я дома. О! дражайшій другъ, я не знаю, куда мнѣ идти, и что предпріять? Я отсылаю своихъ людей въ тоже самое время, когда они приходятъ, но съ меньшимъ упованіемъ, нежели отчаяніемъ. Вѣрьте, что это злодѣйство *Гревилево*. Хотя мой нарочной теперь только ѣдетъ; но я ожидаю уже его возвращенія съ чрезвычайною нетерпѣливостію.

Я при всякомъ случаѣ буду къ вамъ писать все что мнѣ ни представится, чтобъ у меня всегда было письмо готово, и чтобъ отправить оное въ вамъ, какъ скоро получимъ о всемъ вѣрное извѣстіе. Однако отъ васъ однихъ ожидаю я рѣшительнаго моимъ розыскамъ удовлетворенія.

Мы опять начинаемъ подозрѣвать етого лакея *Вильсона*, которой только что три дни у насъ служилъ. Еслибъ онъ не вмѣшанъ былъ въ сіе дѣло; то мы что бы нибудь о немъ и о нанятыхъ имъ носильщикахъ могли услышать. Онъ бы пришелъ домой. Меня никакъ не увѣрятъ, чтобъ всѣ они трое были похищены или убиты.

Проклятой маскарадъ! никогда, никогда..... О! Государь мой! лакей *Миссъ Вильсонъ* долженъ быть человекъ безчестный и плутъ. *Салли*, (ибо моя хозяйка такъ нездорова, что ни чемъ заняться не можетъ:) *Салли*,

горнишная нашей любезной сестрицы, вздумала открыть сундукъ сего плута. Сломали у него замокъ; а тамъ и всего-то имѣнія не было на десять копѣекъ. Мошенникъ же за день предъ тѣмъ только что и говорилъ о своемъ бѣльѣ и платьяхъ. То-то сущій плутъ! всѣ въ домѣ его любили, да и самой нашей сестрицѣ онъ понравился. Онъ зналъ все, и извѣстенъ былъ о всѣхъ людяхъ. Пропади его знаніе и искусство! Мы всѣ свои старанія прилагали сыскать ей отмѣнно добраго служителя.

Въ 11 часовъ.

Я теперь пріѣхалъ изъ Смитфильда. Я видѣлся съ сестрою етаго плута. Точно онъ мошенникъ, я не боюсь его сказать. Я говорю о *Вильсонъ*; это давнишній плутъ. Я спрашивалъ у етой женщины, куда онъ дѣвался, а она при нѣкоторыхъ моихъ вопросахъ покачала головою. Она боится, говорила она, что не все у насъ благополучно; но она увѣрена, что ея братъ не способенъ къ воровству. То, что онъ сдѣлалъ, сказалъ я, въ тысячу разъ хуже воровства. Она желала, чтобъ я объяснилъ все дѣло. Я ей рассказалъ, что надобно.

Она мнѣ отвѣчала, что братъ ея человекъ молодой, разумной и съ дарованіями, которой конечно ищетъ случая честнымъ образомъ проводить свою жизнь; а весьма было худо, что онъ служилъ такимъ господамъ, кои своихъ служителей приводили къ худымъ дѣламъ. Я у нее спросилъ, какого свойства былъ *Багенгаль*, у котораго ея братъ служилъ; но тутъ по неосторожности сдѣлалъ ей нѣсколько угрозъ, кои ее конечно устрашили; ибо когда я началъ опять говорить о *Багенгаль*, то она мнѣ божилась, что она ни какого не дастъ мнѣ отвѣта, покуда не увѣрится, что жизнь ея брата не въ опасности. Я увѣрялъ ее, что о жизни ея брата беру стараніе на себя, лишь бы она мнѣ его сыскала, прежде нежели случится что нибудь худое съ его госпожею, и спрашивалъ у нее, куда послать должно. Она мнѣ сказала, что ничего о немъ не знаетъ. и я не могъ больше ни слова отъ нее добиться. Представьте мое изумленіе. Я предлагалъ ей нарочитую сумму денегъ, естли только мнѣ скажетъ, что она знаетъ о *Багенгаль* и о тѣхъ, кой въ какія либо дѣла употребляли ея брата. Она клялась, что ничего не скажетъ, не узнавъ прежде, не въ опасности ли жизнь ея брата находится. Что дѣлать, когда сей разговоръ происходилъ между нами безъ свидѣтелей.

Я немедленно возвратился домой, желая освѣдомиться что произошло тамъ въ мою отлучку; но я скоро увижусь опять съ етою женщиною, и приведу съ собою двухъ пріятелей, въ той надеждѣ, что она что нибудь такое скажетъ, изъ чего мы можемъ получить пользу. Но во всѣ такія мѣдленности: что-то не претерпѣваетъ любезная наша сестрица. Я не могу сокрыть собственныхъ своихъ опасеній. *Милади Вилліамсъ* находится въ чрезвычайномъ уныніи. Я отправилъ одного

человѣка верхомъ къ моему пріятелю, живущему въ Ридингѣ, дабы лучше освѣдомиться о свойствѣ сего *Багенгала*, Богъ знаетъ, какую изъ того получу пользу. *Кавалеръ Аллестрисъ* увѣряетъ насъ, что ему сіе имя незнакомо; что онъ почитаетъ *Багенгала* человѣкомъ преданнымъ веселостямъ.... Но, что сказать о *Вильсонѣ*? Етогъ шутъ нее могъ жить, такъ какъ у насъ говорить осмѣливался, съ такимъ господиномъ, которой излишне поздно оставляетъ свои забавы, и которой ведетъ разстроенную жизнь. О хитрой плутъ!

Въ часъ по полудни.

Люди госпожи *Вилліамсъ* признали и привели къ намъ одного изъ тѣхъ носильщиковъ, коихъ нанималъ *Вильсонъ*. Я съ начала велѣлъ его задержать. Однако онъ кажется остроумень. Я ему сказалъ, что еслии онъ не виненъ, то долженъ болѣе ожидать награжденія, чемъ наказанія; а по тому обѣщанію люди *Гжи Вилліамсъ* пошли искать другаго, которой кажется отъ страху скрывается, но онъ конечно придетъ, еслии также невиноватъ, хотябъ и для того только, чтобъ выправить своего товарища другимъ свидѣтельствомъ.

Въ два часа по полудни.

Вы должны быть чрезвычайно нетерпѣливы. Но мнѣ нужно было нѣсколько времени, дабы оправиться отъ смущенія, прежде нежели расскажу вамъ странное сіе происшествіе. О! любезная, дражайшая *Миссъ Биронъ*!

Тотъ носильщикъ, которой задержанъ у меня, называется *Макферсонъ*, а товарищъ его *Дермотъ*. *Вильсонъ* ихъ нанялъ отнести одну молодую госпожу въ *Падингтонъ* (*). Въ *Падингтонъ*! О плутъ!

(* *Падингтонъ* есть деревня отстоящая отъ Лондона на цѣлую милю.

Они было отговорились за дальностію и для опасности, но по признанію *Макферсонову*, для того, чтобъ взять за труды подорожѣ. Что касается до опасности, говорилъ имъ *Вильсонъ*, то вышедъ изъ города, сойдется онъ съ тремя своими товарищами, хорошо вооруженными. А за дальность обѣщаль имъ щедрую заплату, и каждому изъ нихъ дано по червонцу. При семъ не преминулъ онъ поподчивать ихъ въ близъ случившемся питейномъ домѣ, и тамъ, желая видно предупредить ихъ любопытство, онъ имъ говорилъ, что его госпожа есть молодая и богатая наслѣдница, и что бывъ теперь въ маскарадѣ, согласилась бѣжать съ своимъ любовникомъ: но что етого дворянина увидятъ они въ томъ домѣ, къ которому они должны ее принести; что она хотѣла правда прямо

прибыть въ церковь, и что не смотря на позднее время ожидалъ бы ее тамъ священникъ; но что дворянинъ, столь же уважая свою честь, какъ и обязательства свои, хочетъ прежде извѣдать, не получить ли согласія отъ ея фамиліи; что по сему, примѣчая дальность дороги, она будетъ казаться пугающеюся, и станетъ предлагать разные вопросы; что онъ ни за что въ свѣтѣ не можетъ ей причинить ни малѣйшей печали; но что ему приказано нѣсколько ее обмануть, къ собственной ея пользѣ, и что по благоуспѣшномъ окончаніи намѣренія, она его благосклонно извинить за сей невинной обманъ; и слѣдовательно, какіябъ она имъ приказы не давала; но они должны повиноваться только тому, что онъ имъ говорить будетъ; что они за то получаютъ награжденіе сверхъ своего чаянія, и что на конецъ не должны они смотрѣть и на самой ея крикъ; ибо она вся будетъ въ страхѣ, въ непрестанной нерѣшимости, которая единымъ успѣшнымъ окончаніемъ всего дѣла опровержена быть можетъ.

Предосторожности етаго скарднаго измѣнника простирались еще далѣе; ибо онъ такъ предувѣдомилъ чтобъ ни слова не отвѣчали на вопросы, кои сопровождавшіе въ своихъ носилкахъ его молодую госпожу имъ предлагать будутъ, и чтобъ въ томъ положились на него. Онъ прибавилъ, что естли примѣтятъ другія носилки; то ни мало бы назади ихъ не оставались и вѣрно бы слѣдовали за его факеломъ.

Макферсонъ сказываетъ, что въ то самое время, какъ я оставилъ ее въ носилкахъ, она нарочно, задернула занавѣсы, конечно для того, чтобъ скрыть свое маскарадное платье.

Носильщики, получивъ такія наставленія, пошли тотчасъ въ путь, не дождавшись трехъ нашихъ носилокъ. Однако сія любезная дѣвица должна была разслышать тотъ приказъ, которой я имъ далъ. Они прошли уже много пути, прежде нежели, казалось, она то примѣтила; тогда она имъ раза съ три что-то говорила, но они казалось ее не слышали. Однако въ третій разъ они остановились, и лакей тотчасъ подошелъ для принятія отъ нее приказовъ. Гдѣ я, *Вильсонъ*? спросила она. Онъ отвѣчалъ, что одинъ только шагъ остался до дому. Мнѣ кажется, сказала она, что мы дали очень большой кругъ; а мошенникъ отвѣчалъ ей, что ето было необходимо, дабы миновать толпу народа, и выдти изъ тѣсноты отъ каретъ и носилокъ.

Носильщики пошли опять въ путь, я вскорѣ увидѣли, какъ *Вильсонъ* имъ напередъ сказывалъ, что къ нимъ пристали трое мущинъ, изъ коихъ одного сочли за господина, потому что былъ въ епанчѣ, которою укрывалъ свое лице, и держалъ въ рукѣ весьма богатую шпагу, но не говорилъ ни слова. Онъ не давалъ ни одного приказу, а шелъ съ прочими двумя мущинами за носилками, дабы не усмотрѣла его наша *Генріетта*.

Въ Марибоннѣ (*) она еще имъ говорила съ великимъ безпокойствіемъ; Боже мой! куда меня несуть? Носильщики,

остановитесь. *Вильсонъ*? Позовите моего лакея, носильщики. Они его позвали: они открыли дверцы; но *Дермотъ* сталъ къ ней такъ близко, что она далеко видѣть не могла. *Вильсонъ* подошедъ къ нимъ говорилъ: что право такъ медлѣнно? Не говорили ли вы мнѣ, что мы уже скоро придемъ въ нашу улицу? Видите, въ какое безпокойство приводите вы мою госпожу. Мы, *Сударыня*, скоро придемъ домой. Они продолжали свой путь, признавшись что ошиблись въ дорогѣ, и оба притворяясь, будто вдругъ вспомнили.... Тогда она отдернула занавѣсы, и въ сіе самое время они слышали, что она говорила: Боже! защити меня. О! Боже, не среди ли полей я теперь нахожуся? Они тогда были между *Марибоною* и *Падингтономъ*. *Макферсонъ* говоритъ, что услыша ея прибѣгающую къ Богу, подумалъ, что она такъ богобоязлива и робка, что не могла вступить въ подобные любовные замыслы, однако, понуждаемы будучи проклятымъ своимъ путеводителемъ, удвоили они свои шаги. Тогда она испустила крикъ, и въ движеніи своемъ, которое на обѣ стороны сдѣлала, усмотря одного изъ трехъ мущинъ, просила у него именемъ Божіи въ вспоможенія. Сей скаредъ грубо говорилъ съ носильщиками, и приказалъ имъ остановиться: она спросила, гдѣ *Гросвенорскваръ*? (**) въ *Гросвенорскваръ*, сказала она, должно ее нести. Такъ, *Сударыня*, отвѣчалъ мущина, вы сію минуту тамъ будете. Ето невозможное дѣло, возразила она. Не вижу ли я округъ себя однихъ полей? Я теперь нахожусь въ поляхъ. Ето *Гросвенорскваръ*, сказано ей. Вы видите деревья и садъ *Гросвенорсквара*. Какою чудною дорогою вы насъ вели, кричалъ *Вильсонъ* носильщикамъ, и вдругъ ногами своими погасилъ факель, между темъ, какъ другой взявъ фонарь у носильщиковъ, оставилъ имъ только слабой свѣтъ звѣздъ, по коему могли они продолжать путь. Тогда несчастная *Биронъ* подняла столь жалостной крикъ, что *Макферсонъ* тронуть былъ, какъ самъ сказывалъ, до глубины своего сердца. Однако при всей своей жалости онъ слѣдовалъ за *Вильсономъ*, которой поздравлялъ себя что достигъ до своего пристанища, вотъ его настоящія слова, и которой велъ его проселочною дорогою вдоль стѣнъ какого-то сада. Одинъ изъ трехъ мущинъ пошедъ напередъ, отперъ не мѣшка заднюю калитку и держалъ ее. Носилки туда были пронесены, и между тѣмъ какъ они шли черезъ садъ до дому, къ коему онъ казалось принадлежалъ, то нашей несчастной *Генриетты* не стало быть слышно.

(*) Деревня между Лондономъ и Падингтономъ.

(**) Прекрасное мѣсто въ Лондонѣ, у коего въ срединѣ есть садъ.

Но вскорѣ узнали тому причину; носильщики остановились. Ее, нашли въ безпамятствѣ. Двѣ женщины, призванные мущиною, которой былъ въ епанчѣ, пришли къ ней на помощь, оказывая ей знаки великой нѣжности. Онѣ проговорили нѣчто удивляясь ея красотѣ, съ довольно

ясными признаками корыстолюбія; какъ будтобъ опасались, что ничего не могутъ надѣяться за своя старанія. Мущина одѣтый епанчею казался смущенъ. *Вильсонъ* вошелъ въ домъ съ тѣми, кои перенесли туда сію любезную дѣвицу; но скоро опять возвратился къ носильщикамъ кои видѣли, что мущина въ епанчѣ весьма много его ласкалъ и благодарилъ. Онъ каждому изъ нихъ сунулъ въ руку по гвинеѣ, и проводя ихъ до крайней садовой калитки, не хотѣлъ зажечь свѣчи въ ихъ фонарѣ; но далъ имъ для сопровожденія одного человѣка, которой повелъ ихъ по грязнымъ и не ровнымъ закоулкамъ, чтобъ привести ихъ къ тропинкѣ, ведущей къ Лондону. Ясно видно, что въ семъ не инное было намѣреніе, какъ то, чтобъ имъ трудно было сыскать опять ту дорогу.

Къ намъ привели и другаго носильщика. Онъ точно тоже сказываетъ. Я спросилъ у нихъ обѣихъ, какого виду думаютъ они, есть тотъ мущина, которой былъ въ епанчѣ; но онъ такъ старался скрывать, какъ на улицѣ, такъ и дома, а они столь мало случая имѣли его примѣтить, что я не могъ получить о немъ многого свѣденія по ихъ описанію. По ихъ собственнымъ предложеніямъ я разсудилъ за благо, чтобъ они возвратились въ тоже самое мѣсто съ носильщиками *Гжи. Вилліамсъ*, дабы какъ нибудь постараться признать ту дорогу. Съ какою горячностію не употребляемъ мы и самыя слабыя средства, когда ничего достовѣрнѣйшаго намъ ни представляется?

Я хотѣлъ отъ *Гжи. Вилліамсъ* провѣдать, отъ кого она узнала, что *Г. Гревиль* не выѣхалъ изъ Лондона, и намѣрился въ немъ скрытно остаться. Она мнѣ наименовала нѣкую *Гжу. Брестонъ*, живущую въ *Бундстритъ* (*) не могли мнѣ сказать, знаетъ ли сія женщина *Г. Гревилья*. Я не медля поѣхалъ въ *Бундстритъ*: *Гжа. Брестонъ* сказала мнѣ, что она сію вѣсть слышала отъ *Сира Гарграфа Поллексфена*, которой о *Г. Гревиль* говорилъ съ такой запальчивостію, чтобъ онъ слѣдствій оной поопасся; а сіе то самое наиболѣе побудило ее увѣдомишь о семъ *Гжу. Вилліамсъ*, для предупрежденія оныхъ.

(*) *Бундстритъ*, улица въ Лондонѣ.

Теперь, Государь мой, когда приведемъ себѣ на память ту маску, которая ходила съ потаеннымъ фонаремъ (увѣдомленіе, полученное нами отъ *Сира Гарграфа*; ибо сами мы не видали етой маски:) и намѣреніе *Г. Гревилья*, которой увѣрялъ насъ о своемъ отъѣздѣ; то можетъ ли остаться какое сумнѣніе..... Однако отъ *Сира Гарграфа* мы получили сіе извѣстіе; и не вѣроятн ли, что *Г. Гревиль* скрылъ отъ него свой отъѣздъ съ такимъ же стараніемъ, какъ и отъ насъ? Я поѣду немедленно къ *Сиру Гарграфу*. Онъ долженъ нынѣ обѣдать у себя; онъ ждалъ къ себѣ гостей; если же я не могу съ нимъ увидѣться; если его не будетъ дома.... Но оставимъ догадки до моего возвращенія.

О! любезный *Сельби*. Я начинаю думать, что несправедливо осуждалъ *Г. Гревилья*. Я страшусь, чтобъ наша любезная свойственница не впала въ руки несравненно худшія его рукъ. *Сира Гарграфа* нѣтъ дома; онъ дома; у него гости; не лзя съ нимъ теперь говорить. Таковы суть разные отвѣты, кои я получилъ отъ его служителя. Я примѣтилъ въ семь человѣкѣ столько же смущенія, сколько онъ могъ во мнѣ видѣть нетерпѣливости. Но я легко могъ догадаться, что онъ былъ наученъ. Однимъ словомъ, я имѣю сильныя причины думать, что *Сиръ Гарграфъ* во всю ночь домой не возвращался. Мужчина въ епанчѣ не иной кто быть можетъ, какъ онъ. Все что ни говорилъ намъ *Аллестрисъ* о его злости и о нагомъ его поступкѣ съ любезною нашею *Миссъ Биронъ*, когда она отвергла его предложеніе, весьма ясно представляется мнѣ на память, Боже мой! Не ужели впала она въ руки такого человѣка! Ахъ! по что не могу я остаться при первомъ моемъ сумнѣніи? *Гревиль* какъ ни опасенъ, но кажется мнѣ честнѣе; по крайней мѣрѣ имѣетъ онъ гораздо лучшія свойства. Онъ бы не инныя имѣлъ намѣренія, какъ совокупиться съ нею бракомъ; но другой, если ето онъ..... Я не могу, и не смѣю принять такой мысли.

Четыре носильщика къ намъ возвратились. Они думаютъ, что открыли татское оное убѣжище. Но получа тамъ нѣкія освѣдомленія, кои меня еще болѣе стали мучить, поспѣшали они обратно къ намъ, для принятія новыхъ приказовъ.

Зашедъ въ первой питейной домъ, они навѣдывались, не знаютъ ли, гдѣ лежитъ длинной садъ съ заднею калиткою, изъ которой путь идетъ въ весьма грязной переулочъ и въ поля. Имъ отвѣтствовано, что то совершенно знаютъ, и что домъ, къ коему сей садъ принадлежитъ, стоитъ на большой дорогѣ. Они спросили себѣ напитоковъ, и продолжая свой разговоръ съ хозяиномъ, вывѣдали отъ него, что въ етомъ домѣ, почти съ годъ живутъ весьма добрые и честные люди; что сію семью составляетъ вдова, называемая *Оберри*, съ сыномъ и двумя дочерьми; что сынъ ея около тридцати лѣтъ, и опредѣленъ при биржѣ, откуда пріѣзжаетъ къ нимъ только по субботамъ въ вечеру, а въ понедѣльникъ по утру опять туда возвращается. Но, сказалъ имъ поднощикъ прервавъ свою рѣчь, нынчѣ ночью случилось очень чудное происшествіе, и привело меня въ великое безпокойство.

Прежде онъ было не соглашался ихъ о томъ увѣдомить, потому что, какъ онъ говорилъ, не любитъ мѣшаться въ чужія дѣла. Но наконецъ рассказалъ имъ, что почти въ шесть часовъ утра онъ былъ разбуженъ шумомъ и выглянувъ изъ окна увидѣлъ у воротъ *Гжи. Оберри* карету, заложенную шестернею, да трехъ или четырехъ конныхъ людей; что онъ одѣвшись, отперъ свои ворота; но кучера и лакеи такъ были осторожны, что не придвинулись къ его дому, рѣдкая вещь, говорилъ онъ, для ливрейныхъ слугъ, но она послужила къ большому его любопытству, что

въ семь часовъ вышла къ воротамъ одна изъ дочерей вдовы *Оберри* со свѣчею, и сказала кучеру, чтобъ онъ поставилъ свою карету какъ можно ближѣ къ дому, что минуты съ три потомъ увидѣлъ онъ у воротъ мужчину въ богатомъ плащѣ, обшитомъ гасами, которой держалъ въ рукахъ другую особу, средняго роста, завернутую красною епанчею, что сія особа противилась, и видно чувствуя великую боль, что ее насильно хотѣли посадить въ карету, просила милости такимъ голосомъ, по коему призналъ онъ ее женщиною; что мужчина съ великимъ жаромъ изъяснялъ ей свою любовь, и свидѣтельствовался своею честностію; но что не взирая на усилія той госпожи, которая казалась въ чрезвычайномъ уныніи, онъ поднявъ ее посадилъ въ карету; когда же и самъ за нею туда сѣлъ, то она подняла громкой крикъ, прося о помощи; что потомъ голосъ ея становился глушѣ, какъ будто бы ротъ у нее зажать былъ платкомъ, и что мужчина началъ тогда говорить гораздо громчѣ, и такимъ голосомъ, который походилъ на угрозы; что карета поѣхала очень скоро, а конные поскакали за нею. Между тѣмъ какъ госпожа усилилась супротивляться мужчинѣ, поднощикъ примѣтилъ изъ подъ ея епанчи, что она была очень богато одѣта. Съ полчаса потомъ увидѣлъ онъ другую карету, заложенную четвернею, въ которую сѣла вдова съ двумя своими дочерьми, и поѣхала по тойже дорогѣ, какъ и первые. По ихъ отѣздѣ, спрашивалъ онъ изъ любопытства служанку того дома, которая была дѣвка простая и грубая, куда бы такъ рано ея госпожи выѣхали; она отвѣчала, что они поѣхали въ Виндзоръ, или въ провинцію, и что она чрезъ недѣлю ожидаетъ ихъ возвращенія.

О проклятой *Гарграфъ!* у него есть помѣстья не далеко отъ Виндзорскаго лѣса. Я уже не сумнѣваюсь, чтобъ не онъ былъ виновникомъ сего мерзкаго злодѣйства. Кто знаетъ, что уже можетъ быть ни претерпѣла сія дражайшая дѣвица, прежде нежели увезли ее въ каретѣ? О Боже! подкрѣпи мое терпѣніе. Нещастная *Генріетта!* Я представляю себѣ ея прозѣбы, слезы и заглушаемыя ея крики! О подлой *Гарграфъ!*

Я уже собралъ столько людей и лошадей, сколько мнѣ два мои друга промыслить могли. Всѣхъ насъ будетъ десятеро, считая двухъ моихъ лакеевъ со мною. Я буду гнаться за злодѣемъ на самой край свѣта; но столь далеко мы не поѣдемъ для его исканія. Прежде всего полѣтимъ мы къ нему въ домъ, находящійся у Виндзора. Если его тамъ мы не найдемъ, то обратимся въ Ридингъ къ *Багенгалю*. Коли ѣхать въ Падингтонъ, то только время напрасно потеряемъ; етой плутовки вдовы и ея дочерей тамъ нѣтъ, а увидимъ только служанку, почти ничего о томъ не знающую: и отъ которой не услышимъ больше того, что уже намъ извѣстно. Однако я согласился на предложеніе госпожи *Вилліамсъ*, которая хочетъ туда отправить своего метрдотеля съ двумя носильщиками, для доставленія намъ всѣхъ тѣхъ объясненій, кои мнѣ по

возращеніи будутъ нужны. Завтра въ четыре часа по утру, шестеро человекъ, коихъ мнѣ даютъ, и самъ я съ двумя своими служителями хорошо вооруженными, должны съѣхаться на углу Ей де-Парка. Мучительно для насъ провести еще ночь въ такомъ движеніи. Жена мнѣ объщаетъ употребить власть правосудія, въ какомъ бы мѣстѣ я ни нашелъ злодѣя или страждущую нашу сродницу. Мы раздѣлимся и поѣдемъ по двумъ дорогамъ; станемъ на каждомъ проходѣ спрашивать, и согласимся о мѣстѣ вашего съѣзда. Я въ смертельномъ уныніи; но душа моя паче всего страдаетъ.

О дражайшій *Сельби*! Мы имѣемъ уже извѣстія. Благодарю, тебя, Боже мой! Мы получили теперь вѣсти правда не столь благополучныя, сколькобъ того желали; но ваша любезная, ваша дражайшая племянница жива. Она жива и находится у честныхъ людей. Прочтите письмо, которое къ вамъ отсылаю, и которое ко мнѣ было надписано.

17 Февраля.

Государь мой!

Миссъ Биронъ находится въ безопасности у честныхъ людей, въ первую минуту, когда могла она располагать сама собою, просила она меня успокоить сердце ваше симъ увѣдомленіемъ.

Она перенесла жестокія поступки, о коихъ еще не въ силахъ подробно васъ увѣдомить. Мы видѣли ее неоднократно въ безпамятствѣ, и такое изнеможеніе по цѣлымъ часамъ продолжалось; но не страшитесь того надмѣру. Ея обмороки, хотя и такъ же часто случаются, но становятся гораздо менѣе опасны.

Нарочной скажетъ вамъ, кто таковъ мой братъ, коему вы обязаны сохраненіемъ любви достойнѣйшей во всей Англіи особы. Ему приказано служишь вамъ путеводителемъ, естли вы съ своею супругою окажете намъ честь, и посѣтите насъ въ такомъ домѣ, въ коемъ будете приняты съ совершеннымъ уваженіемъ; ибо *Миссъ Биронъ* такъ слаба, что перенести ее не можно. Вы собственными своими глазами, государь мой, увѣритесь, что о ней всевозможное стараніе прилагаетъ ваша покорнѣйшая служница

Шарлота Грандиссонъ.

Жестокія поступки! безпамятства! обмороки цѣлымъ часамъ продолжающіеся! по слабости не можетъ быть перенесена! и первая ея забота въ такомъ изнеможеніи есть успокоеніе ея друзей! О любезная, дражайшая *Генриетта*! Но станемъ радоваться, любезный братецъ, что нашли ее въ честномъ домѣ. Нарочной ждетъ моего отвѣта. Я не имѣю

времени списать вамъ съ него копию, и долженъ еще писать къ двумъ моимъ пріятелямъ, для увѣдомленія, что ихъ люди мнѣ теперь не надобны.

Миссъ Биронъ въ замкѣ у Графа Л.... Не далеко отъ Колнеброка.

Жена моя, какъ ни слаба отъ того, что по сему несчастію претерпѣла, но хотѣла ѣхать со мною; однако лучше ѣхать мнѣ, дабы прежде удостовѣриться о состояніи вашей любезной племянницы. Завтра на разсвѣтѣ поѣду я къ ней верхомъ. Лакей мой возьметъ съ собою чемоданъ, въ которой моя жена положила все нужное сему полу. *Миссъ Биронъ* въ маскарадномъ платьѣ должна была весьма странною показаться своему избавителю.

Нарочной, подавшій мнѣ письмо не могъ меня много о всемъ увѣдомить; но вотъ въ короткихъ словахъ все, что я отъ него спровѣдалъ. Господинъ его есть *Кавалеръ Карлъ Грандиссонъ*, возвратившійся недавно изъ чужихъ краевъ. Я часто слышалъ ея отцѣ, *Кавалеръ Томасъ Грандиссонъ*, скончавшемся за нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ: честной нарочной не могъ нахвалиться своимъ добрымъ господиномъ; много также хвалилъ онъ *Миссъ Шарлотту Грандиссонъ*, его сестру.

Онъ мнѣ сказалъ, что *Сиръ Карлъ Грандиссонъ*, поѣхавъ шестернею изъ Лондона, по щастію встрѣтился съ бѣдною нашею *Генриеттою*. *Сиръ Гарграфъ* есть сей злодѣй. Я сердечно жалѣю, что подозрѣвалъ Г. *Гревиля*. *Сиръ Карлъ Грандиссонъ* ѣздилъ въ Лондонъ за своими дѣлами, и продолжалъ свой путь, освобождая нашу дражайшую сродницу и поручая ея попеченіямъ своей сестры. О Боже! Благословляй его навсегда своими щедротами.

Сей подлый *Гарграфъ*, сколько нарочной могъ узнать, опасно раненъ! *Сиръ Карлъ* также получилъ рану, но слава Богу! столь легкую, что такой припадокъ не помѣшалъ ему продолжать своего пути по толь славномъ дѣяніи. Я хотѣлъ было дать хорошее награжденіе нарочному; но онъ упорно отъ того отговаривался, говоря въ извиненіе, что служить у самаго великодушнаго господина, такъ что я принужденъ былъ отпустить его безо всего.

Я сіе письмо отсылаю къ вамъ съ нарочнымъ. Прочія обстоятельства получите вы чрезъ почту, и я ласкаюсь, что ничего несчастнаго вамъ объявлять не буду. Но простите смущенію видимому изъ сего моего письма по нестройной смѣси разныхъ случаевъ, каковы были по необходимости въ толь страшномъ для насъ недоумѣніи. Пребываю вашъ искренній

Арчибалдъ Ревсъ.

ПИСЬМО XVIII.

Г. Ревсъ къ Г. Сельби.

Въ Субботу, 18 Февраля.

Не надлежитъ ни на минуту отлагать вашу нетерпѣливость. Я пріѣхалъ къ нимъ въ домъ. Вы ожидаете отъ меня и самомалѣйшихъ обстоятельствъ столь смутнаго для насъ произшествія, и всего того, что принадлежитъ до нашего покровителя и его фамиліи. Англія ничего не имѣетъ въ себѣ сравнительнаго съ *Сиромъ Карломъ Грандиссономъ* и его сестрою.

Въ девять часовъ утра постучался я у воротъ замка. Я спросилъ о *Миссъ Биронъ*; и по моему имени, которое казалось тамъ предугадывали приведенъ я былъ въ весьма богатую залу, гдѣ пробывъ недолго увидѣлъ вошедшую ко мнѣ молодую прелѣстную особу. Это была *Миссъ Грандиссонъ*. Я тысячекратно ее благодарилъ за ея письмо и за пріятнѣйшія увѣдомленія, поданныя намъ отъ нее о жизни и безопасности той особы, которая намъ всего на свѣтѣ дорожѣ. Она мнѣ отвѣчала, что *Миссъ Биронъ* должна быть прелѣстная дѣвица; что она теперь лишь отъ нее вышла, но что я не могу еще съ нимъ видѣться. Ахъ! Сударыня, возразилъ я съ такимъ же изумленіемъ, какъ и скорбію; я ласкался, что найду ее въ лучшемъ состояніи. Да ей и не хуже, прервала *Миссъ Грандиссонъ*, не безпокойтесь; ей нуженъ покой. Естьлибъ ея несчастіе продлилось долѣе.... Ахъ! Сударыня, прервалъ я, вашъ великодушный и благородный братецъ!... есть лучшій изъ всѣхъ мужчинъ, продолжала она, прервавъ также мою рѣчь. Всѣ его утѣхи, государь мой, состоятъ въ благотвореніяхъ другимъ. Я увѣрена, что сіе произшествіе сдѣлало его счастливымъ человѣкомъ.

Я спросилъ, не ужели моя сестрица такъ слаба, что я не могу и на минуту ее видѣть. *Миссъ Грандиссонъ* мнѣ сказала, что она теперь лишь почувствовала отъ обморока, въ которой пришла въ то время, какъ хотѣла рассказывать свое приключеніе и когда произнесла имя того изверга, которой нанесъ ей такія прискорбія; что по два дни она не могла точно рассказать всего произшествія, безъ чего мы бы лучше чрезъ нарочнаго о ней увѣдомлены были: что если я съ нею увижусь; то долженъ весьма быть остороженъ въ своихъ рѣчахъ, что они призвали искуснаго врача, которой ни на минуту отъ нее не отходить, и которой паче всего приказываетъ оставлять ее въ покоѣ, и что когда она нѣсколько успокоится естественнымъ сномъ, то увѣряетъ, что она будетъ внѣ опасности. Я вижу вашу нетерпѣливость, присовокупила она; но надобно дать ей время оправиться. Я тогда ее увѣдомлю о вашемъ пріѣздѣ, и мы вмѣстѣ съ нею свидимся.

Я оказалъ великое любопытство, по крайней мѣрѣ узнать, какимъ образомъ она избавлена. О томъ расскажу я вамъ, если угодно, при

завтракъ, сказала мнѣ *Миссъ Грандиссонъ*. Я было хотѣла завтракать, какъ вы вошли въ замокъ.

При сихъ словахъ она позвонила; немедленно принесли чай, и мы сѣли съ такою пріязнію, какъ будто бы давно уже другъ друга знали. Мы избѣгаемъ съ нею, сказала она, всѣхъ такихъ вопросовъ, кои ее могутъ трогать. Я и сама не весьма извѣщена о подробностяхъ ея избавленія. Мой братецъ ѣхалъ въ городъ за весьма нужными дѣлами. Едва его люди сошли съ лошадей. Онъ не сумнѣвается, говорилъ онъ мнѣ, чтобъ молодая особа, которую онъ оставляетъ на мои руки, не пришла вскорѣ въ состояніе удовольствовать мое любопытство. Но она впадала въ обмороки, кои толь часто возобновлялись, по мѣрѣ какъ вспоминала ту бѣду, изъ коей избавилась, что я сочла за долгъ отложить свою нетерпѣливость до возвращенія *Сира Карла Грандиссона*, я его ожидаю нынѣ къ первому часу.

О! Боже мой, вскричалъ я горестно, чего не должна была претерпѣть сія дражайшая дѣвица? Ахъ! не слыхалъ ли я, что тутъ было сраженіе? Я надѣюсь, *Сударыня*, что *Сиръ Грандиссонъ*.... Я также надѣюсь, прервала она, и туже нетерпѣливость, съ какою вы желаете увидѣть свою сестрицу, имѣю я видѣть моего брата. Но, какъ я оказала ему свои опасенія, то онъ свидѣтельствовался честію, что его рана почти ничего для него не составляетъ, Мой братецъ человѣкъ справедливый, и когда обязывается своею честію, то можно въ томъ на него положиться.

Тогда я спросилъ у *Миссъ Грандиссонъ*, не чрезвычайно ли она изумилась увидя молодую особу въ толь странномъ платьѣ?

Я вамъ ето судить оставлю, отвѣчала она. Я сидѣла въ своей горницѣ. Вдругъ ко мнѣ вошли, говоря, что *Сиръ Карлъ Грандиссонъ* проситъ меня на минуту сойти въ низъ; что онъ избавилъ какую-то прелѣстную госпожу изъ рукъ воровской шайки, ибо такъ мнѣ о томъ сперва было сказано, и что онъ съ нею возвратился. Я весьма изумилась нечаянному возвращенію моего братца, и столько была тронута ужасомъ и уныніемъ его спутницы, когда на нее взглянула, что не примѣтила ея одежды. Она дрожала, а *Карлъ Грандиссонъ* стоя подлѣ нее ободрялъ ее въ весьма нѣжныхъ выраженіяхъ. Я обнявъ ее поздоровалась съ нею. и обѣщала приложить о ней все мое попеченіе. Она хотѣла было однимъ колѣномъ стать на полъ, для возблагодаренія за мои ласки, столько-то, казалась она уничтожена своимъ несчастіемъ; но мой братецъ ее поддержалъ, и она согласилась сѣсть, извиняясь своею слабостию. Вы видите предъ собою, сказала она мнѣ, весьма странное позорище, и тутъ посмотрѣла на свое платье. Но я надѣюсь, *Сударыня*, что вы отъ сего не худшее мнѣніе возъмѣете о моей невинности. Сіе ненавистное убранство не мною избрано было, въ какое смущеніе оно меня приводитъ! Желали другіе, чтобъ я въ семъ переодѣяніи была въ маскарадѣ: несчастное увеселеніе! Я еще онаго не знала.... и въ первой

только разъ.... Не судите въ худую сторону, обратясь къ моему братцу, и сжавъ свои руки подняла оныя и говорила, не судите худо о той, которую вы столь великодушно избавили. Не судите о мнѣ худо, Сударыня, обратясь ко мнѣ. Я ни въ чемъ себя укорить не могу. Злодѣй, презрительнѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ..... ей не достало силъ окончить свою рѣчь.

Братецъ поручилъ мнѣ приложить стараніе, дабы ее привести въ чувство, и потомъ ее разпросить дабы подать ея фамиліи извѣстіе о щастливомъ ея избавленіи. Такая особа, присовокупилъ онъ, ни минуты не можетъ быть въ отлучкѣ не причиняя всѣмъ своимъ друзьямъ жесточайшаго безпокойства. Я вторительно говорилъ ей, что она находится въ честномъ домѣ, и что я сочту себѣ за щастіе въ чемъ нибудь ей служить. Она хо тѣла, чтобъ ее отвезли въ городъ; а какъ я примѣтила, что она пристально смотрѣла на свое платье: то предложила ей, чтобъ она переодѣлась въ мое. Братецъ ей сказалъ, что если она намѣрена ѣхать, то онъ поѣдетъ верхомъ, а ей оставитъ карету, надѣясь, что я охотно съ нею вмѣстѣ поѣду. Но прежде нежели могла она принять сіе предложеніе, такъ какъ и казалась къ тому расположенною, силы ея ослабли, и она упала въ безпамятствѣ къ моимъ ногамъ. Мой братецъ ждалъ только того, чтобъ она открыла глаза. Не должно и думать, говорилъ онъ мнѣ, о ея отъѣздѣ. Позовите какъ можно скорѣе Доктора. Она такъ слаба и изнеможена, что не перенесетъ безпокойства каретной ѣзды. Вы извѣститесь отъ ней о ея фамиліи, какъ скоро она въ состояніи будетъ съ вами говорить. Онъ со мною простился; обѣщавшись нынѣ же къ обѣду возвратиться. При отъѣздѣ своемъ повторилъ онъ, вы находитесь въ безопасномъ мѣстѣ, Сударыня, вамъ здѣсь ничего опасаться не должно. Она его благодарила однимъ наклоненіемъ головы, не будучи въ силахъ промолвить ни единого слова. Онъ отправился. И да сохранить его Боже! сказалъ я Миссъ Грандиссонъ, въ небесной своей благодати, повсюду куда бы онъ ни обратился.

Она мнѣ говорила, что замокъ, въ коемъ мы находимся, принадлежитъ Графу Л... которой недавно женился на старшей ея сестрѣ, и поѣхалъ съ ней въ Шотландію, въ коей большая часть его помѣстьевъ находится; что они скоро возвратятся, и что не болѣе трехъ дней, какъ сама она пріѣхала въ Колнеброкъ, для пріуготовленія всего нужнаго къ ихъ принятію. Весьма щастливо для вашей сестрицы, прибавила она, что мой братецъ со мною вмѣстѣ пріѣхалъ, и что вчера необходимыя дѣла призывали его въ Лондонъ. Онъ намѣренъ былъ нынѣ возвратиться, и сего же вечера туда меня отвезть. Наша фамилія, Г. Ревсъ, весьма тесно соединена. Кровная нѣжность никогда столь велика не бывала между братомъ и сестрами. Но на что теперь говорить о такихъ подробностяхъ? Я надѣюсь, что мы лучше другъ съ другомъ

познакомимся, и объявляю уже вамъ, что я очень полюбила *Миссъ Биронъ*.

Послѣ завтрака, коимъ она для моего удовольствія поспѣшила, привела она меня къ покоямъ *Миссъ Биронъ*, и оставя меня у дверей ея горницы, подошла весьма тихо къ головамъ ея постели. Какъ скоро она раскрыла занавесь, то я тотчасъ услышалъ любезной голосъ нашей *Генриетты*. Въ какой трудъ я васъ привожу, сказала она съ нѣжностію своей благодѣтельница. *Миссъ Грандиссонъ* просила ее съ любвидостойною благопріязнію, не говорить съ нею такимъ образомъ. Потомъ ее спросила, обѣщается ли она ей удержаться отъ излишне великаго изумленія, когда меня увидитъ. Я тому очень буду рада, отвѣчала она. Тогда *Миссъ Грандиссонъ* дала мнѣ знакъ войти, и я подошелъ къ постелѣ, дабы стократно облобызать дражайшую руку, ко мнѣ простертую. И такъ я васъ вижу, вскричалъ я со слезами, любезнѣйшая сестрица: я васъ вижу въ рукахъ достойныхъ васъ особъ. Ахъ! я не могу самъ сказать всего того, что мы претерпѣли?

Нѣтъ, отвѣчала она мнѣ, не говорите мнѣ того, что уже я могу предугадывать. Но знаете ли вы, Сударь, что я попала въ прелѣстнѣйшее мѣсто? *Миссъ Грандиссонъ* прервавъ ея рѣчь, укоряла ее излишнею ея благодарностію, и наклонясь ко мнѣ, просила меня вспомнить, что *Докторъ* приказывалъ держать ее въ спокойствѣ.

Естьли *Миссъ Грандиссонъ* называетъ ея благодарность излишностію; то вы, любезной *Сельби*, зная сколь чувствительно сердце несравненной нашей *Генриетты* къ самымъ простымъ обязанностямъ, можемъ заключить: сколь сильны должны быть ея чувствованія къ великодушному брату, своему избавителю, къ сестрѣ, прилагающей о ней толь нѣжныя попеченія, къ двумъ незнакомымъ особамъ, коимъ обязанною себя считаетъ сохраненіемъ своей чести и жизни! Одна сія мысль удобна была удержать языкъ мой, боясь привести ее въ излишне сильное движеніе. Однако не смотря на данной мнѣ совѣтъ, не могъ я возпротивиться тому колебанію, которое вдругъ возстало въ моемъ разумѣ. Я одинъ только предложу вопросъ моей сестрицѣ, сказалъ я съ примѣтнымъ замѣшательствомъ; неуже ли насиліе сего изверга было?... Я хотѣлъ было сказать, въ иномъ намѣреніи, а не для брака; но *Миссъ Грандиссонъ* пресѣкла мою рѣчь. Вы не должны ей предлагать ни одного такого вопроса, сказала она мнѣ, которой бы могъ возобновить непріятныя воспоминанія. Развѣ *Миссъ Биронъ* не жива? Развѣ она не здѣсь? Не поправляется ли она въ своемъ здоровьѣ? Возьмите терпѣніе до того времени, пока она не придетъ въ состояніе рассказать вамъ свое приключеніе. Я не присовокуплю ни одного слова, возразилъ я, отъ пылкаго мщенія..... Моя сестрица начала говорить; я повинуюсь приказамъ *Доктора*, сказала она мнѣ, но естьли я могу когда либо простить виновнику моею нещастія; то развѣ за то, что онъ мнѣ подаль

случай узнать *Миссъ Грандиссонъ*; ибо она толико обязываетъ меня своими милостями, что мнѣ не можно будетъ достоительно ее возблагодарить. Она остановилась. Въ сихъ рѣчахъ показалось мнѣ, находилъ я щастливое доказательство того, что она не была угрожаема крайнимъ насиліемъ; иначе не думала бы она, чтобъ могла когда либо простить своему злодѣю.

Она сказала, что хочетъ встать, *Миссъ Грандиссонъ* видя, что у нее глаза стали гораздо яснѣе, говорила, что на то согласна, лишь бы ей силы то позволили, и чтобъ не нужно было ей видѣть ненавистнаго своего платья. Я имъ сказалъ, что велѣлъ за собой привести чемоданъ, въ которой *Гжа. Ревсъ* постаралась для ее положить платья.

Но я здѣсь окончу свое письмо, чтобъ не пропустить почты. Впрочемъ усталость клонить меня ко сну. Для завтрашняго дня остается мнѣ только пріятное упражненіе и можетъ быть удовольствую я вашу нетерпѣливость черезъ нарочнаго. *Сиръ Роландъ* приходилъ вчера два раза, да и нынѣ до утра былъ у насъ. Моя жена велѣла ему сказать, что *Миссъ Биронъ* по нечаянному случаю должна была въ нѣкое мѣсто ѣхать, и что дни черезъ четыре возвратится назадъ. Онъ намѣревается въ послѣднихъ дняхъ на этой недѣлѣ ѣхать обратно въ провинцію.

Естьли наша дражайшая *Генриетта* завтра будетъ нѣсколько спокойнѣе; то намѣрена въ понедѣльникъ возвратиться въ нашъ замокъ, и я обѣщаль ей по утру пріѣхать въ Колнеброкъ. Какую радость произведетъ здѣсь ея возвращеніе.

Я не имѣлъ до сего ни времени ни охоты думать о томъ мерзавцѣ, которой привелъ насъ въ толь жестокое безпокойство.

ПИСЬМО XIX.

Г. Ревсъ къ Г. Сельби.

Вы ожидаете продолженія моего повѣствованія. *Миссъ Грандиссонъ*, приглася меня въ боковую горницу, между тѣмъ, какъ оставила своихъ женщинъ съ моею сестрицею, вышла отъ нея, давъ ей время одѣться. Она немедлѣнно ко мнѣ пришла. Ето прелѣстнѣйшая особа, сказала она мнѣ; но она показала мнѣ въ такомъ трепетаніи, что я уговорила ее лечь въ постель, и увѣрила ее, что вы останетесь у насъ обѣдать.

Напрасно я отговаривался нетерпѣливостію, съ коею желаль принести моей женѣ сіи благополучныя вѣсти. Мнѣ отвѣтствовано, что всѣ мои отговорки бесполезны. Я недоумѣвался, на что рѣшится, какъ вдругъ услышавъ каретной стукъ, выглянули мы изъ окна, и увидѣли *Сира Карла Грандиссона* выходящаго изъ кареты.

Онъ вошелъ къ намъ съ самымъ благороднымъ видомъ, и подойдя ко мнѣ сказалъ: я думаю, что имѣю честь видѣть *Г. Ревса*. По томъ обратясь къ своей сестрѣ просилъ прощенія, что вошелъ безъ доклада.

Онъ говорилъ въ извиненіе, что зналъ съ кѣмъ она находится, и что съ нетерпѣливостію желаетъ извѣститься о состояніи *Миссъ Биронъ*. Мы ему сказали; что наша больная вставала и одѣлась, но она еще такъ слаба, что мы ее уговорили не выходить изъ своего покоя. Онъ меня поздравилъ надеждою, съ какою ожидать можетъ по крайней мѣрѣ скорого ея выздоровленія.

Кавалеръ Грандиссонъ въ самомъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ, и я не помню, чтобъ видѣлъ когда такого пригожаго мужчину, которой бы имѣлъ лучшую физіономію.

Возблагодаря ему именемъ нашей фамиліи и другихъ, не преминулъ я спросить о его ранѣ. Онъ его считалъ за бездѣлицу, говоря что у него проколото платье, и нѣсколько ссажено плечо. Онъ повелъ рукою по тому мѣсту, дабы показать намъ, что отъ того никакой боли не чувствуетъ. Онъ сказалъ намъ, что *Сиру Гарграфу* весьма неспособно было уѣхать въ каретѣ; что его размышленія о вчерашнемъ произшествіи приносятъ ему тѣмъ больше удовольствія, что навѣдываясь о здоровьѣ своего противника, извѣстился, что есть вѣрная надежда къ его облегченію, естьли по крайней мѣрѣ можетъ онъ умѣришь свою запальчивость; что онъ тому искренно радуется, и что ни когда бы себѣ не простилъ, естьлибъ въ такомъ спорѣ лишилъ кого нибудь жизни. По томъ, дабы перемѣнить разговоръ, хотѣлъ онъ знать, въ какомъ состояніи находилась *Миссъ Биронъ* со вчерашняго дня. *Миссъ Грандиссонъ* отдала ему въ томъ вѣрной отчетъ, и стала пространно говорить о совершенствахъ нашей дражайшей *Генріетты*, кои я подтвердилъ справедливою похвалою. Онъ благодарилъ свою сестру за ея попеченія, какъ будто бы оныя о немъ самомъ употреблены были.

Мы тогда его просили подать намъ нѣкія объясненія о славномъ его дѣяніи, коимъ онъ возвратилъ столь дражайшую особу многимъ честнымъ людямъ, любящимъ ее со всею нѣжностію. Я здѣсь буду включать сколько можно точныя его слова, и постараюсь сохранить то хладнокровіе, съ коимъ онъ разсказалъ намъ сіе произшествіе.

Вы знаете, сестрица, за какими дѣлами ѣхалъ я въ городъ. За чрезвычайное щастіе считаю я то, что склонился на неотступныя ваши прозбы, и привезъ васъ сюда съ собою.

Въ двухъ миляхъ отъ Гонслова увидѣлъ я карету запряженную въ шесть лошадей, и ѣдущую ко мнѣ на встрѣчу съ необычайною скоростію, моему вершнику велѣно было также гнать, какъ можно сильнѣе. Кучеръ подѣзжавшій къ моей каретѣ, хотѣлъ, какъ казалось, оспорить мнѣ путь; мы на минуту остановились, я приказывалъ моимъ людямъ отворотить; ибо не люблю спорить изъ бездѣлицы. Лошади мои были свѣжи, и не далеко еще отъ дому нашего отѣхали; занавѣски же у другой кареты были задернуты, и я не могъ сперва узнать, кто тамъ сидѣлъ; но какъ моя карета стала поворачиваться; то я и увидѣлъ гербъ

Кавалера Гарграфы Поллексфена, и сквозь занавѣски разглядѣлъ, что тамъ сидѣли двѣ особы, изъ коихъ одна обвернута была алою епанчею.

...Въ самое то время поднялся крикъ, которой я сочелъ за женской, и слышалъ, что она многократно кричала: помогите, помогите; ради Бога помогите мнѣ! Я велѣлъ своимъ людямъ остановиться. Тогда услышалъ я голосъ мужчины, которой былъ самъ *Гарграфъ*, и приказывалъ изъ другихъ каретныхъ дверецъ своимъ людямъ гнать лошадей со всѣхъ силъ; но карета моя стояла поперекъ дороги. А какъ первый крикъ опять сталъ быть слышенъ и при томъ такимъ голосомъ, которой казался заглушаемъ; то я приказалъ тремъ служителямъ своимъ ѣхавшимъ за мной верхомъ, скорѣе задержать вершника *Сира Гарграфы* и самъ запретилъ его кучеру чтобъ нимало не трогался съ мѣста. Занавѣски съ моей стороны все были задернуты, а съ другаго бока *Сиръ Гарграфъ* понуждалъ своихъ людей, крича на нихъ съ бранью и заклинаніями. Я рѣшился выдти изъ кареты, что бы обойти вокругъ *Гарграфы*. Госпожа не переставала кричать, и я увидѣлъ, что *Гарграфъ* силился держать на ея ртѣ конецъ платка, которой казалось повязанъ былъ около его шеи: онъ бранилъ и клялъ ужаснымъ образомъ. Какъ скоро несчастная госпожа меня увидѣла; то простерла ко мнѣ обѣ руки, и самымъ печальнымъ голосомъ сказала: Государь мой! ради Бога!...

Сиръ Гарграфъ, сказалъ я ея злодѣю, я васъ узналъ по вашему гербу; вы, кажется, начали весьма худое дѣло. Такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ весьма запальчиво, я *Кавалеръ Поллексфенъ*, и везу обратно къ себѣ убѣжавшую жену. Я его спросилъ, его ли она жена? Моя, закричалъ онъ съ ругательствами, и чуть было отъ меня не ушла въ проклятомъ маскарадѣ: посмотрите, прибавилъ онъ, поднявъ епанчу, чуть было не ушла она даже въ семь нарядѣ. О! нѣтъ, никакъ нѣтъ, вскричала печальная госпожа.

Онъ опять началъ проклинать кучера, приказывая ему съ великимъ ругательствомъ гнать лошадей. Я его просилъ, чтобъ онъ меня разсмотрѣлъ. Позвольте мнѣ, *Сиръ Гарграфъ* предложить одинъ вопросъ сей госпожѣ. Я вижу, что вы очень нескромны, прервалъ онъ вдругъ мою рѣчь: да кто вы таковы?

Супруга ли вы *Кавалера Поллексфена*, Сударыня? продолжалъ я, не смотря на него. О! нѣтъ, нѣтъ, вотъ все, что она была въ силахъ отвѣчать. Двое изъ моихъ служителей подѣхали ко мнѣ, а третій держалъ за узду лошадь вершникову. Три человекъ, кои также верхами ѣхали за *Сиромъ Гарграфомъ*, остановились отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и какъ казалось, держали между собою совѣтъ, какъ будтобы опасались къ намъ подѣхать.

Смотрите за сими людьми, сказалъ я двумъ своимъ слугамъ; можетъ попадутся проѣзжіе, кои употребятъ противъ злодѣевъ

правосудіе. Бездѣльникъ! закричалъ я кучеру, которой хотѣлъ было гнать лошадей: ты за то жизнь твою заплатишь. А какъ *Сиръ Гарграфъ* не переставалъ его понуждать съ яростію и запальчивостію, то я повторилъ прежнюю мою угрозу, и спросилъ вдругъ госпожу, не желаетъ ли она быть избавлена. О! государь мой, отвѣчала она мнѣ, избавте меня изъ жалости. Я нахожусь въ рукахъ презрительнаго хищника; мнѣ измѣнили, я похищена; избавте меня, избавте!

Тогда я приказалъ своимъ людямъ перерѣзать у той кареты постромки, если они опасаются, что иначе оной остановить не могутъ, напустить на трехъ мужчинъ, да и схватить изъ нихъ одного, если будетъ можно, а все прочее оставить на мое попеченіе. *Сиръ Гарграфъ* размысли, что я не думаю больше его щадить, вынулъ шпагу, которую держалъ между своими колѣнами, и громко звалъ къ себѣ трехъ мужчинъ, приказывая имъ стрѣлять во всѣхъ тѣхъ, кои ни будутъ супротивляться его проѣзду. Я ему сказалъ, что мои люди столь же хорошо вооружены, какъ и его, что они меня послушаютъ при первомъ знакѣ, что ему совѣтую не приводить меня въ необходимость подать имъ оной. Потомъ обратясь къ молодой госпожѣ, спросилъ ее, намѣрена ли она отдаться въ мое покровительство? О! государь мой, сказала она мнѣ, я прошу отъ васъ сей милости, какъ небесной. Я не усумнился уже открыть дверцы. *Сиръ Гарграфъ* въ сіе самое время нанесъ на меня ударъ съ ужасными ругательствами. Я уже онаго предостерегался, такъ что будучи всегда остороженъ, безъ труда отвелъ его шпагу, которая однако легко скользнула мнѣ по плечу. Свою шпагу держалъ я въ рукахъ, но не вынималъ изъ ноженъ. А какъ дверцы были отперты, то правда поступилъ я не учтиво: что не спустилъ подножки, дабы *Сирю Гарграфу* помочь выдти изъ кареты. Я его схватилъ за воротъ, прежде нежели онъ могъ оправиться отъ удара, которой на меня нанесъ. И съ сильнымъ размахомъ, отъ коего онъ выпавши изъ кареты перевернулся вокругъ, бросилъ я его довольно еще щастливо подъ заднее колесо. Я выхватилъ у него шпагу, переломилъ ее и бросилъ оба клинка чрезъ свою голову. Его кучеръ поднялъ ужасной крикъ, но мой угрозами своими привелъ его въ молчаніе. Вершникъ его былъ такъ сказать еще ребенокъ, и одинъ изъ моихъ слугъ задержалъ его прежде, нежели подѣхалъ къ двумъ прочимъ, коимъ я приказывалъ захватить если можно, трехъ мужчинъ *Гарграфовыхъ*; я намѣренъ былъ единственно ихъ задержать; ибо думалъ, что сіи бездѣльники, вѣдая злодѣйскія намѣренія своего господина, приведены уже были въ чрезвычайной страхъ.

У *Сира Гарграфа* ротъ и все лице было въ крови. Видно, что я какъ нибудь поранилъ его ефесною головкою своей шпаги; одну ногу, какъ выбивался, запустилъ онъ между колесными спицами. Такое положеніе казалось мнѣ, могло укротить его запальчивость. И я кричалъ кучеру, чтобъ не сдвигалъ съ мѣста кареты, ради своего же господина, которой

по видимому при паденіи весьма больно ушибся. Онъ клялъ и ругалъ всѣхъ, сколько было его силъ. По истиннѣ человекъ столь мало способный къ пренесенію обиды, долженъ менѣе имѣть побужденія оскорблять другаго, судя по собственнымъ своимъ правиламъ. Я не обнажалъ своей шпаги, и чаю, что никогда въ частной ссорѣ сего не сдѣлаю. Однако въ подобномъ случаѣ не усумнился бы обнажишь оную, когда бы къ тому былъ побужденъ.

Молодая госпожа, хотя была и въ смертельномъ страхѣ, но нашла средство выпутаться изъ епанчи. Я не имѣлъ времени разсмотрѣть ея платья; но былъ пораженъ ея видомъ, а болѣе еще ея ужасомъ. Я ей подаль руку не помышляя какъ и прежде, спустить подножку, да думаю, что она не столько о томъ безпокоилась, какъ о своемъ избавленіи. Не читали ли вы, Г. *Ревсъ* (кажется, что *Плиній* составляетъ нѣкоторую часть сего повѣствованія) о одной утращенной птичкѣ, которая будучи преслѣдуема ястребомъ, бросилась въ пазуху нѣкоего прохожаго, какъ бы въ надежное убѣжище. Такъ точно прелѣстная ваша сестрица, когда увидѣла меня у кареты, то вмѣсто того, чтобъ принять ей мою руку, бросилась самымъ дѣломъ въ мои объятія. О! избавте меня, государь мой, избавте меня, вскричала она измѣнившимся голосомъ. Она почти уже лишилась чувствъ, и я не думаю, чтобъ была въ силахъ идти пѣшкомъ. Мнѣ надлежало обойти вокругъ лошадей *Сира Гарграфа*, дабы ее перенести въ свою карету. Будьте увѣрены, Сударыня, сказалъ я ей, посадя ее, что вы находитесь съ честнымъ человекомъ. Я отвезу васъ къ моей сестрицѣ, которая съ вами почти равныхъ лѣтъ, и отъ коей должны вы ожидать всякой помощи. Она выглядывала то изъ однихъ дверецъ, то изъ другихъ, съ великимъ ужасомъ, какъ будтобъ близость *Гарграфа*, ее еще смущала. Не бойтесь ничего, сказалъ я ей, я тотчасъ къ вамъ приду. Она меня усиленно просила запереть дверцы.

Я отошелъ отъ нее на нѣсколько шаговъ, но не теряя ее изъ виду, дабы посмотрѣть, куда дѣвались мои люди. Я отъ нихъ узналъ, что когда подошли они къ тремъ *Гарграфовымъ* провожатымъ, то приставили къ ихъ грудямъ пистолеты. Сіи три бездѣльника начали было защищаться; но потомъ, видно устращась грызеній совѣсти своей, пустились въ бѣгъ. Мои люди гнались за ними почти на три ста шаговъ, и возвращались уже ко мнѣ, въ то самое время, когда я, для призванія ихъ къ себѣ, оставилъ *Мисс Биронъ*.

Въ нѣкоемъ отъ себя разстояніи увидѣлъ я *Сира Гарграфа*, поддерживаемаго своимъ кучеромъ и опирающагося на него всею своею тяжестію; онъ съ великимъ трудомъ силился сѣсть въ свою карету. Я приказалъ одному изъ своихъ людей сказать ему, кто я таковъ. Онъ отвѣчалъ на то одними ругательствами, и яростно грозилъ мнѣ мщеніемъ. Но онъ гораздо еще болѣе кричалъ и ругалъ своихъ слугъ, коихъ называлъ подлецами и измѣнниками.

Когда сълъ я въ свою карету; *Миссъ Биронъ* упала на дно оной, гдѣ я нашель ее почти въ безпамятствѣ, и едва могущую произнестъ повторительно сіи слова: избавьте меня, избавьте. Я ее ободриль, приняль и посадя на скамейку спѣшилъ привезти ее къ моей сестрицѣ, которая безъ сомнѣнія рассказала *Г. Ревсу* все что по томъ ни случилось.

Я было началъ изъяслять ему свою приверженность похвалами и благодареніями; но *Сиръ Карлъ* не преминуль прервать мою рѣчь, для прекращенія сихъ излишнихъ выраженій. Вы видите, Сударь, сказалъ онъ мнѣ, что сія побѣда мнѣ малаго стоила, и что не много имѣю причины оною славиться; совѣсть хищника противоборствовала ему, а совѣсть слугъ его вспомоствовала мнѣ. Мои служители люди честные и любятъ своего господина. Въ добромъ дѣлѣ я бы могъ поручиться за сихъ трехъ человекъ вѣрнѣе нежели за шестерыхъ такихъ, коибъ покушались на злое какое намѣреніе и защищались бы отъ первыхъ. Самое слабое и робкое въ свѣтѣ есть порокъ, когда съ твердостію на оной, нападаютъ, и чего могутъ страшиться честные люди, защищающіе справедливость и добродѣтель!

Кажется, что *Сиръ Гарграфъ* возвратился въ городъ. О подлець! какой видъ представить, онъ долженъ собственнымъ своимъ глазамъ? *Сиръ Карлъ* говорилъ, что когда они проѣзжали *Смалбуривенъ*, то пограничные стражи пересказывали его людямъ повѣсть о какомъ то кровопролитномъ и трагическомъ хищеніи, случившемся въ тотъ же день въ двухъ миляхъ отъ Гонслова, и что пять или шесть разбойниковъ ѣхавшіе верхами, прибавили они, ограбили одного дворянина, которой сидѣль въ каретѣ, запряженной шестернею, и съ полчаса тому какъ проѣхаль тамошнія рубежи, будучи весь израненъ; они говорили, что слышали его стенанія, и что онъ поѣхаль въ Лондонъ принести суду свои жалобы. Другая за сею повѣсть, говорилъ намъ *Сиръ Карлъ* усмѣхаясь, есть та, что когда сторожи рассказывали оную исторію, то подѣхаль къ нимъ верхомъ какой-то человекъ, и говорилъ, что все его ложной слухъ, и что не воровство и не грабежъ какой случился, а ссора между двумя щегольками, изъ коихъ одинъ у другаго увесъ весьма пригожую любовницу.

Сія шутка не удержала меня отъ того, чтобъ не спросить *Сира Карла*, не нужно ли по благоразумію принять какія нибудь мѣры противу злости нашего врага? Ему кажется, говорилъ онъ мнѣ, что лучше всего по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ стараться должно не выводить сего дѣла наружу, пока виновникъ онаго пробудеть спокоенъ. Маскерады, присовокупилъ онъ, не такія мѣста, гдѣ бы могла женщина перенести нанесенное ей оскорбленіе. Хула, говорилъ онъ еще, всегда касается и до тѣхъ самыхъ, кои увѣрены, что хотя малѣйшую подали къ тому причину. Онъ думаетъ; что когда приключеніе *Миссъ Биронъ* просто рассказывано будеть; то симъ всегда можемъ мы принять такія мѣры, какія покажутся

намъ приличествующими. И такъ *Сирь Карль* не любитъ маскарадовъ. Что касается до меня, то хотябъ я и еще сто лѣтъ прожилъ, но ни за что бы не захотѣлъ въ немъ быть.

Теперь желаю я со всею нетерпѣливостію слышать сіе повѣствованіе отъ *Миссъ Биронъ*. Дай Боже, чтобъ оно было не такое, котореобъ могло насъ понудить.... Однако, какъ наша любезная *Генріетта* чрезвычайно разборчива..... то я не знаю еще, какъ объяснить ей мои мысли. Должно еще на нѣсколько времени вооружиться терпѣніемъ.

Миссъ Грандиссонъ оставя насъ, пошла къ больной провѣдать о ея состояніи. Она не долго у ней была. Обѣ любезныя сіи дѣвицы къ намъ пришли; одна опиралась на руку другой, которая ее поддерживала со всевозможнымъ раченіемъ, изъясляющимъ нѣжнѣйшую ея своей знакомкѣ дружбу. *Миссъ Биронъ* показалась мнѣ сперва нарочито блѣдна, но при видѣ своего избавителя, щеки ея покрылись прелѣстнымъ румянцемъ. *Сирь Карль* подошелъ къ ней съ тихостію и съ веселымъ видомъ, боясь привести ее въ смущеніе, и предупредя нѣсколькими учтивыми выраженіями, засвидѣтельствованіе искренней ея благодарности, взялъ ее за руку и подвелъ къ кресламъ, на кои лишь только она сѣла, то почувствовала опять слабость, которая привела насъ въ слезы. *Миссъ Грандиссонъ* подала ей солей, отъ коихъ она нѣсколько пришла въ чувство. Тогда глаза ея открылись съ толь трогательною томностію, что оною изъясляли въ себѣ гораздо еще сильнѣйшее выраженіе, потерявъ нѣчто отъ сроднаго имъ блеска. Всѣ сердечныя ея движенія преходили, казалось, на ея уста; но *Сирь Карль* просилъ у нее позволенія прервать ея рѣчи для сбереженія ея силъ, онъ жаловался, что излишне много кажется ему, цѣнить она обыкновенную услугу. Дражайшая *Миссъ*, говорилъ онъ ей нѣжнѣйшимъ голосомъ, ибо я беру уже вольность обходиться съ вами такъ, какъ будто бы мы давно другъ друга знали; по всему что я ни слыхалъ отъ *Г. Ревса* и отъ моей сестрицы, долженъ я считать вчерашній день за счастливѣйшей во всей моей жизни. Я жалѣю; что начало нашего знакомства столь дорого вамъ стоило; но сіе видимое зло произведетъ дѣйствительное благо. У меня есть двѣ сестрицы, коихъ изящныя качества приносятъ честь ихъ полу; согласитесь, чтобъ впредь могъ я хвалиться, что три сестры у себя имѣю. Какое бы удовольствіе могъ я имѣть отъ того произшествія, которое принесетъ съ собою столь превосходное приращеніе нашему дому? Потомъ взявъ за руку *Миссъ Биронъ* и свою сестрицу, соединилъ ихъ и сжавъ своею говорилъ: естли вы намъ сдѣлаете честь и согласитесь дать *Шарлоттъ* имя сестры; то не позволеноъ будетъ и мнѣ, при столь превосходномъ сродствѣ желать названія вашего брата? *Миссъ Грандиссонъ* приняла сіе предложеніе съ восхитительною радостію, *Миссъ Биронъ* колеблема разными чувствованіями, пресѣкающими ея голосъ, взирала на *Сира Карла* съ уваженіемъ и признательностію, *Миссъ Грандиссонъ*, съ

восторгомъ, а я съ удивленіемъ. На конецъ собравшись она съ силою, сказала: не говорила ли я вамъ, Г. *Ревсъ*, что я нахожусь въ небесномъ жилищѣ?

Я опасался, чтобъ она не упала въ обморокъ; но какъ *Сиръ Карль* искуснымъ образомъ перемѣнилъ свою рѣчь, началъ говорить о пріятностяхъ, кои предусматриваетъ для себя въ будущее время, то она столько сохранила силы, что могла сѣсть за столъ, и пребыть болѣе полчаса съ нами. Однако она раза три перемѣнилась въ лицѣ; а *Миссъ Грандиссонъ* усиленно ее просила возвратиться въ свою горницу, не желая никому поручить отвести ее, но сама съ нею пошла. Я съ нею простился, какъ она уходила. Еслии ничто насъ не задержитъ, то надѣюсь видѣть ее въ понедѣльникъ въ нашемъ замкѣ.

Милади Вилліамсъ теперь лишь отъ насъ поѣхала. Я прочиталъ ей все мое описаніе, съ самой поѣздки моей въ Колнеброкъ: двухъ дней не довольно будетъ, сказала она мнѣ, къ осушенію ея слезъ. Женщины, любезный, другъ, иногда весьма далеко видятъ. *Милади Вилліамсъ* и Гжа. *Ревсъ* очень были бы рады, когдабъ услышали, что *Миссъ Грандиссонъ* и *Миссъ Биронъ* называютъ одна другую сестрицею, въ такомъ, смыслѣ, чтобъ въ разсужденіи одной могло перемѣниться въ *Сиръ Карль* качество брата въ другое наименованіе.

Еслии сей превосходный человѣкъ.... но на что останавливаться, мнѣ на этой мысли? Однако ничто не мѣшаетъ мнѣ присовокупить, что когда онъ подошелъ къ двумъ госпожамъ, то я помыслилъ, что изъ всѣхъ мужчинъ, коихъ наша *Генріетта* до сего времени видѣла, храбрый, вѣжливый и добродѣтельный *Сиръ Карль*, былъ бы можетъ быть одинъ, которой не многобъ имѣлъ труда ей понравиться, когда бы почувствовалъ къ ней склонность. По истиннѣ, онъ чрезвычайно богатъ и не менѣе своего имѣнія надѣется еще получить отъ Милорда В.... своего дяди съ матерней стороны. Его сестра, которая говоритъ немъ,, какъ о безподобномъ человѣкѣ, сказала мнѣ, что онъ не можетъ жениться, не ввергнувъ въ мученія премногихъ особъ. Что до сего касается, то сіе же самое сказать можно и о *Миссъ Биронъ*. Но я бесполезно удаляюсь отъ своей матеріи.

Еслии наша любезная *Генріетта* не скоро придетъ въ состояніе къ вамъ отписать; то можетъ быть вы получите отъ меня еще письмо. Пребываю вашъ искренній

Аръ. Ревсъ.

Мой нарочной въ сіе самое время пріѣхалъ ко мнѣ съ вашимъ отвѣтомъ. По истиннѣ, любезной *Сельби*, я въ немъ нашелъ нѣсколько такихъ строкъ, которыя бы тронули меня до глубины сердца, еслии бы

дражайшая наша *Генріетта* столь щастливымъ случаемъ не возвращена была намъ.

ПИСЬМО XX.

Г. Ревсъ, къ Г. Сельби.

В Понедѣльникъ въ вечеру, 20 Февраля.

Я еще принимаюсь за перо; но вы скоро будете имѣть удовольствіе видѣть оное въ рукахъ моей сестрицы. Въ девять часовъ сего утра; пріѣхалъ я въ Колнеброкъ. Я увидѣлъ *Миссъ Биронъ* въ лучшемъ здоровьѣ, нежели могъ надѣяться. Она весьма хорошо препроводила двѣ предъидущія ночи, а вчерашній день былъ для нее превосходнымъ врачествомъ. *Сиръ Карлъ* большую часть вчерашняго дня просидѣлъ въ семь кабинетѣ, но двѣ госпожи ни минуту не расстаются. Наша дражайшая *Генріетта* превозноситъ до небесъ достоинства и совершенства сего брата и сестры. *Миссъ Грандиссонъ*, говоритъ она, имѣетъ много разума и пріятностей, ни мало не принужденна и откровенна. *Сиръ Карлъ* совершенно откровененъ и вѣжливъ. Учтивости его не приводятъ ни мало в замѣшательство его гостей. Но принужденность въ словахъ его и во всѣхъ поступкахъ, вдругъ убѣждаетъ, что для обязанія его не должно съ меньшею вольностію съ нимъ обходиться. Истинну сего наблюденія самъ я нынѣ дозналъ. Сего утра, при моемъ пріѣздѣ, я выговорилъ такія слова, кои казалось менѣе пріязни, чемъ уваженія въ себѣ заключали. *Сиръ Карлъ* за сіе обнявъ меня говорилъ съ самымъ ласковымъ видомъ: любезный *Г. Ревсъ*, честные люди должны другъ друга любить съ перваго вида. Не медлите включить меня въ число вашихъ друзей. Васъ уже считаю я между своими. Я бы очень худо о себѣ мыслилъ, естлибъ въ чловѣкѣ такого свойства, какъ *Г. Ревсъ*, примѣтилъ такую къ себѣ недовѣрчивость, котораябъ воспрещала его душѣ соединиться съ моею.

Миссъ Грандиссонъ не преминула склонить мою сестрицу рассказать ей всю ея повѣсть; при чемъ часть происшествій, касающихся до ея родственниковъ необходимо вошла въ сіе повѣствованіе.

А какъ *Миссъ Биронъ* столько уже укрѣпилась здоровьемъ, что можетъ возвратиться въ городъ; я же, какъ и она, былъ такого мнѣнія, что *Сиръ Карлу* лучше ѣхать въ сію небольшую поѣздку въ каретѣ, чемъ верхомъ; то я просилъ позволенія ѣхать, на той же лошади, на коей къ нимъ пріѣхалъ. Однако сія мысль произошла отъ *Миссъ Биронъ*. По возвращеніи нашемъ я съ нею о томъ не много поспорилъ; но я прошу васъ, пожалуйста не сказывайте ей, что я вамъ ето говорилъ; она мнѣ никогда сего не проститъ. Однако, когда я принялъ ея предложеніе, то ясно видѣлъ въ глазахъ ея удовольствіе.

Я пріѣхалъ въ Лондонъ за полчаса до кареты, и тѣмъ болѣе торопился, что ласкался склонить *Сира Карла* и его сестрицу, чтобъ у насъ отобѣдали. Я засталъ у себя въ домѣ *Милади Вилліамсъ* и *Миссъ Клемеръ*, особу всѣмъ намъ предорогую; они ожидали съ моею женою возвращенія *Миссъ Биронъ*. Какъ скоро послышался имъ каретной стукъ, то всѣ въ домѣ пришли въ радостной восторгъ, которой походилъ даже на изступленіе. Служители другъ другу оспоривали честь, чтобъ быть первыми въ дверяхъ. Я самъ туда побѣжалъ, чтобъ принять за руку *Миссъ Грандиссонъ*, между тѣмъ, какъ *Сиръ Карлъ* оказалъ сію же; учтивость моей сестрицѣ. Я не могу вамъ описать всѣхъ ласкъ, поздравленій и похвалъ, кои тогда слышалъ. Но я обманулся въ своей надеждѣ, желавъ склонить сего любезнѣйшаго брата и его сестрицу, дабы у насъ отобѣдали. Имъ должно было ѣхать за необходимыми дѣлами.

Миссъ Грандиссонъ прощаясь обѣщала скоро увидѣться съ своею сестрою *Генріеттою* и жить съ нею въ искреннѣйшей дружбѣ. *Милади* и моя жена пришли въ удивленіе, взирая на прелѣстный видъ и благородныя поступки *Сира Карла*. Ни одного изъ насъ не было такого, которой бы не взиралъ, съ разсмотрительностію на такое произшествіе, кое довершало все ея благополучіе. Но скромность *Миссъ Биронъ*, и ея здоровье, которое не столь еще укрѣпилось, чтобъ не чувствовала она нѣсколько движенія отъ поѣздки, не позволили намъ продолжать долѣе сей разговоръ. Она просила позволенія удалиться, да и мы сами понуждали ее на нѣсколько часовъ успокоиться.

Я помнится, говорилъ вамъ, что принялъ предложеніе *Милади Вилліамсъ*, которая въ ужасной неизвѣстности, въ коей мы за шесть дней предъ симъ находились, представляла намъ, что пошлетъ своего метрдотеля въ Падингтонъ. Онъ ничего примѣчательнѣйшаго оттуда не привезъ, кромѣ подтвержденій о свойствахъ вдовы и ея дочерей, кои не считаются тамъ безчестными людьми. По всему видно, что сіи три женщины ожидали благодарности отъ фамиліи *Миссъ Биронъ* за то, что споспѣшествовали браку ея съ такимъ человѣкомъ, коего богатства столь извѣстны. Посланецъ, коего я отправилъ въ Ридингъ для освѣдомленія о свойствахъ *Багенгаля*, возвратясь говорилъ, что его нравы весьма порочатъ, и что онъ считается искреннимъ другомъ *Сиру Гарграфу*. Но слава Богу, намъ нѣтъ теперь уже ни какого дѣла до сихъ людей. Я услышалъ, что и *Сиръ Гарграфъ* не выходитъ съ двора, и люди говорятъ другъ другу на ухо, что у него разумъ помѣшался, такъ что собственные его слуги не подходятъ къ нему безъ предосторожности. Онъ безчестно отпустилъ отъ себя всѣхъ тѣхъ кои сопровождали его въ поддомъ его намѣреніи. Мы еще не знаемъ, какова его рана; но онъ дѣйствительно раненъ, хотя и не опасно. Присовокупляютъ еще, что онъ непрестанно

угрожаетъ *Сиру Карлу*. Боже сохрани лучшаго изъ человѣковъ и паче всѣхъ достойнаго твоего покровя!

Миссъ Биронъ хочетъ завтра писать по почтѣ къ *Миссъ Люціи Сельби*, и послать къ ней подробное описаніе всего того, что она ни претерпѣла. Я обѣщался, сколько по крайней мѣрѣ могу на свою память надѣяться, сообщить ей всѣ статьи, кои уже вы отъ меня получили, дабы освободить ее отъ бесполезныхъ повтореній. Она мнѣ приказала сказать вамъ, что сего же вечера начнетъ писать свое письмо, дабы вы ни мало не беспокоились о ея состояніи. *Любезнѣйшій Сельби*, поздравляю васъ и всю вашу фамилію съ счастливымъ возвращеніемъ той особы, которая намъ столь драгоцѣнна.

Аръ. Ревсъ.

Конецъ первой части.

РОСПИСЬ.

Продающимся книгамъ.

Атласъ Россійской Имперіи, состоящей изъ 5 картъ, изданный во Градѣ С. Петра. 1772 года. 6 руб. въ пер. 6 руб. 50 коп.

Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ, истинная повѣсть. Англинское твореніе Г. Рихардсона 6 частей 7 руб. 25 коп. въ пер. 9 руб. 5 копѣекъ.

Дѣйствіе любви, или любопытныя приключенія и Трагическая смерть Бланки Капеллы Герцогини Тосканской. 1791 года. 60 коп. въ бум. 70 коп.

Зеркало любопытства, или ясное и подробное истолкованіе всѣхъ естественныхъ и нравственныхъ познаній, служащихъ къ пользѣ, удовольствію и пріятному препровожденію времени для тѣхъ, кои въ короткое время желаютъ снискать нужное просвѣщеніе. 1791 года 1 руб. въ пер. 1 руб. 30 копѣекъ.

Исторія города Константинополя съ начала построенія его до нынѣшнихъ временъ, показывающая всѣ случившіяся въ немъ перемѣны и прочія достопамятности въ царствованіе Греческихъ Императоровъ, съ обстоятельнымъ описаніемъ жестокой осады и покоренія его Магометомъ II, Султаномъ Турецкимъ. 1791 года. 40 к. въ бум. 45 копѣекъ.

Планъ Столичнаго города С. Петербурга 2 руб. 50 коп.

Увеселительное волшебство, или открытіе чудесныхъ и удивительныхъ таинственныхъ опытовъ. Извѣстныхъ подъ названіемъ,

Фокусъ Покусъ, производимыхъ посредствомъ сокровеннаго искусства, приводящаго въ недоумѣніе самыхъ просвѣщенныхъ и остроумныхъ зрителей, съ присовокупленіемъ ста гравированныхъ фигуръ, служащихъ для объясненія сихъ опытовъ, въ трехъ частяхъ 1791 года, 3 руб. въ пер. 5 руб 40 коп.

Целестина, или философка Алпійскіхъ горъ, новѣйшая Исторія, взятая изъ собственныхъ ея записокъ. 1791 года. 90 коп. въ пер. 1 р. 20 к.